

Монолог горного ветра

с. Майма
2020 г.

*Монолог
горного ветра*

с. Майма, 2020 г.

Монолог горного ветра. — Майма, 2020. — 350 стр.

Книга «Монолог горного ветра» посвящена 210-летию со дня образования села Майма, с которого начинается необыкновенно яркий свет и свежее дыхание Горного Алтая.

«Работа над этой книгой напоминает путешествие по малознакомой стране, когда на каждом шагу открываются новые дали и дороги. Они ведут неведомо куда, но сулят много неожиданного, дающего пищу для размышлений»

К. Паустовский

Предисловие

Алтай – горы, расположенные посреди Азиатского континента. Русский Алтай – именно так именовалась эта часть Азии в записках российских первопроходцев и в трудах российских путешественников, пришедших в эти края в конце 15-ого века или в начале-середине 16-ого века. Алтын или Алтай – Золотые Горы – манили открывателей богатств для создания могущества московского-русского государства.

К счастью, золота здесь не оказалось, поэтому мои русские предки продолжили свой путь на восток. Примерно с середины 18-ого века русские стали мирно соседствовать с алтайцами, спасшимися в горах Русского Алтая после разгрома Джунгарского ханства маньчжурами. Еще позднее на юго-востоке появились казахи.... С этого времени можно начинать отсчет мирного сосуществования христианства, мусульманства и шаманизма в горах Русского Алтая.

За 40 лет немало мне пришлось походить по долинам рек, полазать по склонам и вершинам гор. Чистые, грязно-серые или коричнево-грязные потоки рек привычны моей памяти. Столь же знакомы глазам смешанные леса и сосняки низкогорья, кедрачи и лиственницы высокогорья. Уймонская, Абайская, Курайская и Чуйская межгорные впадины, как и плато Укок, обрамленные снежно-белыми горами, наверное, помнят тепло моих рук, запах моих костров, звук гитары. Прокалённые солнцем высокогорья лица алтайцев и казахов, вместе с которыми я заготавливал сено в урочищах Тохтамыса и Сары-Таса, пил чай на Карагемском перевале и в Курайской степи... Любовь моя и жизнь – Русский Алтай!

Авторы нового сборника, издаваемого под эгидой литературного клуба «Ли́ра», столь же разнообразны в своём творчестве, как разнообразна милая сердцу палитра красок Русского Алтая. Одни из них очарованы красотой окружающего пространства Планеты, иные – красотой людей, населяющих этот край. Своё восхищение они выражают в рифмах стихов или в прозаических строках рассказов. Прозаические строки – как скучно и невыразительно звучит это выражение... никакой патетики, лирики. По Далю: проза – это обычная (обыденная) речь. Чего её сочинять и читать? Выйдете на улицу, да послушайте разговоры соседей или обильно сдобренные матом монологи множества лиц мужского пола – вот Вам и проза! Ан, нет: проза нового сборника несколько сродни нерифмованной поэзии жизни – загляните в книжку!

Среди авторов нового сборника обилие знакомых: Ольга Истомина, Мария Образцова, Галина Свириденко, Владимир Уделяев, Алексей Гаев, Татьяна Чанчибаева, Георгий Черных, Оксана Хлопотова, Оксана Холманская, Валерия Тюхтенева, Надежда Кетрарь, Николай Воробьев, Людмила Гришка, Александр Кобзев, Любовь и Борис Семенцовы, Юлиана Семенцова-Молчанова, Лилита Корчагина, Михаил Кыров. Наиболее интересны мне самые молодые: им идти по жизни дальше нас, а их личностные рифмы, как мне кажется, отличаются от тяжеловесности и балладной эпичности более зрелых – меня, Гаева, Уделяева. Каждый из них, молодых – самостоятельная нотка, увесистой горошиной перекатывающаяся по линейкам нотного стана жизни. Слушаешь – не оторвёшься!

На страницах сборника много новых для меня имен: Сергей Адлыков, Серикжан Толегенов, Алексей Тадинов, Мерген Челтанов, Мария Пахорукова, Сергей Дыков, Вера Ленская, Людмила Алтунина, Татьяна Гетерле, Ирина Евдокимова, Надежда Гайсина, Виктор Писаренко, Николай Смирнов. Мне кажется важным наличие в сборнике воспоминаний обычных людей (Виктор Писаренко, Николай Смирнов),

придающие книжке достоверность исторического документа. Кажется, и «новые» авторы сборника весьма удачно «вышли из тумана и не ударили в грязь лицом»!

Классики из авторов к 2020-ому году порядком «заматерели»: члены различных «академий», союзов писателей, лауреаты премий имени того и этого. Знай наших! Некоторых из авторов мне удаётся увидеть один раз в месяц на плановых заседаниях литературного клуба «Ли́ра», иных – не чаще одного раза в год, некоторых увидеть не удастся никоим образом; вероятно, они существуют в некоем параллельном пространстве и времени.

Семенцов Б.Г., человек

Данный сборник – это откровение.

Люди, чьи произведения представлены здесь, пишут о своём, сокровенном: о Родине, о жизни на Земле. Выводы вы сделаете сами после прочтения.

Что касается авторов – разные они по профессиям, возрасту и интересам, но объединяет их одно: любовь к месту, где они проживают свою жизнь. Здесь важно всё, и если читатель не останется равнодушным, значит, издание получилось.

Галина Свириденко

Сергей Агдыков

Родился 6 сентября 1967 года в с. Ак-Ширак Киргизской ССР, алтаец.

Образование высшее. В 1995 году окончил Горно-Алтайский государственный университет. Специальность — учитель истории и социальных дисциплин.

Трудовую деятельность начал рабочим в г. Оренбурге .

С 1985-1987 гг. — служба в рядах Советской Армии. С 1986 года служил в составе контингента Советских войск в Афганистане. Участник боевых действий в Афганистане.

1987-1989 гг. — монтер пути путевой-магнитной станции в г.Оренбурге.

1989-1992 гг. — учеба в Оренбургском государственном педагогическом институте.

1993-1995 гг. — преподаватель истории в с. Карагуж , Красногорского района, Алтайского края.

С 1995 года — редактор социального отдела редакции республиканской газеты «Звезда Алтай».

Член комитетов ГС-ЭК Республики Алтай по образованию, культуре, средствам массовой информации и общественным объединениям и социальной защите и охране здоровья населения. Член Союза писателей России.

Когда я был жеребенком

Дедушкин дом когда-то стоял посередине деревни, но молодежь разъехалась, старики поумирали. К тому времени, которое я описываю, от деревни осталось всего пять покосившихся, давно не отремонтированных изб, раскиданных по разным углам маленькой уютной долинки. В одном месте долинку перерезала шоссейная дорога, на придорожных кустах и траве оседала жирная, желтая пыль. Со всех сторон обступал, кедровник, и по краю весело журчала маленькая речушка Карасук с кристально чистой водой. Местные жители ее использовали для питья, и, поверьте мне, городская вода, будь она сто раз пропущена через очистительные фильтры, не шла ни в какое сравнение с карасукской. Дедушкин дом был старый, с прокопченными бревнами и высоким крыльцом.

В этой деревне не было электричества, и когда вечером бабушка зажигала керосиновую лампу, то по стенам начинали двигаться огромные тени, всё вокруг становилось таинственным и загадочным. Старый резной буфет с многочисленными маленькими окошечками был похож на замок. Чугунок в печке, когда закипал и начинал пофыркивать, напоминал

круглый сердитый паровозик, и дедушка, склонившийся у печки, был похож на огромную гору. Только бабушка даже тенью своей похожа была на бабушку.

Дедушку моего звали Виктор, а бабушку Катя, но она мне была не родная бабушка, настоящая умерла задолго до моего рождения. Раз дедушка привел меня на могилу и сказал: «Вот здесь твоя родная бабушка похоронена». А я смотрел на старую пожелтевшую фотографию, где была изображена какая-то женщина с властными, но усталыми глазами и думал: «Зачем дед врет, ведь бабушка дома». А что она дома, я хорошо ощущал, так как было еще красным ухо, после того, как она хорошенечко мне его накрутила.

Кроме меня, у деда жил мой, тогда совсем маленький, младший брат, а недалеко от деревни находилось большое село, где жило многочисленное семейство дедушкиной дочери.

Там дед получал пенсию, и поездка за ней носила целый ритуал. Получив пенсию, мы с дедушкой заходили в магазин, где он брал мешок муки, куль с крупой, соль, хлеб и бутылку белоголовой. Потом ехали к его дочери, тётке Ульяне, где дедушка выпивал, и сразу ложился спать. Его грузили в сани, и резвая лошадь Молодуха самостоятельно везла нас домой. Маршрут ей был известен, и вся поездка происходила как бы на автопилоте.

Во дворе стоял аил. Внутри него находился огромный казан, и в нём варили арачку. Когда шла великая арачковая эпопея, вся деревня напивалась вдрызг, и мне иногда казалось, что даже дедушкина кобыла Молодуха и та стоит покачиваясь. В деревне была своя особая и очень любимая немногочисленными жителями примета: если из аила шел дым, значит, пора проводить Виктора Дмитриевича, а возвращались соседи назад уже поздно вечером, кто с удалой песней, кто, выписывая кренделя, а кто просто падал в траву и сладко засыпал. Трава была словно мягкий пушистый ковер. И эту необыкновенную зеленую мягкость и пушистость я отчетливо помню до сих пор.

Летом у меня было много дел. С утра, когда солнце заполняло всю комнату, и его лучи плотными, теплыми слоями лежали на широких крашенных досках пола, я просыпался. Вернее, меня будила бабушка. Она толкала меня ухватом и произносила дежурное: «Вставай, курумесь, иди ешь». Покидать печку мне не хотелось, там было уютно и хорошо. Но вставать надо, впереди было много дел. Поев и стащив по пути из печки теплый, мягкий сырчик, я сидел на крыльце. Крыльцо было высокое, и впереди расстился большой огород с зеленым морем картофельной ботвы. Посередине огромная и, очевидно, очень древняя пихта. Дальше была речка, а еще дальше лес, в голубой дымке синели горы.

Помню на этом крыльце, мама давила мне на руке, набухший синевато-зеленый чудовищный чирей. Отвернувшись, я истошно орал, глядя на тайгу, чем, наверное, вызвал на время массовое бегство животных из этих мест.

Внизу у крыльца деловито бродили куры. В тени, высунув язык, дремала большая черная собака Пальма. Это был кобель, но мы его называли женским именем, на что он ничуть не обижался.

Сидя на крыльце, я сладко жмурился и раздумывал, куда бы мне податься. Решил пойти искупаться. В одном месте речка делала поворот, и здесь образовалось нечто вроде затона. Течение там было медленное, вода прозрачная. Я долго рассматривал дно, где лежали бурые камни и над ними парили зелёные водоросли, среди которых весело шныряли маленькие рыбки. Устав рассматривать подводную жизнь, я нырял, задохнувшись от холода, и вынырнув с громким криком, начинал плескаться. Вода была ледяная, и поэтому купание было недолгим.

Со стороны дома шла бабушка с коромыслом. Зачерпнув воды, она, плавно покачиваясь, несла ведра.

Я смотрел ей вслед и удивлялся, как она может таскать такую тяжесть. Решил попробовать сам: зачерпнул по полведра воды, накинул на шею коромысло, пыхтя и заплетаясь, потащил ведра. Вода плескалась мне на ноги, но я упорно та-

шил, и был очень горд, когда доволол остатки воды домой.

В доме было еще одно таинственное место — кладовая. Там всегда царил полумрак, сквозь щелястые доски падали тонкие лучи света и в них серебрилась пыль. На многочисленных полках лежали разные интересные вещи, по стенам были развешаны хомуты, конская сбруя. Под потолком, на проволоке, висели полоски сушеного медвежьего мяса, они заменяли нам конфеты. В углу было что-то большое, шуршащее и страшное, темно-зеленого цвета — дедушкин дождевик, фронтовая плащ-палатка. И я всегда его шепотом просил: «Дядя-дождевик, ты меня не ругай и деду не говори, я сейчас возьму несколько конфет и тихо уйду». Дождевик загадочно молчал, а я с опаской дергал мясо и, осторожно закрыв дверь, уходил.

Садились обедать за стол, который стоял у двух окон. На подоконнике росла пышная герань, красный стручковый перец, там же сушились полоски газетной бумаги для дедушкиных самокруток. Дед доставал деревянную доску и мелко резал на ней мясо. Руки у него были небольшие, в узловатых жилах. Я всегда по вечерам забирался к нему в кровать, он гладил меня шершавыми руками и пел горловым пением.

Тело деда тоже было шершавое, от многочисленных шрамов, полученных на войне. Он с фронта пришел в чине лейтенанта, и когда бабушка злилась на него, то кричала: «И-и-их, шерт, квардии интернат!»

Дедушка нарезал мясо, я его старательно пережевывал, и потом эту мягкую массу он долго жевал. Всех зубов дед лишился на фронте. Иногда к нам заходила бабушка Авдошка, она была маленькая, ноги у нее были колесом, и при ходьбе она опиралась на палку. Мне всегда она казалась доброй Бабой Ягой не только потому, что угощала нас с братом вкусными пирожками, но и потому, что у неё было доброе сердце.

После обеда бабушка заставляла меня сбивать чегень. Ну и утомительное же и нудное это занятие сидеть над узкой деревянной бочкой, в крышке которой было отверстие, и болтать в нем палкой туда-сюда. Я терпеливо поджидал момент,

чтобы смыться, но бабушка следила зорко и при малейшей попытке хватала за волосы и сажала на место.

Наконец, улучив момент, я стрелой прошмыгиваю мимо её широкой юбки, распахиваю дверь, краем глаза успеваю заметить, что дед одобрительно смеётся, а бабушка всплескивает руками, пулей слетаю с крыльца и мчусь в огород. Я несусь по зеленому морю ботвы, она скрывает меня по плечи, и только моя головёнка с торчащими ушами, мелькает над ней.

... Нашу долину заливают яркий солнечный свет, в густой траве стрекочут кузнечики. Коровы, позвякивают колокольцами, кобыла Молодуха мотает головой, будто с кем-то соглашается, высоко в небе летают птицы, а я мчусь по зеленой ботве и слышу, как бабушка кричит мне с крыльца: «Э-э-эй, балам, ты куда, жеребёнок!»

Я несусь, ботва бьёт мне по плечам, ноги увязают в мягком, щедро унавоженном черноземе, но я бегу и бегу.

... И вот уже не земля, а годы проносятся мимо меня, но в ушах по-прежнему слышен бабушкин крик: «Ты куда не-сёшься, мой жеребёнок?»

Давно ослепла и умерла бабушка, за ней умер дед. Нет дома. Нет и деревни. Долинку нашу вы уже никогда не увидите такой, какой она была при мне. Новые времена, новые нравы. Вторгся туда какой-то предприниматель, понастроил однообразные, как тюремные камеры, коттеджи, и исчезла мягкая пушистая трава, загрязнена речушка. В каких-то чудовищных цехах пият и пият наш лес, а рядом растёт груда мусора и хлама. Прогресс прогрессом, но как жаль, что этот удивительно дивный кусочек нашей планеты погиб безвозвратно.

Печально журчит Карасук, и гора Еланда уже не узнает уютную долинку, лежавшую перед ней. Грустит Еланда и качает недоуменно макушками своих деревьев... Что же вы сделали, люди!

Михалыч идёт на работу

Утро началось как обычно. Прогудел, пропылил по дороге маршрутный автобус, солнце, ударившись лучами об окно, растеклось по нему мелким золотым дождем, проникло в комнату. Михалыч, умытый и умиротворенный, мелкими глотками прихлебывал густой чай, с удовлетворением рассматривая в стакане капельку солнечного дождя.

— Чё, опять? — прошлёпала мимо него босыми ногами по полу взрослая дочь.

Михалыч сдвинул брови и, ничего не ответив, повернулся к окну и забарабанил по подоконнику, прислушиваясь, как дочь, шумно фыркая, умывалась в углу. Кот неслышно спрыгнул с табуретки, подобострастно потерся о ноги Михалыча, но, не получив ответной ласки, отошел и угрюмо сел у пустого блюда. Дочь, кончив фыркать и плескаться, подошла к столу, попутно погладив кота по пушистой спине, кот улыбнулся, но, взглянув на блюдо, опять расстроился.

— И когда это кончится? — спросила дочь.

— Никогда, — ответил спиной Михалыч, постукивая по подоконнику.

Вошла жена Михалыча с банкой белопенного молока.

— Обед с собой возьмешь? — спросила она.

Михалыч, видимо уставший от утренних вопросов, сгрёб пальцы в кулак и уже им постукивал по подоконнику.

— Что ты его спрашиваешь, мама, — говорила дочь, приглашая кота на тёплые белые колени. — Опять пойдет. Вся улица уже смеётся.

— Пускай ржут, а я пойду и буду ходить, — сказал дочери Михалыч непреклонно.

— Пойми, папа, глупо это... — умоляла дочь Михалыча, — его ягода и вишенка, давно уже созревшая для замужества.

Мать молча положила на стол перед Михалычем свёр-

ток. Дочь ехидно полюбопытствовала:

— Зарплату принесёшь?

— Угомонись, надоела, — махнула на нее рукой мать, — может, сегодня пораньше придешь, Вань?

— Не знаю. Как получится, — ответил Михалыч и, взяв сверток, пошёл на улицу.

Он шёл по утреннему просыпающемуся городу, и сонные коровы, теряя из-под хвостов котяхи, брели рядом с ним среди приветливо помахивающих им деревьев.

Вокруг города зеленым, бугристым ковром синели в утренней дымке горы и виднелись кое-где, как поплавки среди заросшей тиной воды, бело-серые головы пятиэтажек.

— На работу, Михалыч? — Спрашивали его копошившиеся за своими заборами обыватели.

— Туда, — кивал Михалыч.

Он шел важно, крепко ступая ногами на остывший за ночь, выщербленный и неровный асфальт. Спина его была прямая, подбородок поднят, глаза насмешливо оглядывали окрестности, словно говоря: «Копошитесь в своих огородах, мелочь, копошитесь, а я иду на важное дело — на работу». И река приветливо журчала ему: «Эй, Михалыч идет на работу!», птицы горланили и сплетничали по всему городу, столице республики А. : «Чик-чирик, Михалыч-то на работу пошёл», и невидимый хор из нависших вокруг гор с тонкими подголосками из сосновых борков, берёзовых рощиц устремлял в небеса мощное своё пение: «Михалыч идёт работать!»

— А на хрена, дядя Ваня? — Спросил один малый с грязным пятилетним пузом. Он стоял, этот ангелочек, у самой реки и деловито мочился в мутные воды, одной рукой подерживая свой приборчик, а другой копошился в носу, пальцем гоняя зеленые сопли.

Михалыч молча погладил его по стриженной головке с редкими кляксами «зеленки» на макушке и пошел дальше. Он не знал, что ответить. Хор смолк, только галдели о чем-то студенты, идя в университет республики А. На них, взгромоздившись на забор, лениво брехал лохматый, в сваявшейся

шерсти пес. Увидев Михалыча, он замолк и жалостливо посмотрел на него.

Хрустя битым стеклом и кирпичом, Михалыч прошёл через проходную, как всегда сплюнув на вывороченный с корнем ржавый турникет.

У первого цеха на скамейке под утренними лучами солнца нежился знакомый бомж. Увидев Михалыча, он приветственно помахал ему рукой.

— Садись, труженик, посиди, — предложил ему бомж. — Я вчера «Новости» смотрел, Михалыч, в старом универсаме, я там всегда «Новости» смотрю, а в «Торговом центре» — «Вести», а вот «Сегодня» по НТВ, сволочи, в магазинах не смотрят. Так вот, моё отношение к отставке Примакова крайне отрицательное. Нельзя расшатывать лодку, страна переживает пик кризиса, людям жрать нечего. Кризис власти лишь усугубляет экономический интерес, поверь мне на слово. А югославов опять бомбили, варвары.

— Жалко югославов, страдает ни за что народ, — потерянно сказал Михалыч и пошёл в свой цех.

— Михалыч! — крикнул ему вдогонку бомж, укладываясь опять на скамейку. — Импичмента не будет! Но пассаран! Будь здоров. До вечера!

Михалыч пробрался в свой полуразрушенный обгоревший слесарный цех, положил сверток с обедом в угол и огляделся. Часть высокого потолка рухнула, в огромные пустые оконные проемы задувал легкий ветерок, по искореженным разбитым станкам и верстакам скакали любопытные воробы, от вывороченного, заваленного всевозможным хламом пола тянуло сладковатой плесенью.

— За работу, — сказал сам себе Михалыч и принялся разбирать завалы железа.

— Эх, Михалыч, чего ты здесь забыл среди этих разрушенных стен, иди домой и возись в огороде, — мысленно я, автор, задавал вопрос старику.

— Почему так говоришь, нельзя тебе такое говорить. Ведь не верю я, пойми, милый мой человек, что так будет всег-

да. Потихоньку, помаленьку восстанавливаю завод, расчищу от грязи и мусора, а как кончится это завихрение мозгов, придут нормальные люди и скажут мне «спасибо», — так же беззвучно через время и пространство отвечал мне Михалыч.

— Ты идеалист, Михалыч?

— Не знаю, что такое «идеалист», но догадываюсь. Да нет, здесь у меня свой интерес есть. Я вот, посмотри, табель веду, все чин по чину. Так, сейчас посмотрим, за шесть лет мне уже набежало... так, так... набежало... В общем, еще подсчитать надо, поправку на инфляцию-херацию сделать, но это дочери поручу. Наряды себе закрываю. На ремонтные работы. И потом, я же на этом заводе со дня основания проработал, двадцать пять лет и восемь месяцев. После закрытия год бегал, хотел куда-нибудь на работу устроиться. Не смог. Кому на хрен сейчас нужен слесарь 6-го разряда? И дома не смог сидеть. Поверишь, даже коту было стыдно в глаза глядеть. Сидел-сидел, потом раз, чувствую — помру, если на работу не пойду. Встал один раз утром и пошел сюда.

— Эх, Михалыч, Михалыч, святая душа, — только пожалел его автор.

— А ты меня не жалея, — бурчал Михалыч. — Себя жалея. Я как жил, так и буду жить. Мне во-о-он еще сколько работы предстоит сделать, на мой век хватит.

В полуразрушенной проходной показался знакомый бомж Михалыча и радостно закричал:

— Старик! Я тебе яблочек принес. Мировая закуска! Запах детства. Будем нить «Грушевку» и заедать яблоками.

Они уселись в тени буйно разросшейся сирени и пили сладковатое, терпкое вино. Над их головами фиолетово цвела сирень, кружил шмель, в бороде бомжа запуталась соломинка, а сам он, подставив сморщенное немывтое лицо под легкий прохладный ветерок, блаженно жмурился.

— Витя, — спрашивал у бомжа Михалыч, — у тебя, наверное, все не так было? Ты видел жизнь, знаешь искусство. Скажи мне, Витя, какие люди в искусстве?

— Говно, — кратко отвечал Витя.

— Неужели все? — изумлялся Михалыч.

— Большинство. Но были люди, которых я уважал. Правда, единицы. Например, лауреат Сталинской премии, профессор, заслуженный деятель искусств скульптор Митрофанов на заседаниях художественного совета всегда держал руки за спиной.

— По привычке?

— Нет. Он вообще не сидел. Просто там у него был кусок пластилина и во время всяких разговоров, воплей-соплей он спокойно лепил маленького Ленина.

— Не глядя?! — изумился Михалыч.

— Абсолютно. В полной, можно сказать, незрячести.

— Мастер, — покачал головой Михалыч. — А зачем он их... того, делал?

— Руку набивал. Совершенствовал, можно, сказать, бесценный опыт.

На площади возле конторы клубилась стая бродячих собак. Они бегали по ней ровными концентрическими кругами. Некоторые из них задирали заднюю лапу у разных возвышенностей в виде ящиков, покосившихся столбов, железного хлама.

— Но больше всех я любил заслуженного художника Украины Василия Даниловича Грицко. Величайший был художник, тонкой натуры человек, царство ему небесное. Я бы назвал его дизайнером небесной мысли. Кстати, Ленина мог ногой нарисовать.левой.

— Тоже мастер, — одобрил Михалыч.

— Учились мы тогда в Киевском художественном институте и ездили на пленэр...

— Куда? — перебил бомжа Михалыч.

— На природу, — пояснил Витя. — И на одном из днепровских островков Василий Данилович пробирался через кусты к берегу и ждал подхода парохода. И когда появлялся пароход, он резво скидывал с себя трусы, выдвигал свое заднее место навстречу забитому народом пароходу, вставлял туда папиросу и сверху нахлобучивал шляпу. Человеки, про-

гуливавшиеся по палубе, шалели при виде этого зрелища, бросались все на один борт, чтобы получше рассмотреть невиданное чудо. Пароход кренился, капитан в большом волнении орал в рупор, чтобы не толпились у одного борта, а то пароход затонет и много ещё непереводаемого. А невозмутимый Василий Данилович попыхивал папиросой, наблюдая за умирающим от хохота народом, между своих кривоватых, запорожских ног.

Глядя на смеющегося Михалыча, Витя улыбался и продолжал:

— То была жизнь, драгоценный мой Иван Михайлович, полет фантазии, игра ума...

— Да какая там игра ума, — махал рукой Михалыч. — Бабство, забава.

— Забава, — задумчиво говорил Витя. — Забава нам строить и жить помогала. А что, Михалыч, много тебе еще на сегодня осталось?

— Угол очищу и хорош.

— Пойдем. Пойдем, очистим от скверны.

Когда угол был очищен от железного, искореженного лома, Витя, глядя куда-то в сторону, сказал:

— Ты, Михалыч, и меня, что ли, в наряд занеси.

Михалыч усмехнулся, достал свой блокнотик и спросил:

— Давай я тебя в бригаду к себе возьму?

— Да я не против, — согласился Витя. — Только с утра мне по базарам-рынкам в поисках пищи прошвырнуться надо будет. Неполный рабочий день у меня выходит.

— Ничего. Это пока — заметил Михалыч и добавил серьезно, — а на работе вот это дело ни-ни.

— Все, старик, ни грамма, только по выходным, — смеялся Витя.

Потом Михалыч засобиравшись домой. Уже уходя, он обернулся и сказал Вите:

— Поднимем заводешко-то. Верно. Не может быть, чтобы никому не нужно было.

— Будь спокоен, Михалыч, поднимем. Я тебе еще такую

наглядную агитацию нарисую: закачаешься. Эх, давно я не брал в руки кисть, но ничего, сделаю.

Когда Михалыч уже подходил к дому, возле него затормозила большая, серебристая машина.

— Эй, Михалыч, — окликнули из нее, — никак с завода?

— Да, товарищ директор.

— Какой я сейчас директор, — засмеялись в машине. — Ты, Михалыч, брось туда ходить, что там делать? Я тебе обещал работу подыскать, значит подыщу. Я своих работяг не забываю.

— Второй год жду, товарищ директор.

— А обещанного три года ждут, — опять загоготали в салоне. — Тут работка в одной фирме наклёвывается. Гробы делать. Товар ходовой. Зашибать хорошо будешь. Кое с кем переговорю и тебя устрою. Расширяемся мы, понял?

— Пошел ты, товарищ директор, туда, куда один хороший художник папиросу вставлял, — спокойно, от чего у него холодом обдало сердце, сказал Михалыч и побрёл, слегка ссутулившись, прочь от пышущей жаром, мускулистой машины.

— Чё ты сказал, Михалыч? — Не поняли в машине. — Михалыч! Михалыч!

Но старик уже решительно захлопнул калитку своего дома. На крыльце, стягивая сапоги, он с таким наслаждением многоэтажно заматерился, что кот, мывший лапу, от удивления замер и долго смотрел вслед Михалычу, раскрыв розовую пасть.

Мария Образцова

Мария Образцова родилась в Горном Алтае, в селе Манжерок в 1956 г. Окончила Горно-Алтайский институт, филологическое отделение. Рабочую деятельность начала на мебельной фабрике.

Основные направления в литературе: поэзия, проза, публицистика. Печаталась в альманахе «Алтай», в газетах: «Литературная Россия», «Звезда Алтая» и др. Создала манжерокскую газету «Минутка», и газету «КиТ (культура и туризм) на Алтае».

Авторские сборники: «Бабье лето», 1999 г; «Манжерок – моя обитель», 2011 г;

Сборники: «Среди однотипных коралловых будней», 2015 г; «Дороги солнечная нить», 2018 г; «Мы приходим на землю», 2019 г.

Является членом майминского литературного объединения «Лира».

Член Союза писателей России с 2002 г.

Василию Шукшину

*Больше правды нет,
Меньше правды нет.
Снова я приду
На сrostинский Пикет.*

*В гору поворот,
— Здесь стоит погост.
Я беру земли,
предков твоих, горсть.*

*На поляне — там,
Снова будет люд.
Слушай с высоты,
Как тебе поют.*

*Путь земной так мал,
Кто-то позабыт.
И мечты легко
Рушатся о быт.*

*Что ж мы так храним
В памяти твой след!?
Каждый год идем
В гости на Пикет.*

*Просто был всегда
Ты, — народный глас.
Просто, ты, любил
Каждого из нас.*

Алтай

*Когда-то здесь Творили Боги,
Рисуя Храм дыханьем жарким.
Алтарь у синего порога
Хранили гордые шаманки.*

*Рождённые под древний бубен,
Гортанные неслись напевы.
В ущельях таял голос трубный
Лесов таёжных королевы.*

*В аилах дух витал Ульгения,
Над дымом сырчики коптили.
И колыхались тихо тени,
Когда зайсаны говорили.*

*В котлах варили много мяса,
И Эрлик кровью наслаждался.
Здесь всё мешалось: радость, беды,
И день, как таинство являлся.*

На перевале Чеке-Таман

На Чеке-Тамане лето в разгаре,
Горячее небо обжигает плечи.
Лёгкий привкус на губах угара
В душе разливает беспечность.
Серпантин дороги ушёл за тучи,
И воздух, будто слюдяные блики.
Полёт орлицы то в петлю закручен,
То серых скал обнимает пики.
Здесь гор Алтая — вся сгустком сила,
И чувство мощи разрывает тело.
Тут Мать – Природа чудо творила.
В шифон всё синий одела.
Рождают звуки и страсть, и тайну,
С души смывая избыток пыли.
Встаю на камень, на самый крайний,
И чувствую, как вырастают крылья.

Эдиганка

Смеётся солнце
И в потоке бурном
Лучами жаркими
Катает голыши.
Волна о плиты
Ударившись, разгульная,
Потоком брызг
Взрывается в тиши.
Янтарный всплеск
До солнца долетает,
И радугою царственной
Застыв,
Великолепием чудным
Расцветает,
По-христиански
Землю покрестив.
Воды глоток
Держу я на ладони,
Она приятно руку
Холодит,
И душу, обожженную
Агонией,
Её святое действо
Исцелит.

*Эдиганка — горная речка в Горном Алтае

Ах, как всё здесь дивно, хорошо...

*Ах, как всё здесь дивно, хорошо!
У скалы стою, потёртой временем.
Вот уж первый дождь с грозой прошёл,
Силу людям дал, земле и семени.*

*Всё покрылось зелени ковром,
Заменяя легко сугробы белые.
Только льдинка всё лежит тайком
В серой, ветром выдутой расщелине.*

*Но, уж скоро и она слезой
Скатится до берега песчаного.
Станет бирюзовою волной,
Иль кустом маральника багряного.*

*И слегка покачивая куст,
Пробегаёт ветер, словно балуя.
Воздух даже чувствуешь на вкус,
А в тебе уж радость небывалая...*

Домбра

*Рви заколдованный круг, —
Песня под небо лети.
Домбра — особенный звук —
Тайная сила в пути.*

*Три роковые струны —
Горный будто ручей,
Поднимут тебя до луны
И обернут в суховей.*

*Цоканье звонких копыт —
Знойное эхо степей.
Слово любви горит
Сотнями ярких огней.*

*Звёзды сверкнут в сто карат,
Кровь застучит у виска.
Ну-ка, сыграй ещё, брат,
Чтоб отступила тоска.*

Манжерок

Моя обитель — Манжерок,
Моя юдоль —
Всех чистых помыслов исток,
И свет, и боль
Стоит на правом берегу
Большой реки,
Где волны быстрые бегут,
Как лань легки.
И перекинут млечный путь
Меж синих гор.
И космос разливает тут
Душе простор.
Сверчок на флейте в тишине
Сыграет вальс.
Проедешь тихо на коне,
Ты, в поздний час.
И серебрит опять луна
Твой сад и лес.
Туман омывает все дома
И всё окрест.
Я выйду утром за порог,
Любви полна.
Привет, мой добрый Манжерок, —
И юный друг и старина!

**Манжерок — (южноалт. Манжүрек — сторожевая сопка или туманная сопка) — село на территории Манжерокского сельского поселения Майминского района Республики Алтай России.*

Бабье лето

Изогнулась радуга дугой
Над весёлой речкой Эдиганкой.
Мы сидим на жердочке с тобой,
Словно две заблудшие цыганки.

О нелёгком бабьем житие
Льётся застарелая беседа.
Замерла лягушка на траве,
Слушая о наших вечных бедах.

Лёгкой дымкой облако плывёт,
Над тайгой-кормилицей тая.
Не живёт деревня без забот,
Без конца штаны свои латая.

Вижу её нищенский удел,
Чувствую за это виноватость.
Кто ж тебя нахально так раздел,
Попирая вековую святость!?

Как же тебя, милая, спасти?
Наши разговоры и об этом.
Как беду рукою отвести,
Чтобы в радость стало бабье лето?

Светло-нежная выдалась ночь

Светло-нежная выдалась ночь,
Кружевные бахрома по горам.
Я гоню тоску свою прочь,
Ей сегодня ходу не дам.

За бывшее судьбу не клянчу,
Видно, жребий мне выпал такой.
У иллюзий кудлатых в плену
Я ловила луну под горой.

За вершинами радужных льдин
Беловодье пыталась сыскать.
Только шелест стройных осин
Обещал мне здесь благодать.

Магический квадрат

Помню вечер, мерцанье летящих по небу комет,
Холод лунный скользит по желтеющим травам, лучами.
Иероглиф рисую — сплетение прожитых лет.
И в поклоне глубоком багровое солнце встречаю.
Опускаю руку на сердце уставшей земли.
На колени встаю в эпицентре великой меты.
На восход и на запад горят золотые огни.
На холодных камнях начертали нам предки заветы.
Слышу древнюю песнь, что сестра мне поёт у костра.
Серый камень расколот ветрами бегущих столетий.
В городище засыпаны белой золою врата.
В полнолуние мир здесь особенно светел.
Дай, услышать мне будущий крик у реки журавля
И увидеть, что будет с моею Землёю в грядущем.
Стержень предков хранят кедрачи и цветные поля,
И зелёный поток, у Белухи начало берущий.
Стало всё по-иному, что было всего лишь вчера,
По-другому живут и не те уже песни поются.
Но всё та же стоит на Катунь большая скала,
Ковыли по логам, как и в старь, серебристые гнутся.
И в ущелье глубоком всё та же лежит тишина,
Эхо так же летит над величием святого Алтая.
Поклоняются трепетно силе воды и огня,
А на пике горы светит ярко звезда голубая.

И уходит охотник в тайгу, оберегом храним,
И алтайские кони несутся сквозь время и пламя.
И в квадрате Алтая сплетенье космических сил,
Сохраненная мудрость, и наша великая память.

Наследство

*Что досталось мне в наследство
От воронежских кровей?
Это радужное детство,
Сердце бабушки моей.*

*Пусть, не знала степь без края
Всполох яркого огня.
Только песня разлившаяся
Настигала вновь меня.*

*Что досталось мне в наследство,
От алтайской стороны?
Синь, пронзающая сердце,
Мифы древней старины.*

*Бирюзовых рек журчанье,
В красках радужных луга.
Снежный кипень мироздания,
Молчаливая тайга.*

*Ветра посвист неустанный
По вершинам сосняка.
И в пути мотив гортанный
Пожилого седока.*

*Здесь ловлю я вдохновенье,
Мысли пламенной пожар.
И в душе моей владеньях
Берегу, как Божий дар!*

Кош-Агачская степь

*Цокот тысяч копыт,
И качается степь.
Камень лунный зарыт
В ледниковую твердь.*

*Здесь пожухла трава
В огнедышащий день.
Горы – сонм серебра,
Снежной лавы кипень.*

*Строго глазом ведёт
И причмокнет верблюдо.
Я приеду на год
В мир дымящихся юрт.*

*Небо — близко к земле,
И долина — из грёз.
Мне легко на коне
Здесь добраться до звёзд.*

* Чуйская степь (Кош-Агачская степь) — межгорная котловина на юго-востоке Алтая в верхнем течении реки Чуя. Расположена в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Чуйская степь является символической границей между алтайскими и казахскими поселениями.

Колыхнуло озёрную гладь

*Колыхнуло озёрную гладь
Неуёмно кружащим ветром.
Как легко здесь, под небом стоять
Рядом с древним раскидистым кедром.*

*Там вон звёзды-кометы летят,
И зарницы бросают свечение.
Из камней вековых древний град,
И застывшее ополчение.*

*И несёт мимо лёгкий кортеж,
Это машут осины листьями.
И любовь растекается здесь,
Над землёй золотыми лучами.*

*И всё то, что от Бога дано,
В твоём сердце, как в чистом сосуде.
И волшебный Вселенной звонок
В тебе чистые мысли будит.*

Октябрь

Расплескало зарево вечернее
Отблески в прозрачные пруды.
На скале, потёртой долгим временем,
Куст багрово-сказочной сляды.
А вода в брожении предсвадебном,
Сосны встали в дымке голубой,
И летят на землю звезды празднично,
Скоро здесь великий будет той.
До весны уж скоро, мир таинственно
Станет под снегами почивать.
А сегодня золотыми листьями
Застилает всё октябрь опять.
И теплом последним всё пропитано,
От деревни тянет горький дым.
Тронет в сердце струны позабытые
Смена декораций и картин.

И склонила к земле я тело,
Лада ласково песню пела,
Радость лета лилась над полем.
Утром ранним заря кипела
И тонула в разломе горном.

А внизу, там, река плескала
Чешуёй серебристой рыбы.
И туманом холодным пронзала
Тропки белые, серые глыбы.

Всё пропитано было мятой,
И немного будра горчила.
А в душе чувства снова кратны,
— Ах, сторонушки милой сила!

И склонила к земле я тело,
Это, знаю, была не слабость.
На мгновенье я в детство летела,
Или, может, училась падать...

Бычье сердце Легенда

Это было так давно, что уже никто и не помнит когда. Это было, видимо, тогда, когда величаво и монотонно под удивительную музыку горных ветров стройные сосны пели песню любви, которая уносилась в небо. В те далёкие времена не было широких дорог, а тропки были так узки, что знали о них только дикие звери.

В непроходимых тёмных лесах, где не росли цветы, а только сырой влажный мох покрывал землю, были топкие болота. Птицы жили на высоких горах и никогда не залетали в лес, потому что боялись его. Лучи солнца нежно ласкали верхушки сосен и тоже боялись опуститься ниже, чтобы не потеряться в тёмном царстве.

Но шёл по земле слух, что, если найдёшь тропку и пройдёшь дремучею тайгой, откроется тебе неведомая поляна. На той поляне есть родник с живою водой. А охраняет тот родник большой чёрный бык. Многие века пытались пройти тропой неведомой смельчаки, но никто не одолел и половины пути.

Однажды, у одного юноши заболела мать, и знахарка, пришедшая её лечить, сказала, что только живая вода из родника, что находится в непроходимой тайге, спасёт ей жизнь.

Смелый юноша, чтобы спасти свою мать, не раздумывая, отправился в дорогу. Очень долгим был его путь до мёртвой и топкой тайги. А когда ступил в лес, такая его окутала тишина и темнота, будто опустился он в царство Эрлика. Каждую минуту он думал о матери и медленно, но уверенно продвигался вперёд.

Он не знал, сколько дней и ночей был в пути, но, вдруг выйдя из тёмного леса, увидел ту поляну. Здесь мужественный юноша увидел, что родник с живой водой охраняет большой чёрный бык, и обратился к нему:

— У меня сильно болеет мать, а чтобы она выздоровела, я должен принести живой воды из этого родника. Дай мне её.

— Я вижу, ты мужественный юноша. Ни один не смог прийти сюда за тысячи лет, которые я охраняю родник, а ты пришёл. Видно, так велика твоя любовь к матери. Но есть одно условие, при котором я могу тебе дать живую воду. Мы должны состязаться в беге, - ответил ему бык.

Юноша согласился, и они побежали. Большими скачками нёсся сильный и могучий зверь. Юноша не отставал от него, потому что думал о матери. И когда оставалось совсем немного пробежать, бык упал замертво. Его покорила сыновья любовь, и он пожелал, чтобы юноша пришёл первым. Сердце быка, разорвалось на части, потому что оно было большое и благородное, а его осколки разлетелись по тайге яркими огоньками. Лес, озаренный этим светом, расступился и ожил. Защебетали в нём птицы и зацвели цветы. Люди стали приходить сюда за живой водой, но им так нравилось это место, что они оставались здесь жить.

Место назвали — Манжерок, что в переводе с алтайского языка означает «бычье сердце». Это случилось так давно, что никто уже и не помнит, когда это было. Только родник, по-прежнему, исцеляет всех, кто напьётся животворящей воды.

Синюха и Аржан

Легенда

В те далекие времена, когда в мире высоких гор всё было покрыто дремучими лесами и топкими болотами, никто не мог знать, что хранит эта неведомая земля. Здесь жили люди, но никто и никогда их не видел. Никто не видел их жилища, никто не знал, во что они одеваются. А главное, никто не знал злые они или добрые. В Ковыльных степях, что были ниже гор, жили люди спокойные и доброжелательные, а взгляд их всегда притягивался туда, где луна повисала на остроконечных пиках.

Однажды охотник Аржан из степных ковылей погнался за бурой лисицей, которая была так хороша, что он и не заметил, как заехал в дремучий лес. Пытаясь выбраться, кружил и забирался всё дальше. Так прошёл день, неделя, месяц. У охотника пропал конь, кончились стрелы, которыми он ставил метки, чтобы не потерять тропу, и которых так ни одной и не нашёл. И когда потерявший в конец силы охотник опустился на мох и забылся в глубоком сне, привиделся ему необычный сон. Будто плывет к нему между мрачных кедров, не касаясь пушистых мхов, луноликая красавица. Не видел он в степях девушек, такой необычной красоты. Волосы были черны, как смоль, брови — словно две радуги, а глаза — синевы небесной — что у росوماхи гордой. Одежды её были из шкур лесного зверья. В руках несла она стрелы, что Аржан оставлял на пути.

— Я знаю тебя, воин, — сказала она, нагнувшись над Аржаном. — Ты шёл по моим лесам, по моим тропам, а я шла за тобой.

— Кто ты, пречистая дева, — спросил Аржан, вздрогнув всем телом и протянув к ней свои сильные руки.

— О, воин, — сказала красавица, — как ты скор. Ты узнаешь всё. Но прежде, должен будешь решить три задачи. Слу-

шай. Первая: скажи, где здесь сторона холода, а где изобилия? Вторая: какое в болезнях людских первое средство? И третья: чем в этом краю живут люди?

Удивился Охотник, глаза открыл — нет никого. Встал, отряхнулся и чувствует, будто силы прибывают. Посмотрел, тропинка вверх поднимается, и понимает, что по ней ему и надо идти. Идёт Аржан по тропе и диву даётся: «Не простая, знать, та девица, что так долго меня по тайге водила, а теперь дорогу показала».

А перед ним открывается мир удивительный. Видит гора большая, а богатства разного на ней не счесть — и зверьё, и ягод.

«Ага, вот он мир изобилия» — думает Аржан.

Идёт дальше, слышит лёгкое журчание родничка. Чувствует, в теле усталость скопилась. Подошёл к родничку, воды испил, и сразу кровь в жилах будто обновилась, и пошла сила по телу гулять.

«Вот откуда, здоровье — то берется. Вода таёжная, родниковая силы прибавляет, от недугов исцеляет».

Смотрит Аржан кругом и понимает, что люди здесь живут тем, что природа даёт. И только подумал так, а перед ним ясноликая стоит, да только теперь не во сне, а наяву. «Правильно, охотник Аржан, ты решил все мои задачи. А теперь скажу тебе, кто я. Всё, что ты увидел здесь, принадлежит мне. Я хозяйка этого раздолья и изобилия. А зовут меня Синюха. Всем, кто придёт ко мне с поклоном, чистым сердцем, светлыми мыслями и благородством я открою красоту и недра своей стороны. Но плохо будет тому, кто придёт на землю мою варваром, с тёмными мыслями. Вечно он будет ходить по холодным дремучим лесам и никогда не найдет выхода. Скажу тебе, охотник Аржан, не просто ты попал в наш край. Я привела тебя, чтобы ты увидел богатство моё, познал великую мою силу, и рассказал людям степного ковыля, что приходить сюда можно, но только с добром, иначе их постигнет горе. А меня ты забудь. Вижу, сердце твоё переполнено любовью. Но если ты вернёшься ко мне, быть

тебе только святым родником у моих ног». Сказала это все Синюха и исчезла.

Лес перед Аржаном расступился. На камне он увидел свои стрелы.

Вернувшись в степные ковыли, рассказал всё своим собратьям. А вскоре ушёл – никто не знал куда.

Потянулись люди степного ковыля в страну горную – богатую и чудесную. Там они побратались с народом – смуглым как ночь, с гордым и открытым сердцем, которые много хранили знаний про свой край, и щедро принимали всех, кто приходил к ним с чистыми помыслами.

А там, где появилась тропа к сказочной красавице Синюхе, поёт нежную песню любви – даря всем страждущим прохладу и здоровье – изумрудный родник, который называют люди Аржаном.

**Гора Синюха расположена в предгорьях Горного Алтая и разделяется на две вершины: Большая Синюха – 1218 метров и Малая Синюха – 1196 метров. Необычное название гора получила из-за того, что воздух на её вершине немного разрежен и она, покрытая девственным лесом, приобретает слегка синеватый оттенок.*

Алексей Тагинов

Родился в 1961 году в с. Еланда, Чемальского района. Воспитывался и учился с 1-го класса в школе-интернате № 1 г. Горно-Алтайска. По окончании 10-го класса поступил в ПТУ-28, учился на сварщика.

В 1979 г. был призван в ряды Советской Армии. Служил на Сахалине в артиллерии, как и отец, прошедший всю войну 1941-1945 годов.

В 1987 г. окончил Новоалтайское художественное училище.

Издавался в общих поэтических сборниках. Позже вышел авторский сборник «Монолог Горного ветра», музыкальный альбом «Песнь Синего волка».

В настоящее время занимается живописью и по-прежнему пишет стихи.

Женат, воспитывает двоих детей. Проживает в г. Горно-Алтайске.

В 2002 году был принят в члены Союза писателей России.

Последний лист

Среди голых ветвей отраженьем,
Золотясь в неподвижной реке,
Словно споря с земным притяженьем,
Он висит на одной руке.

Вся листва потихоньку сдаётся,
Землю молча устлав собой,
Только он, непокорный, бьётся
Один на один с судьбой.

Он горит над землёю упрямо –
Огонёк белоствольной свечи.
Он не может уйти так рано,
Чтоб погибнуть безмолвно в ночи.

Он ещё не успел напиться
Предрассветных холодных рос,
Он еще не успел влюбиться
В перезвоны июльских гроз.

Он мечтает увидеть страну,
Где колышется стебель тюльпана,
Где рассвет под вуалью тумана
Обнимает нагую луну.

Не упасть, дотянуть до рассвета,
И еще раз увидеть восход...
Притяженьем сгоревшего лета
Его хрупкое сердце живёт!

Отчий дом

Старый дом покинут и заброшен.
На крыльце – ни одного следа.
Дворик снежным пеплом запылён.
Что же привело меня сюда?

Эту дверь, знакомую до боли,
Отворю и в прошлое войду.
К тёплому вечернему застолью
В тот далёкий праздник попаду

Настругаю тоненьких лучинок,
Отгребу холодную золу
Разведу огонь из тех спичинок,
Что забыл когда-то на полу.

Буду вспоминать родные лица,
Узнавать родные голоса.
До рассвета будут песни литься,
Под гармошку старую, отца.

Матери глаза увижу снова -
Поутру хлопочет у печи,
И семьи кормилицу — корову,
Под окном грустящую в ночи.

Всё ушло, и домик наш стареет.
Прошное назад нам не вернёт,
Больше никого не обогреет,
У огня семью не соберёт...

Но, быть может, зимними ночами,
Сиротливо глядя в темноту
Окнами, ослепшими в печали,
Он хранит в себе одну мечту.

Что однажды на последнем круге
Роем проходящих мимо дней,
Зазвонит он, словно майский улей,
Говором вернувшихся людей.

Он рожденью каждого причастен...
Часто забываем мы о том:
Человек без Родины – несчастен.
Дом без человека – мёртвый дом.

И стоит он в белом океане
Маяком забытых берегов,
Как моя заснеженная память –
Одинокий дом среди снегов...

Люди, спасите меня!

Словно вулкан, извергающий лаву,
Огненной кровью гора обливалась.
С треском горели и падали сосны,
Все, что оставила тёплая осень.

Рыдая и плача стонала гора,
голосом лисьим кричала нора:
«Люди, спасите меня!»

Шерстью дымилась, звала кабарга,
Треском ветвей умоляла тайга:
«Люди, спасите меня!»

Люди смотрели, им было легко,
Любям не страшно, до них далеко.
Любям не слышен был крик из огня:
«Люди, спасите меня!»

*Кто-то сказал: «Как красиво горит!»
Кто-то: «Природе не повредит».
Только сжимали свои кулаки
Беспомощные старики...*

*Молча молили они небеса:
«Дай нам, Всевышний, немного дождя!
Мы позабыли однажды Тебя,
И тем наказали детей и себя».*

*Пожар успокоят, быть может, дожди,
Но горные духи не спустят долги
Тем, кто в тайгу, как в уборную, прут,
Гадят вокруг и не уберут.*

*Сколько же можно, чья здесь вина?
Дым над Алтаем, как будто война!
Коль не проснёмся от сонного плена,
Будем страдать до седьмого колена!*

*Как же мы, дети божественных гор,
Их защитить не смогли до сих пор?
Мир наш, в огне умирая, страдает,
Но все-таки верить в людей продолжает!*

*И так же рыдает и стонет гора:
«Люди, спасите меня!»,
И молит скелетом деревьев тайга:
«Люди, спасите меня!»*

Танго падающей воды

*Гладь воды в неподвижности томной,
Ждёт рассвета холодный туман,
И смолою, застывшею темной,
Спит безмолвия океан.*

*Будто нет здесь ни жизни, ни смерти,
Мертвый космос до самого дня,
В отражении дальних странствий
Медитирует Будда-Луна.*

*Но воды неподвижность условна,
Неподвижны лишь берега,
За границу сна и покоя
Зарождается жизни река.*

*Вот всё ближе и ближе к обрыву,
Всё сильнее потока струна,
И подобно вселенскому взрыву
Тишину разрывает волна.*

*Под неистовый рёв водопада,
В брачном танце Земли и Воды,
Осыпается в ночь звездопада
Небосвод до последней звезды!*

*Россыпь радуги в солнечном спектре,
Словно брызги шампанского – ввысь!
Аргентинское танго рассвета —
В водопаде по имени Жизнь!*

*Он и плачет, он и хохочет —
Порождение капли дождя,
Под скалою кипит и клокочет:
«Пригласите на танец меня!»*

*Этот танец — как праздник победы,
Миг удачи над гранью беды,
Пляска жизни и смерти над бездной —
Танго падающей воды!*

И чистый снег, как чистая душа...

*Нежданный снег, нежданная зима...
В последний раз зовёт нас берег изумрудный,
Где золотой мозаикой листва
Рисует нам пейзаж реки нетрудный.*

*И в чьих-то недосказанных словах
Ты расшифруешь истины следы:
Усталость дней в задумчивых глазах,
Течение лет в течении воды.*

*Но подойди к реке! Зачем тебе слова?
Пусть тонкий лёд тебя не насторожит.
Там, в глубине воды, колыхается трава,
Которую ничто не потревожит.*

*И нам покажется короткою зима.
Я подарю тебе букет подводных лилий.
Что стоит мне достать из-подо льда
Весенний цвет без видимых усилий?*

*Или как в детстве — так же без стеснений
Подводный мир сквозь лёд откроем мы.
Хранителем весны нам будет, без сомнений,
Наш голубой аквариум зимы.*

*И в этой маленькой неведомой глуши
Чудесной тайною зима нас наградит,
И чистый снег, как чистая душа,
В своём круженье нас омолодит.*

И мы начнём с тобою всё сначала...

*Зима. Ещё зима, ещё метели по дорогам,
Ещё держаться ледяным мостам,
Но дольше день, и ждать совсем немного,
Пройдет каких-то десять дней, а там...*

*А там ленивый март, дитём проснувшись,
Сосулькой хрумкнет звонко у крыльца
И, ласково кому-то улыбнувшись,
Веснушек нарисует пол-лица.*

*А там... А там — восторженный апрель
С далеких гор снесёт последние снега,
Нагих берёз пригубит сладкую капель,
И рек ломая льды, затопит берега...*

*И грянет май грозой весенней, гулкой,
Заблещет бисером на мокрых проводах,
Проскачет босиком по переулкам
И зашумит в разбуженных садах...*

*Пускай февраль усердно замечает
Зимы прошедшей белые следы.
Холодный снег когда-нибудь растает,
Вновь оживут уснувшие цветы.*

*И мы начнем с тобою всё сначала,
Как будто не было метелей на земле,
Как будто ты не обо мне скучала,
И я в тоске не думал о тебе...*

Монолог горного ветра

Спустился в долину погонщик медлительных дней –
Простуженный вечер.

Туман осыпает деревья белёсой золой.

Покидая сырое ущелье я – Странник Ветер,
Неслышно плыву над уснувшей усталой землёй.

Путь мой далек, и осенняя ночь,
Как тоска, бесконечна.

Не спи, братец Дождь, до утра тишину карауль.

Пусть пока на вершинах лежит безмятежная вечность.

Я мир осмотрю, я сегодня – небесный патруль.

На пустых перевалах поют,

отпевая закат, погребальные звуки.

У пещер начинаются танцы оживших теней.

У холодных кострищ молчаливые горные духи

Окропляют слезами осколки священных камней.

Шепчут седые легенды гранитные скалы.

Лижет свои берега Серебристый Дракон.

Вспоминают ушедших героев, что больше не встанут,

А живых победил и пленил летаргический сон.

Братец мой Дождь, будь со мной до утра еще долго.

Нам ещё нужно Луну расспросить обо всём.

Печальную песнь последнего Синего волка

К братьям его до больших городов донесём.

Слышишь – над миром дудит и дудит монотонно,

Плачет, о чем-то рыдает отшельник Удод.

Ему через ночь Коростель откликается сонно:

«Ничто в этом мире не вечно и всё в свое время уйдёт».

Там, за горами, ночует рассвет в доме непрожитых лет.

Там, где тепло и загадочный свет нас ожидает рассвет.

Нас ожидает рассвет... В доме, которого нет...

Ольга Ельдекова (Устомина)

Родилась в 1957 г. в г. Балхаш, Карагандинской области.

Окончила Томский геологоразведочный техникум и Горно-Алтайский государственный университет, факультет филологии.

Работала техником-геофизиком, главным хранителем фонда Музея камня, экскурсоводом; заведующая библиотекой.

Автор и составитель сборников: «Параллельные миры», «Повозочка», «Пусть откроется жизни страница», «От февраля до сентября», «Майма литературная», «Среди однотипных коралловых будней», «Мир без войны», «Дороги солнечная нить», «Мы приходим на Землю» и др.

Член Петровской Академии наук и искусств.

Алтай

*Священный край – обитель духов горных.
Алтай — твердыня, Родины оплот,
Вместилище степей, долин просторных,
Источник чистых родниковых вод.*

*Здесь синь небес загадочная льётся
В объятия неумные реки,
И жадно пьёт Катунь и не напьётся,
И далеко слышны её глотки.*

*Здесь лики гор стоят в веках на страже,
Затылки перед солнцем, оголив,
И россыпь камешков один другого краше
К подножию бросают, накалив.*

*Склонились сосны пред рекой в почтенье
За то, что вдаль по ней плывут века,
И можно разглядеть их отраженье,
Что обнимают руки-берега.*

Чуйский тракт

*Не разгадаешь тайну — сколько лет отмерено.
В густых лесах кукушка времени поёт.
Судьба нелёгкая народов трёх уверенно
В морщинке каждой строгих скал живёт.*

*В краю, богатом, говорят, даров немерено,
Здесь день и ночь Катунь цветком цветёт,
Тропа торговая лежит в горах затеряно,
Скитальцев и купцов с собой зовёт.*

*На той тропе следы как прах развеяны.
И ветры странствий бродят средь столетий,
Да караваны лет плывут размеренно,
Ведя подсчёт побед и лихолетий.*

*Здесь тучей чёрной шли завоеватели,
И замер край под игом мёртвым сном.
Шли староверы в Беловодье, шли старатели,
Макарий миссией духовной шёл с крестом.*

*По тропам тем проложена дорога
Крестьянами ближайших деревень,
Да заключенными Сибирского острога,
На ком лежала преступлений тень.*

*Легенды здесь туманным покрывалом,
Окутав придорожные места,
Нам открывают разных тайн немало,
Жизнь начиная с чистого листа.*

**Чуйский тракт – часть современной дороги от Бийска
до границы с Монголией протяжённостью около 630 км.*

Три великана

Безрассудных людей образумить бы чтоб
Был Богами придуман Всемирный потоп
На Земле, где отары паслись и стада,
Словно белый туман разливалась вода.

Тучи птиц, от беды поднялись в небеса,
А пучина воды хоронила леса,
И поляны, и горы. И сотни людей
Навсегда бы исчезли в бездонности дней,

Но три брата пришли – что ни брат – великан.
Адыган, Чаптыган и ещё Бабырган.
Неустанно трудились семь дней и ночей,
Не щадя своих сил, в океане страстей.

На загривки, за пазухи клали народ
И до краешка суши шагали с ним вброд.
Великанам уж было не в силу нести,
Но беду как смогли, помогли отвести.

Словно свежий кумыс или кислый айран
Выпит ими до дна был зараз океан.
Краем суши как раз оказался тот край,
Что доныне зовётся красиво – Алтай.

* г. Адыган — священная для алтайских народов гора Адыган (Ада-Каан, Адаган) расположена в отрогах хребта Иолго и достигает высоты 1857 м над уровнем моря. Название горы в переводе с алтайского означает Отец-хан: ада – отец, предок, каан – хан, правитель. Есть русская версия названия горы – Лысая.

* г. Чаптыган — расположена в часе езды от Горно-Алтайска, её высота около 1500 метров.

*Бабырган -- самая северная вершина Семинского хребта, часть Белокурихинского гранитного массива, расположена в Алтайском крае на левом берегу Катунь. Абсолютная высота -- 1008, 6 м. Отделяет предалтайскую равнину от Алтайских гор.

Сказание о Телецком озере

Никто не помнит как, когда
Ушли в небытие года...
На месте озера светла
Долина чудная цвела.
Здесь исполины тополя
Шумели, землю веселя,
А горы к небу воспарив,
Стеснялись белоснежных грив,
Копчёных как большой курут.
Здесь в сердце гор нашли приют
Два брата, два богатыря,
Долину ту боготворя.
Хотелось каждому из них
Ей завладеть, но спор утих.
Решили перестать кричать,
Не лучше ль будет замолчать?
Нарушит первый кто обет,
Тому и не видать побед.
Сто дней молчали, сто ночей,
Но не забылось зло речей.
Сидели так, не зная сна,
И видят – девушка-весна
Идёт долиной и поёт.
Богатыри, разинув рот,
Вскричали оба: «Уй-кижи!»
И вдруг исчезли миражи,
Их оглушил могучий гром,
Сверкнула молния потом.
Густой туман в долину лёг -
Огромный белый мотылёк...
Когда рассеялся туман,
Открылся их самообман.
На месте том, о чём был спор,
Лежало озеро средь гор.
Не в озеро ль ушла она?
Шаманка? Девушка – весна?

Нырнули в озеро с вершин,
Взметнулись волны из глубин,
Сорвали шапки с белых гор,
И долго эха мощный хор
Всё повторял: «Теле, теле...»
Богатыри уж на земле.
Испуганы, но всё ж орут:
«Наверно, так её зовут!»
Взялись скорей кто громче звать,
Златые горы обещать.
Их спорам положил конец
Давно всё видевший Творец -
Последний раз взлетел их крик
И вихрем взвились в тот же миг
Богатыри, ветрами став.
Так поумерил Он их нрав.

Народ подметил, что с тех пор
Еще сильнее меж них раздор.
То рыщет по низу один,
Касаясь озера морщин, -
Его Низовкою зовут -
Порывы ветра волны рвут.
То сверху налетит другой,
Нарушив временный покой.
Всё ищет не терял чего -
Зовут Верховкою его.

С тех пор, сколь люди здесь живут,
Телецким озеро зовут.

*Телёцкое озеро – (южноалт. Алтын Кёл, или монг.
Алтын нуур — в переводе «Золотое озеро») — озеро на
северо-востоке Алтайских гор...

Майма — Чергачак

*Ища опоры, с Русью вольной
Навек судьбу свою связал
Народ алтайский, добровольно
России подданство принял.*

*И вот уж русские обозы
Дорогу торят по степи
Ни холода, ни зной, ни грозы
Их не пугают на пути.*

*Пришли к реке тропинкой торной,
Земля понравилась вполне.
Дома построили проворно
В предгорной этой стороне.*

*Волов для пахоты пригнали,
Пшеницу сеяли, табак.
На радостях и без печали
Село назвали Чергачак.*

*С другого берега смотрели
Глаза кочевников на них.
Дивились, меж собой гудели:
«Откуда столько здесь чужих?»*

*Однако поняли, что с миром
Сюда пришли, не для войны.
Копают землю, что-то сажают,
Не разгибая и спины.*

*А этот берег тоже видел,
Как на другом за ними глаз:
«Кого бояться? Не обидают!
Мы с миром к ним. И вот весь сказ!»*

Так постепенно привыкали,
Друг друга стали узнавать,
Тому учиться, что не знали,
Что у соседей нет – давать.

А позже вовсе подружились
Совместно мост соорудив.
Ну, а потом перероднились -
Народ рождаться стал красив.

*Аил майман объединили
С деревней русских – добрый знак!
Село-гнездо совместно свили,
Назвав Майма и Чергачак.*

**Майма — (от названия алтайского родо-племенного союза майманы) — село в Республике Алтай России, административный центр Майминского муниципального района и Майминского сельского поселения.*

Вглядитесь в чёрные глаза серебряного Алтая...

*Вглядитесь в чёрные глаза,
глаза серебряного Алтая.
Те же они, что на образах,
Те, что с рождения любишь и знаешь.
Их свет прозрачен и вездесущ.
Пред ним равнодушие проходит мимо.
Он оставляет пречистый след
В ранах потерянного пилигрима.
И мне достался – хоть не ждала,
Запал их взгляд в закоулки сердца,
И тут же выросли два крыла,
В волшебный мир распахнулась дверца.*

Уж смерклось

Уж смерклось.
Тёмная дорога
Бежит вперед,
Заманивая в глушь.
Хозяйка-ночь
От самого порога
Пролила тушь.
Мы долго едем
Чёрным коридором,
Врезаясь скоростью
В громоздкий бор.
Вверху течёт река
Небес простором.
В ней ловит звёзды
Месяца багор.
Сквозь звёзды
Проступают силуэты
Гранитных свай.
То ночью
В чёрное одетый
Стоит Алтай!

Можешь не сомневаться

*Путником в Горном Алтае, может быть, ты, не был.
Здесь по утрам березы гладят каракуль неба.*

*Каждый родник солнца пальцем коснуться хочет,
Зимний буран, свежий видит себя зодчим.*

*Разные реки руки с радостью жмут друг другу.
Кто запашистей, мягче спорят поляны с лугом.*

*Горы спокойны, чинны. Рядом холмы на страже
Дарят бесплатно к чаю мелких камней драже.*

*Теплым песком ноги кутают от простуды,
Чтоб испытать силы валят гранит грудой.*

*Царских вершин шапки белого снега белее,
Видно не зря вечно их ледники лелеют.*

*С этих краёв снежных, из подо льда смело
Мчится Катунь-речка, шумная, оголтелая.*

*Странником быть по Алтаю хоть нелезко — стоит.
Это осилит не каждый, странник — он тот же стоик.*

*Самый маршрут трудный — если живой — выжил!
Съедено пуд соли, сотню потов выжал.*

*«Больше сюда — ни ногою!» — если друзьям клянешься,
Можешь не сомневаться — значит ещё вернёшься!*

Любовный роман

*Днём ветрами запахло южными,
Ночью выпал тяжёлый снег
И машины снуют неуклюже,
Замедляя свой бег.*

*Позапуталась в вихре дорога,
Наплела между гор вензеля
В тщетных поисках недотроги
Под названьем Земля.*

*Мелодично гудит без стеснения
Проводов саксофон,
Прославляя зимы творение –
Серебристый картины фон.*

*По-церковному чинно, сочно
Песнь поет ветряной орган,
Он Алтаю талантливо, мощно
Пишет снегом любовный роман.*

Я к тебе загляну

*Я к тебе загляну обязательно. В среду.
Ты собак привяжи. И встречай у ворот.
Я приеду одна. Стопроцентно к обеду.
И с собой привезу целый ворох острот.*

*А еще привезу диких речек раскаты
Про шаманов и духов тех мест, где живу,
Свежий запах тайги, гор алтайских сонаты
Ты увидишь Алтай, ну, почти наяву.*

*Мы не будем с тобой вспоминать неудачи,
Зная, прошлого стог ворошить ни к чему.
И, скорее всего, мы легко посудачим
Про мороз и, что в каждом доме по кому.*

*Будет юрким ручьём разливаться беседа
Тем, что в детстве излазили вдоль-поперёк.
На ручье том от нас не осталось и следа.
Кстати, ирисов и пропылённых дорог.*

*А дрова будут метко стреляться в печурке
Чем сильней их пальба, нам с тобой веселей.
Будет кошка точить свои когти на чурке.
За окном плакать вьюга надрывней и злей.*

*А потом я уеду. Наверное, в среду.
Ты собак не гони и не слушай острот.
И украдкой не плачь, провожая по следу!
Мы с тобой еще рядом. До самых ворот.*

Хватит глотка свободы...

*Снова шагаем в горы, чтобы понять основы,
Твёрдо поверить в чудо, скинуть с души засовы.
Скалы оскалили зубы, радуясь этой встрече:
«Что, мол, идёте, Люди? Значит ещё не вечер!»*

*Каменные туманы в складке меж гор застряли
И на кофейной гуще съехать ли вниз гадали.
Сверху лежало небо в синей ночной рубашке,
А по рубашке тихо стадом брели барашки.*

*А на ступеньку ниже осень качалась в кронах,
Вся в акварельных разводах — жёлтых, оранже-зелёных...
Значит ещё не вечер! Рано считать годы...
Чтоб обрести силы, хватит глотка свободы.*

Первые чемпионы-водники 1987г. – майминцы

(по воспоминаниям Е. Н. Дударева)

Идеей создать команду и сплавляться по горным рекам Алтай завлёк своих друзей и коллег по Алтайской геофизической экспедиции (В. Каверина, Е. Дударева, В. Железнова, Н. Полину, Г. Шергину) Андрей Запорожский, который был «болен» этим ещё с тех времён, когда учился в институте.

Итак, началась подготовка. Начиная с января, в Красном уголке (так назывался тогда актовый зал Алтайской геофизической экспедиции) по вечерам, допоздна и, как следствие, до обид и выяснений отношений дома; урывками, в обеденный перерыв, закипела работа. Девчонки кроили и шили костюмы, спасательные жилеты и чехлы; парни клеили, надували гондолы – сооружали плот, который состоял из 4 гондол, между ними — трал, 2 греби (о рафтах тогда только мечтали).

В команде по соревнованиям на плоту участвовали шесть работников Алтайской геофизической экспедиции: А. Э. Запорожский, Е. Н. Дударев, В. Каверин, В. И. Железнов, Н. Полина, Г. Шергина.

«Впоследствии американцы прозвали наш плот «софоботом», а мы своё детище звали ласково «два дивана». В Урсуле, на ночёвке к нам прибилась коза, которая до конца соревнований плавала с жюри на плоту» — вспоминает один из участников соревнований на Кубок Мира Евгений Дударев.

Впервые Майминские спортсмены на своём самодельном плоту выступили на реке Чуя в 1987 году и запомнились участникам других команд своим сильным выступлением, оригинальностью, самобытностью, большим спортивным потенциалом.

В 1989 г. на старте торжественно объявили: «Выходят короли трассы!!!».

«Этот лозунг чуть не испортил нам первый этап. Проходя вторые ворота на пороге «Буревестник», мы и в самом деле поверили, что мы короли трассы и переусердствовали:

так лихо работали вёслами, что сами себя перевернули. Было обидно, что здесь, на лёгком пороге проиграли. Но это был урок на будущее – похвалу надо принимать спокойно, а лучше вообще не обращать на это внимания».

От «Буревестника до «Бегемота» — слалом, прошли неплохо. На «Бегемоте» — самый опасный порог — прохождение семи ворот на скорость, их ждала долгожданная победа!

Первое место на этом этапе заслуженно принадлежало теперь уже знаменитым майминцам, команде из Великобритании досталось только второе.

В 1989 году в соревнованиях «Чуя-ралли» участвовало 14 стран мира, в том числе США и Великобритания.

Одним из условий участия было предварительное прохождение рек пятой категории сложности.

Майминцы прошли Чую от с. Ини до Еломана; потом на машине — до Онгудая на р. Урсул — до Катуня и по Катуню — до Маймы.

После соревнований, в то время, когда другие спортсмены разъезжались на машинах и автобусах по домам, майминцы прошли до конца Чую и по Катуню до Маймы.

В 1990 годы были ещё соревнования, но такого размаха уже не было...

Позже, команда знаменитых майминцев ездили в Восточный Казахстан, на этом же плоту прошли по реке Белая и Бухтарма, которая является родной сестрой Катуня – берет начало тоже на величественной и прекрасной Белухе, но по сравнению с нашей горной и капризной красавицей, Бухтарма показалась нашим землякам спокойной, и прохождение по ней скоро наскучило.

** Чемпионат мира по сплаву, рафтингу — первые международные водные соревнования, проведённые в Горном Алтае в июле 1987 года, целью которых являлось сотрудничество в плане освоения горных рек. Участвовали спортсмены 14 стран, в том числе, команда знаменитых майминцев.*

В международный лагерь мира съехались представители: из США, Канады, Англии, Франции, ФРГ, Чехословакии, Коста-Рики, Австралии, Италии, Венесуэлы, Замбии, Непала, Новой Зеландии.

А вечные горы остаются стоять...

Я часто думаю о нём. Лет 20 каждый день смотрю на него из окна и люблюсь. Он — необыкновенный!

Он — это Бабырган, одиноко стоящий, скалистый, предсказывающий непогоду! Золотой в лучах восходящего солнца, хмурый, седой с насупленными бровями-тучами в непогоду, переливающийся всеми цветами акварели от закатов. Разный каждый час, каждую минуту, но всегда одинаковой формы, с одними и теми же профилями лиц, расположенных справа и слева от основной вершины-пики.

Сколько существует красивых народных легенд о нём: о великом богатыре Бабырхане, о Бабыргане и Синюхе спорящих кто из них сильнее, в гневе швыряющих друг в друга деревьями и камнями. Но самая поэтическая легенда о хане Алтае, имевшем много дочерей и строптивого сына — Бабыргана, который перессорился со всеми сёстрами и живёт теперь одинокий, вдали от родных. Лишь одну, младшую сестру, Синюху, Бабырган любит и скучает по ней. Время от времени они шлют друг другу письма. Эти письма, не что иное, как дожди.

В детстве бабушка рассказала мне ещё одну легенду-быль о том, что в далекие времена её молодости на Бабыргане жила большая зажиточная семья. У престарелых родителей было тринадцать сыновей — главное их богатство. Со временем они построили добротный большой дом, развели хозяйство: коров, овец, кур, даже пчёл.

Отец семейства вместе со старшими сыновьями готовили для пчёл колоды, для чего использовали стволы лиственных пород деревьев, которые не только уберегали пчелиную семью от зимних холодов, но и от летнего зноя, тем самым создавая для них условия, максимально приближенные к естественным условиям обитания.

Несмотря на то, что все члены семьи были трудолюбивы, рабочих рук, чтобы содержать всё хозяйство в порядке, не хватало. Сыновья подрастали, обзаводились жёнами – работников прибывало всё больше.

Так и моя бабушка попала в это дружное, крепкое семейство. Да только ненадолго здесь задержалась. Однажды на семью напал мор – непонятная болезнь, похожая на чуму. Женщины старательно ухаживали за больными: стирали в ручье бельё, поили травяными настоями, но их мужья умирали один за другим. Последними умерли родители. Ни одна из снох не заболела и, схоронив мужа, возвращалась домой, к своим родителям.

Чувствуя скорую смерть, бабушкин муж попросил срезать прядь его волос на память. До конца своей жизни она хранила на дне сундука этот, дорогой ей завиток, цвета спелой пшеницы. Часто рассказывала нам, своим внукам, как они жили в этой семье, как исходили вдоль и поперек склоны Бабыргана, заготавливая грибы и ягоды впрок; пасли отары овец.

Да, люди уходят, а вечные горы остаются стоять, храня невозмутимое спокойствие.

Уже давно нет бабушки, а Бабырган стоит, на том же месте, как одинокий страж и манит меня какой-то одному ему известной тайной.

Всё те же духи гор витают между скал, всё те же песни распевают ветра, отдают поклоны ручьям черемухи и ивы, у подножия волнуются ковыли.

И вот желание моё встретиться с Ним исполняется – с друзьями решаем совершить на него восхождение. Живя на Алтае, являясь коренными жителями, можно сказать, аборигенами, знаем, что на священные горы женщинам подниматься нельзя. А на такую, как Белуха, например, и смотреть запрещается. Что Бабырган – священный, почти не сомневаемся. Но бывшая одноклассница успокаивает, рассказывая, как они в детстве чуть не каждый день ходили сюда в походы,

уходя утром и, возвращаясь, только к вечеру.

Оставляем Уазик у подножия и начинаем, казалось бы, несложный подъём. Проходим сначала, как будто, по специально наваленному курумнику, которому здесь, вроде, не откуда взяться. За ним долгий постепенный подъём. Жесткая трава – по пояс. Под ней не видно кочек и ям. Идём, запинаясь, уже обливаясь потом. Почему, этого часа надо было ждать столько лет? Почему бы не пойти сюда, хотя бы, лет десять назад? Вот такие мысли, примерно, посещали наши бедовые головы. Но уж, если решились, то дойдём!

Вот и небольшой березовый лесок, украшенный огромными черными валунами, напоминающими то динозавра, то лежащего медведя, то удобное кресло, в котором каждый посидел, сфотографировался. В общем – приятный, короткий отдых. И снова вверх.

Всё круче подъём, всё чаще постукивают сердца, напоминая о возрасте семерым зарвавшимся пенсионерам. Но вот и скалы, издали напоминающие корону. Вблизи, скалы обретают такие фантастические образы, что просто диву даёшься. Каждую обходим, разглядываем с разных ракурсов, восхищаемся красотой и причудливостью форм.

Одноклассник, заядлый походник, когда-то Славка, а теперь СлавПалыч, уверенно ведёт нас к самой высокой вершине, предлагает на неё подняться, чтобы отметить в хранящейся на вершине тетради, что дошли и побывали здесь.

Доверчиво идём за ним. Лезем, помогая друг другу, подавая руку, поддерживая и подталкивая в спину. Чем выше, тем сильнее ветер. И вот уже на последнем приступочке – очень узком месте, где стоять можно только на одной ноге, ветер свирепеет, пытаюсь сбросить незваных гостей в тартарары, но надежные руки друзей выдергивают всех по очереди на площадку вершины. Здесь мы в относительной безопасности. Пока. О том, как спускаться, стараемся не думать. С чувством великого удовлетворения этой маленькой победой, да и, собственно, жизнью, разглядываем открывшуюся великолепную панораму – жёлтые степи и гряды гор, близких —

разноцветных и туманно синих — далёких. Радость и счастье переполняют, и мы на время оставляем подкравшуюся было мысль о спуске.

Обнаруживаем металлический сейф, прочно закреплённый в скале. Достаём из сейфа помятую тетрадь, здесь же предусмотрительно лежит карандаш и ручка. Ставим число и свои подписи. Сидим еще некоторое время счастливые, но возвращаться надо — мы еще нужны там, на земле.

Начав спускаться, многие, не сомневаюсь, сочинили слова сердечной молитвы, с перепугу забыв об уже известных. Спуск занял ещё больше времени, чем подъём — три часа, но завершился благополучно.

Внизу нас ждал ужин — вкусным было всё: холодная отварная картошка, сало, подтаявшее на дневном припекающем солнце. Домашний арбуз показался вообще роскошью.

Быстро стемнело. Повернувшись к Бабыргану лицом, видим его почерневший лик с короной на голове. Благодарим за то, что позволил подняться и посетить его Высочество. Садимся в Уазик и уезжаем домой, где нас ждут родные.

А вечные горы остаются стоять, храня невозмутимое спокойствие и так и не разгаданную никем тайну...

Каменные россыпи

Слово "Аскат" до недавнего времени мне ни о чём не говорило. Я знала, что в Чемальском районе есть такое село, и находится оно где-то рядом со знаменитым Аносом — местом, где жил известный алтайский художник Григорий Чорос-Гуркин.

Но скоро судьба повернула так, что я побывала в Аскате — маленьком селе на живописном берегу Катуня. Оно поразило меня не столько удивительной природой, сколько большим количеством талантливых людей, как будто специально собранных в одном месте. Но начну с самого начала.

Мне посчастливилось пожить в Городке Мастеров, подышать этим чистым воздухом, пропитанным мощнейшей энергетикой, подаренной людям Катунью, берущей начало на Белухе – самой высокой вершине Сибири. Относительно Аската Катунь оказалась особо щедра. Частичка этой светлой энергии досталась и мне.

За три месяца проживания в Аскате я привыкла разговаривать с Катунью. По всей ночи через открытое окно до меня доносится её мощный шум, принося спокойствие и уверенность.

По утрам бегу к реке: «Здравствуй, Кадын (госпожа)», — уважительно говорю я и вхожу в её живые воды, не глубоко: Катунь не любит беспечных. Бреду по песчаному, местами каменистому дну, пока ноги не начинают коченеть от ледяной воды. Сажусь на прибрежный большой камень. Сажу тихо, чтобы слышать её голос. А она говорит и говорит, как будто наскучавшись за ночь. Волны тихонько шевелятся, сплетая и расплетая причудливые лепестки. И вся она кажется мне каким-то огромным прекрасным цветком. Не устаю любоваться и слушать её речи то ласковые и воркующие, то недовольно-ворчливые, то бушующие. Умываюсь обжигающей, бодрящей, густой, маслянисто-глинистой водой, опять долго брожу, попинывая по-дружески волны. Они шутиливо шлепают меня, я — их. Вот так мы общаемся. И это общение не заменит ничто. Катунь всегда рядом, и я не хочу расставаться с ней, ведь она уже часть моей жизни. Машу ей рукой, прощаясь до вечера.

К вечеру она приберегла для меня красивые камешки, от которых невозможно оторвать глаз. Собираю самые необычные, вижу, как в нескольких местах шевелится песок — это роднички. Они торопятся породниться с Катунью. Родники — от слова родные.

Река благосклонно принимает их. И вот уже они — одно целое.

Рано утром, пока не слепит дневной свет, никто не отвлекает, можно сосредоточиться и полностью погрузиться в интереснейшее занятие — расписывание камней. Потом — зарядка. На улицу, босиком по утренней росе, в любую погоду. Заряжаемся бодростью, получаем массу удовольствия! Легкий завтрак, свежий прохладный душ, интересные встречи и общение с людьми, такими разными! Перед сном чтение интересных книг.

Вот и ещё один день тёплого и светлого аскатского лета позади. А впереди — Жизнь!

**Аскат — в переводе с алтайского означает «каменные россыпи». Писатель И. Катунский указывает еще одну версию: «Если слово «аскат» расчленить на «ас и кат», то это можно перевести как «мало ягоды» или «мало женщин», что, впрочем, почти одно и то же».*

Село основано старообрядцами в 1866 году.

Ещё совсем недавно в селе проживало всего около ста человек. Сегодня Аскат называют Городком Мастеров. Село славится мастерами художественной керамики, живописцами: Н. Чепоков, или Таракай — странствующий художник; Р. Ф. Зиновьев — известный художник и скульптор; В. С. Торбоков — профессионал в жанре пейзажа, портрета, натюрморта; художник, альпинист — Б. В. Суразаков — человек с особым взглядом на жизнь; художник, Н. Софронова — ученица Б. Суразакова, В. Торбокова, Е. Корчугановой; художница, Дарья Головань, работающая в необычной технике — акварельными красками на японском шелке и много других не менее талантливых людей.

Кому — Эверест, а кому – Тугая

Горный Алтай славится разнообразием ландшафта и климата, а, следовательно, флоры и фауны. Жители разных районов молятся каждый на свои вершины: Белуху, Чептоган, Адыган, Маашей-Бааши и др. А у нас – Бабырган, Синюха, Комсомолка, Тугая. Мы, родившиеся и прожившие большую часть жизни в предгорьях Алтая, с почтением и любовью принимаем любые, даже мелкие сопочки и горы. Кому – Эверест, а кому – Тугая.

Тугая (южноалт. туу кайа – гора-скала) расположена на территории города Горно-Алтайска, который, можно сказать, взял её в полон и окружает почти со всех сторон.

На Тугае я была несколько раз: осенью – поход за рыжиками и зимой – катание на бубликах и ледянках. А вот летом и весной как-то не довелось.

В этот год весна была ранняя. Начиная с февраля, так ярко и щедро светило солнце, что в начале марта вершина, казалось, уже полностью освободилась от снежных покрывал и откровенно звала к себе наши бродячие души.

Дождавшись долгожданных выходных, я сообщила дочери, что мы с подругой идём на Тугаю, а оттуда пешком до Маймы (это, примерно, километров десять в один путь и десять обратно). Будучи человеком более «трезвым», она, зная, что отговаривать меня бесполезно, предложила: «Давайте, я вас хотя бы туда отвезу, а обратно пойдёте». Немного «покочევряжившись», согласились.

И вот мы почти у самой вершины – доставлены прямо к телевышке. Огромные белоснежные сугробы лежали совсем нетронутые весенним солнцем. Но мы-то знали, что ближе к вершине уже будут проталины и как подарок за нашу смелость — первоцветы.

Только мы закинули на спину рюкзаки и стали ози-
раться, где лучше начать подъём, как откуда-то появилась
огромная собака и с устрашающим лаем бросилась к нам.
Раздумывать было некогда, ноги и руки заработали как на
автомате. Пёс еще долго лаял вдогонку, но здравый рассудок
не позволил ему броситься, сломя голову, в бездонные сугро-
бы. Оторвавшись на безопасное расстояние, мы, облегчённо
вздыхнув, расслабленно усадились в снежные кресла, посмея-
лись над псом-неудачником и полезли всё выше и выше.

И вот мы на вершине! Пятнадцать минут назад, у теле-
вышки – зима, в городе – неопрятный, бомжеватого вида снег
и серая хлюпающая сырость, а здесь, поистине, другой мир!
Порхают ранние редкие бабочки, и мы порхаем от цветка к
цветку, от камня к камню.

Валя первая увидела выходы горной породы необычного
яркого цвета – белорецкий кварцит или белоречит! Охи и
ахи, щёлканье фотоаппарата, гладим, прикладываемся кто
щекой, кто разгорячённым лбом, пробуем, чуть ли не на зуб.
Но надо идти вперёд – успеть до темноты домой.

Северный склон оказался заснеженным, покрытым твёр-
дым настом. Садимся и какое-то время катимся вниз, но снег
всё глубже и рыхлее. Подруга идёт впереди, я по пятнам за
ней и, вдруг, она останавливается как вкопанная, рассматри-
вает что-то под ногами. Подхожу и вижу огромные следы,
направляющиеся вверх, в сторону вершинки. О снежном че-
ловеке у нас не слыхивали, а вот медведя как-то на склоне,
поговаривали, видели. Да и мы с Валентиной года три на-
зад, собирая в сосновом бору рыжики, наткнулись на боль-
шую кучу медвежьего помёта – такие часто встречались мне
на преддипломной практике в горах Восточного Казахстана.
Сомнений не было – Он! Хозяин Тугай! Первая мысль: «Надо
сфотографировать, показать знатокам! – и следом, — Неуже-
ли уже проснулся? Или не спал, шатается?»

Машинально осмотрев окрестность, понимаем, что если
выйдет на нас, то бежать некуда, к тому же невозможно – мы
по колени в снегу. Запрыгнул бы на дерево, но это не волк –

на дереве от него не спасёшься. Идём, схватившись за руки, с трудом вытаскивая ноги из плотного, слежавшегося за зиму снега. Не за горами вечер, дом далеко, медведь близко. Надо спуститься в лог, чтобы подняться на следующую горку, а там такой валежник и, кажется, что где-то здесь и находится берлога этого зверя.

Смеюсь: «Надо дочери позвонить, чтобы хоть знала где примерно искать наши останки». Но самой совсем не до смеха, да и Валя притихла, только крепко сжимает мой локоть.

В горах Казахстана я несколько раз совсем рядом слышала рёв этого зверя, видела его свеженькие, ещё дымящиеся, состоящие из одной ягоды, испражнения, но страха не было: в бригаде – пятеро: девчонки, парни. К тому же — лето, а летом зверь редко нападает, сам прячется от людей. Валя и вообще сталкивалась с ним чуть ли не нос к носу, от её истошного крика мишка сам напугался. Но тут запрашивалась совсем другая история.

Не помним, как мы преодолели этот злополучный лог и вскарабкались на следующую горку. Снег немного отступил, идти становилось всё легче, мы повеселели. Решили даже побыстрому подкрепиться — облегчить рюкзаки, чтобы шагать быстрее. Наскоро похватали припасы, запили горячим чайком, повеселели и – в путь, на бегу, не забывая рассматривать и фотографировать встречающиеся следы: зайца, лисицы, косули. Медвежьи, к счастью, больше не попадались.

Под самый вечер, наконец, вышли на плато, к дороге, увидели вдали наше село и вполне счастливые резво побежали домой!

Весенний поход на Тугаю удался! Куча фотографий, еще больше впечатлений остались, как в копилке до поры до времени. Я потихоньку достаю их оттуда и делюсь с вами, мои дорогие читатели!

**г. Тугая — (южноалт. туу кайа – гора-скала) расположена на северо-западе Алтая, на территории города Горно-Алтайска.*

Владимир Уделяев

Владимир Александрович Уделяев родился в 1946 г. в посёлке Троицк, Троицкого района, Алтайского края. Окончил Бийский педагогический институт. 26 лет преподавал в школе русский язык и литературу. Пленённый волшебной поэзией А. С. Пушкина, стихи начал пробовать писать с 12 лет.

Печатался в газетах: «Голос хлебороба», «Алтайская правда», «Листок», «Правда Горного Алтая».

В 2011 г. опубликовал авторскую книжку «Колокола России», печатался в сборниках: «Дороги солнечная нить», «Мы приходим на землю».

Живёт в с. Кызыл-Озёк, Майминского района, РА.

Член Петровской Академии наук и искусств.

У Адыгана

У Адыгана я не раз бывал...
Охотился, но чаще – шишковал,
Как белка лазал по кедровым кронам,
Сбивая шишки ивовым прогоном.

И наблюдал за мною Адыган,
Как возвращался с грузом я на стан,
Поил коня, стреноживал потуже,
Картошку чистил и готовил ужин.

И как присев на донышко ведра,
Я жарил шишки в пламени костра,
Да крепкий чай варганил из бадана,
Что густо рос в морщинах Адыгана.

Он наблюдал за мной. Всё это так...
Я тоже – не без глаз, и видел, как
Он зажигал, едва ль не каждый вечер,
Над головой серебряные свечи.

Как иногда, проснувшись поутру,
Вдруг затевал он детскую игру
И прятался под пологом тумана –
Попробуй отыскать, мол, Адыгана.

Как радовался солнцу ясным днем,
Как хмурился под проливным дождём
И стойко прикрывал от злого ветра
Широкой грудью молодые кедры...

**Адыган – самая высокая гора эликманарской гряды.*

Голос алтайских гор

*Какой-то умник ляпнул дикий вздор
О вековом молчанье наших гор —
Мы ж этот ляпсус подпеваем хором...
Нет, не молчат, как истуканы горы.*

*Вернее горы не всегда молчат;
Я часто слышал, как они кричат.
Они кричат, когда снега в долину
С вершины сходят грозною лавиной.*

*Когда поток, зажатый между гор,
Пытается прорваться на простор,
Но, не сумев преодолеть преграду,
Бросается с обрыва — водопадом.*

*Я также слышал, как они весной,
Заворожив нас сказкою лесной,
Торжественно поют в зеленом храме
Волшебными своими голосами.*

*То говором ручьёв, то трелью птах,
Руладами малиновки в кустах,
То брачным зовом гордого марала...
То стоном стонут в пору ветровала.*

*Я слушал горы в летнюю грозу:
Роняли тучи за слезой слезу,
Шипели молнии, и гром дробило эхо
О гребни скал на самородки смеха.*

Галина Свириденко

Свириденко Галина Николаевна родилась в 1955 г. в Алтайском крае, Рубцовского района, с. Бобково.

Окончила медучилище, ГАПИ географического факультета, поработав в медицине, школе и корреспондентом в газете «Чойская летопись». В настоящее время проживает в с. Майма республики Алтай.

Публиковалась в газете «Звезда Алтая», в сборниках: «Паралельные миры», 2007 г; «Отражение веков», 2010 г; «Снова память распахнута настужь», 2010 г; детском сборнике «Повозочка», 2009 г; «Майма литературная», 2010 г; «Среди однотипных коралловых будней», 2015 г; «Дороги солнечная нить», 2018 г; «Мы приходим на землю», 2019 г.

Член Петровской Академии наук и искусств.

Озёра моей жизни

Степное озеро Лебяжье. Алтайский край. Давно хотелось его увидеть. Длинный край берега с тёмной, коричневой трухой, переходящий в грязь. По нему стараются не ходить.

Гораздо приятнее его, оказывается, чистый пирс. Четыре сбитые дощечки — подобие моста с сучковатыми перилами начинают тянуться ещё далеко до водного массива. Они всегда такие чистые, что, кажется, сами дожди моют и моют его без перерыва. Говорят, пирс этот существует ещё с шестидесятых годов прошлого века. Озеро усыхает? Вода с каждым годом уходит всё дальше. Мост своевременно удлиняется, догоняя её. И всегда появляется желание спуститься по ступенькам на нужную глубину и плыть, плыть, независимо от состояния погоды.

Солёная вода легко выталкивает тело, помогая ему просто держаться на воде. Лежишь на спине, а над тобой ни птиц, ни их криков, только иногда дикие утки бороздят небо, совершенно не опускаясь до воды. Оно и понятно — горькая она, никакой тебе тут живности, ни рыбёшки, ни жуков-плавунов. Ничего. А людей притягивает. Некоторые специально ложатся в грязь в часы солнечного подогрева. Летние душевые кабины без крыш словно ожидают человека, чтобы он мог сполоснуться от соли и, бросив полотенце на шею, уйти, попрощавшись с озером до утра.

Озеро любят. Вода в нём всегда теплее, чем в реках и пресных водоёмах. Но человеку всегда и всего мало. Ближе к вечеру, народ уходит в другое место.

Километрах в трёх от него находится другое озеро — пресное. Гораздо меньше по размеру. Оно отличается тёмной глубиной и холодной бодрящей водой. Это озеро пустует в жаркие дневные часы, а вечером к нему приходят с удильщиками. Не столько рыба нужна, как азарт её ловли.

Здесь любят тишину и сердятся на купающихся, распугивающих рыбу недоумков. Этакое вечернее созерцание водной глади под высокими размашистыми ивами. В полукилометре от него сосны, с не надоедающим запахом хвои. По другому берегу, напротив, деревня с женщинами, доящими коров, гусями, собаками и со всем ещё, что ютится за заборами мало чем отличающихся домов.

От такой тишины можно оглохнуть. Редко какая собачонка тявкнет, или петух для порядка прокричит под утро, доводя до сведения всех, что жизнь на селе теплится. Просто утро ещё не наступило.

«Шашлычников» же, приезжающих кощунственно развести костёр среди раскалённого песка в сосновом бору, сельчане тут не уважают — боятся пожаров, берегут свой бор, озёра и всю размеренную жизнь.

Хорошо, если всё сохранено в бору до этих пор: грибы, шалаши, парковые скамейки, прохладные вечера и жизнь, которую как землю Санникова ищут люди, убегаящие от самих себя, или приезжающие за очищением её.

Рейс без названия ... *(Дорожный репортаж)*

Событие случилось в 2017 году, в котором и произошла творческая встреча в маленьком селе Мульта, Коксинского района, республики Алтай. И даже не одна, и даже не просто встреча, а поэтический фестиваль и тоже не один, а несколько. Просто этим летом, в данном районе урожайный год был на проведение различных творческих утех.

Но поскольку всё и вся охватить и посетить одному человеку невозможно, то и не будем. Да и речь, собственно, не о самом фестивале, а о том, чем закончилось это развивающее кругозор, интересное событие.

Приняв в нём участие со своими единомышленниками, мы не рискнули оставаться на третью ночь и, покидая этот райский уголок, поблагодарили за приют и приветливость хозяев — устроителей этого любопытного и полезного мероприятия.

Рейсовый автобус, который собрал народ, проживающий выше Мульти, оставил и нам мест столько, что хватило всем. А поскольку ночь в высокогорье наступает гораздо раньше, чем в предгорье, то усаживались мы уже в полнейших сумерках.

Обрадованные и переполненные через край общением и эмоциями сели в кресла с удобными откидными спинками, подложив под шею дорожные валики, и понимая, что рассмотреть за стеклом автобуса уже ничего невозможно.

И хотя дальний рейс располагал всех ко сну долгому и глубокому, но, переживая ажиотаж своего участия в мероприятии, мы делились впечатлениями, догадываясь по ощущениям тела, на спуск идём или на подъём.

Неожиданно наш автобус стал двигаться как-то не так.

Рывками. И что самое странное, то немного вперёд, но ещё больше назад. Глубоко спящие пассажиры не придавали этому значения, но среди нас ехала одна – водитель со стажем. Сон с неё моментально слетел, и она сказала нам приготовиться к выходу.

Мы не сразу обратили на это внимание, но женщина, протиснувшись через дорожные сумки, прошла к водителю уточнить: что происходит. Тот грубовато отправил её на место. Мы уже поняли, что довольно давно шли на подъём с поворотами, и движение в крошечной тьме назад взбудоражило всех, кроме детей.

В один момент под нами что-то с сильным ударом грохнуло. Сломалось или оторвалось – этого мы не могли понять. И тут наша соратница по фестивалю громко крикнула:

— Открыть все двери! Бросайте сумки! Всем на выход! Кое-как, видно из последних сил, водитель сумел приостановить автобус, со злостью посмотрев на женщину, которая внесла панику среди пассажиров. Ночь. Два часа. В горах ночи холодные. Дети начали плакать.

Водитель убедил пассажиров занять свои места, сказав, что рейс прекращён. От мужчин мы услышали, что тормоза у автобуса отказали.

— Войдите все внутрь салона и отдыхайте. Ночью нам никто не сможет помочь. Утром будет видно, — единственное, что сказал всем водитель, довольно молодой озабоченный ситуацией мужчина.

До верхней точки Семинского перевала мы не доехали. Спать уже никто не хотел. Боялись, что автобус сойдёт с трассы. Как долго тянулось время! После четырех часов утра на небе стали появляться кое-какие просветы.

Самые оптимистичные товарищи по несчастью, взвалив на себя сумки, двинулись по тракту пешком. После пяти часов пошли все. Мы тоже были в этой толпе «беженцев», поднимающихся вверх. Как же тяжело было идти! И зачем

только взяли с собой вороха одежды, и продуктов ещё добродушные сельчане подбросили в дорогу. Впрочем, скоро увидели, как подобные брошенные пассажирами сумки, стали встречаться на пути всё чаще. Часа через полтора, усталые и задыхающиеся, мы всё же покорили Семинский перевал.

Наконец пошли автобусы, но не нам на помощь. Они везли своих пассажиров в места, откуда возвращались мы. А солнце уже, радостно приветствовало нас, успокаивая и согревая. Кто-то равнодушный сказал, что в семь часов утра здесь проходит туристический Барнаульский.

Основная масса людей, не считаясь с затратами, уехала с частниками. Нам же средств не хватило. Через время действительно подошёл полупустой туристический автомобиль, но без комфортных условий. Поняв в чем дело и развернувшись, он забрал весь оставшийся люд. Хорошо, что водитель проблемного рейса вернул деньги на дальнейшее его продолжение. Их хватило.

Что ж, пережитый шок возвращения вскоре забылся, о фестивале нам напоминают фотографии и грамоты, а вот о суровых перевалах Горного Алтая, знаем теперь не понаслышке.

**Семинский перевал - («Дьал-Менку» по-алтайски -«Вечная грива») Семинский перевал в Алтайских горах располагается на высоте 1717 м. Расположен в районе 583-го километра Чуйского тракта. Семинский перевал считается одним из высочайших перевалов Чуйского тракта.*

Осенняя Катунь

Осенняя Катунь. Немногословна.
Стихает шум, меняются цвета
С оттенком бирюзы. И суета
Притягивает взоры, безусловно.

Туман в озерах изумрудного листа.
Ты вновь взглянуть на них заставишь,
И ледоходом камни переставишь,
И указующего нет тебе перста.

С извечной подоплёкой новизны,
Переливаешься — извечная бродяга,
Теряешься за петлями зигзага
Следами августа подсохшей желтизны.

Хранимая ветвями кедрача,
Шаманами и звездами ночными,
И населением с трубами печными,
Полетом сокола, орлана и грача.

Запомнишься
бегущим
совершенством...

Всплески у реки и шорох в роще...

*Движение реки и шорох в роще.
Легкой натоптанной тропой
Идем туда, где жить гораздо проще,
Где не асфальт, а галька под ногой.*

*Взлетают резвой стайкою дрозды,
Проснулся от полёта старый дятел,
Птицы — они как лошадь без узды,
И шлейф синичий, даже, очень кстати.*

*Рыбачит чей-то кот — дичмя — дичей,
Его бродягу, видно, прикормили.
Похоже, он давно уже ничей,
Сам по себе живет, валяясь в пыли.*

*Здесь всё само шумит, растёт, жужжит,
И многое ещё случится вскоре.
Вот дельтапланом сокол вновь кружит,
Ведя облёт законных территорий.*

*Логична туча. Как бы, не спеша
Охватывает склоны, гривы, колки,
Березовый сползающий лишай,
Пеньки стволов, их гнутые осколки.*

*И всё это места, где грузди есть,
Опята, если время их набора.
Откроются тому, кто лес прочесть
Сумеет и набрать корзину скоро.*

*Покрутит у виска турист иной
Размеренностям сельского уклада.
А старожилу, в вёдра — в выходной,
Пройтись по лесу сердцу радо.*

Звонит весенняя Майма

*Звонит весенняя Майма
Капелью с крыш и перекрёстков.
Окончилась стабильная зима,
Повеселел наш Южный остров.*

*Сколько привычных сердцу мест
Откроется пытливым взорам.
О, сумасшедший скоростной разъезд,
Мигни своим попутным светофором.*

*Сложилось время в двести лет.
Ждёт странников часовенка святая,
Но главная из всех примет –
Ворота Горного Алтая!*

*Течёт с берёз апрельский сок,
Самый прозрачный, самый свежий.
Калёный каменный песок
Согреет ноги побережьем.*

*Притягивает тайнами предгорье,
Со всеми земляками есть контакт.
Прожитый день села – уже история,
Об этом говорит нам Чуйский тракт.*

*Не по одежде встречных судим:
Раз улыбнулся, значит наш.
Надёжные приветливые люди,
Село имеет свой, крутой вояж!*

*Приезжие, сюда, остановитесь!
Вдохните по низам седой туман.
Сходите в лес и на берег пройдитеесь,
Узнайте поселение – Майма!*

Ещё апрель...

*Ещё апрель и на земле морщинки -
Смешные прошлогодние «щетинки».
И на пороге серость и невзрачно,
Зато весь мир такой прозрачный!*

*Все прошлогодние тропинки вновь видны,
И этой ранней, откровенной седины
На пустыре так неожиданно и много,
А небо ласковое и совсем не строгое.*

*Пейзаж еще пустой и даже дикий,
В нём позже будет много ежевики,
Малины, многоцветья, диких пчел,
Всевышний сотворенья всё учел...*

*Но под ногою много что на слом.
И из-за этого, подсохший бурелом
Ломаю пешей.*

*Сам прорастёт травой и без ремонта.
Но как же, сухо и тепло! И горизонта
Ещё б не меньше!*

*Клён с прошлогодней золотой серьгой,
Наполненный молчанием — другой,
Берёзы пряди.*

*Нетронутый божественный покой.
Подняться и дотронуться рукой
И тихо гладить...*

По селу пройдушь пешком...

По селу пройдушь пешком,
Каждый скверик мне знаком.
Улицы и переулки,
Садики по-детски гулки.
Тает снег — и всё в бега.
Пусть предгорье не тайга,
Утонули острова,
Успевай, лови дрова!
Догоняй стволы! Ату!
То бежит стремглав, Катунь!
Половодье в берегах.
И несётся вдаль шуга
Шумно, резво, быстротечно,
По-весеннему беспечно!
Свой даёт на всё ответ.
Август вод изменит цвет.
И опять, как дважды два,
Обнажатся острова
Берегами, что губами.
Поспешите за грибами.
По воде бредёт нога...

Когда на прогулку выходишь из дома...

*Когда на прогулку выходишь из дома,
В горах не встречаешь случайных знакомых.
Идёшь по тропе, просто вечер встречая,
С раздумьем свершений, совсем не скучая.*

*Не считано метров, ни мыслей, ни вздохов.
Смешно, хорошо, даже если чуть плохо.
Попутчиком — ветер, начавшийся тихо,
И грусть исчезает за облаком с лихом.*

*Ты слушаешь свой тихий отзвук шагов,
И рядом, почти, запах свежих стогов,
Ещё ветви кедра и резаных клёнов
Осенних — кирпичных и майских — зелёных.*

*Момент сожалений о детстве короткий,
С травой-муравой, зверобоем, солодкой,
С ромашкой, крапивой, которая ранит.
И вновь хорошо, если память обманет...*

*И если б вопрос мне услышать: «Что вечно?»
Сказала бы: «Сумерки в шорохах встречных...»*

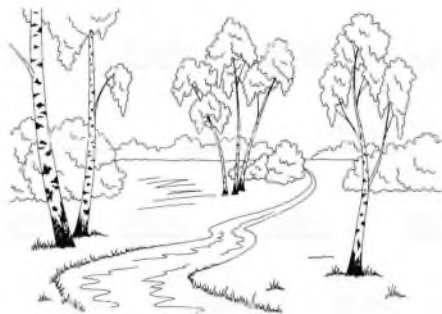

Как горизонты непростительно пусты...

*Как горизонты непростительно пусты,
В них постоянно вглядываюсь жадно,
Но в полдниках весны ещё прохладно,
И греет взгляд Мать-мачеха – цветы.*

*С того, что птица утром прозвучит,
Нет в пояс реверанса зеленице.
Рождаются рассветные лучи,
Сквозь тонкие берёзовые спицы.*

*И мысль приходит самая простая,
У этих ждущих свадебных невест,
Не зря молчит берёзовый окрест,
Живительной водой, стволы свои питая.*

И имя тебе новое...

(к 80 – летию Горно-Алтайска)

*Горно-Алтайск – ты для меня загадка,
Республиканская столица, город – центр.
Ты юн ещё — всего восемь десятков,
Среди камней растёшь на свой манер.
Напоминаешь каменную вазу,
Таёжный изумруд. Ну, с чем сравнить?
Влюбляешься как в женщину и сразу
Покинешь, не перестаёшь к себе манить.
Город – хранитель свадеб и легенд,
Что в мир несут твои глазницы — сопки?
Ты уже стал давно город — Студент,
И отовсюду есть пути и тропки.
Ложбина горная и голуби парящие,
Сюда приезжих манят вновь и вновь,
Ворота к «Беловодью» приводящие,
В Надежду, Веру и Любовь,
Тайны алтайских кулуаров.
Ты интересен, девственностью чист,
И имя, с некоторых пор, не даром,
Время даёт тебе город – Турист.*

Как иногда мне хочется...

*Как иногда мне хочется забыться,
Но рядом постоянно вся и все.
Уеду невзначай, чтоб заблудиться,
В Горный Алтай, скорее насовсем.*

*Там всё иначе — искренней и тише,
К любой вершине стойкий интерес.
В малоизвестной, незнакомой нише
Легче найти неповторимый жест.*

*А сколько теплоты и пенья птиц,
Алтай — Хранитель радуги нетленной,
К себе манящий, зеленым штрих,
Целебный воздух необыкновенный,*

*Поступь косуль. Их тропка извита.
Мгновения мечты своей цените,
И эту красоту в себе храните,
Об этом эхом вторит всем Алтай...*

*А если дождь, как послесловие
По мной исхоженным местам,
То напитаюсь свежестью, любовью
Я к незнакомым людям и цветам.*

*Пойму чего ещё была не в силах,
Увижу то, что было не дано.
И вспомню, что давно забыла,
И надышусь, как не было давно.*

*Вновь окунусь, во что ещё не знаю,
И снова, буду тем поражена,
Что жизни часть своей распеленаю,
Которая, по счастью мне дана...*

Серикжан Толдеев

Родился в с. Кокоря Кош-Агачского р-на в 1963 г.

В 1980 г. окончил Онгудайскую среднюю школу, Служил в армии. Женат, есть дочь, внучка.

Жил в Чите, Омске, где впервые опубликовали в газете «Молодой сибиряк».

С 1989 года вернулся на Родину, сейчас живёт в Горно-Алтайске, занимается общественной деятельностью.

Публиковался во всех местных газетах, альманахах. Выпустил два сборника: «От своей и до своей земли» 2013 г., «Алтай земля моя былинная» 2018 г. Готовится к изданию сборник «В Кош-Агаче Советскую улицей» и «В сизой дымке марева тумана».

Член Союза журналистов России.

Кош-Агач, моя милая Родина

1.

*Кош-Агач, моя милая Родина!
Моя нежная грусть и любовь,
Сколько б ни было мною пройдено
Возвращался я к ней вновь и вновь.
Я люблю её с первого вздоха,
Необъятную Чуйскую степь,
Место силы моих истоков,
Что хотелось бы мне воспеть.*

*Кош-Агач! Кош-Агач! Кош-Агач!!!
Когда долго тебя я не вижу,
Из груди сердце просится вскачь,
Ни к чему мне красоты Парижа,
Когда есть у меня Кош-Агач!*

2.

*Меж грядой ледниковых гор,
Средь вершин Золотого Алтая
Кош-Агач в ожерелье озёр
Словно город огнями сверкает!
До костей пробирает мороз,
Ветер свищет без всякой нужды,
Можно, вытянув руки, и в рост
До любой дотянуться звезды.*

3.

*Над обветренной степью былинной,
Над стремниной Чаганки и Чуи,
Табуны на просторах долины
С облаками веками кочуют.
Чий, ковыль и полынный дурман,
Беркут кружит, село облетая,
Никогда, ни за что не предам
Кош-Агач в колыбели Алтая!*

4.

Здесь живёт мой радушный народ.
В любой дом можно в гости зайти,
Вас с душою распахнутой ждёт
Необъятное сердце в груди.
Моё детство, моя ностальгия,
Место горьких потерь и удач,
Кошагачцы, мои дорогие!!!
Моя Родина, мой Кош-Агач!!!

**Кош-Агач— районный центр Кош-Агач основан около двухсот лет назад, в переводе означает "два дерева", Село расположено на высоте более полутора тысяч метров над уровнем моря, в 465 км от Горно-Алтайска, высоко в горах, у самой российско-монгольской границы. От него до границы с Монголией остается всего 50 км.*

Онгудай, Онгудай, ты моё вдохновение

1.

Мой Онгудай, ты повсюду со мною незримо,
Вот бы снова по улочкам тихим твоим погулять,
И в скитаньях своих неуёмной судьбою гонимый
Я любил с лёгкою грустью порой о тебе вспоминать.
Ты, взбираясь меж гор пологам и пологим отрогам,
Был достойно упрям и прекрасен в любую погоду.
Я невинно дружил, и рассветы встречал с недотрогой
В мои самые юные, лучшие школьные годы.

Онгудай, Онгудай, ты моё озарение,
Белой шалью черёмух манящий издалека,
Где в платье сиреневом в вальсе кружили сирени,
И яблони в белых, пухово-воздушных платках.

2.

Чуть забрезжит рассвет, пробуждая остывшие улицы,
Пташки в садах услаждали трелью мой слух,
Словно снежинки, вынуждая невольно щуриться,
Кружился повсюду несносный тополиный пух.
Нас в походы манили таёжные дальние дали,
Где коварные тропы и пропасти жуткий оскал,
Ночь у костра с гитарой и лёгкой печалью,
Звёздное небо и в палатках ночной привал.

3.

Я был безнадёжно беспечен, счастлив и молод,
О, если бы что-то исправить сегодня я мог,
С таким удовольствием, я снова вернулся бы в школу,
К прежним урокам, которыми я пренебрёг.
Знаю, что дважды нельзя войти в одну воду,
И жизнь никак невозможно сначала начать,
И лишь Онгудай, я уверен, в любую погоду
Кем бы ты ни был, выйдет радушно встречать!

*Онгуда́й (южноалт. Ондой) — село в Республике Алтай России, административный центр и крупнейший населённый пункт Онгудайского муниципального района, образует

Онгудайское сельское поселение.

Местное название Онгдой (от монгольских онгэ — «пещера, впадина», -дой — аффикс обладания; буквально — «имеющий пещеры, впадины»).

Село расположено в межгорной Урсульской степи, на берегах реки Урсул. Расстояние от Горно-Алтайска: 210 км в юго-восточном направлении.

Горно-Алтайск, любимый мой город

1.

Звёздное небо сияет над городом,
Ночными огнями мой город залит.
Здесь моё счастье и всё, что мне дорого,
Всё, чем мой город меня пленит.
Иду по проспекту и думы лелею,
Повсюду струится неоновый свет,
В парке цветущем благоухают аллеи,
На свете роднее города нет!

Припев:

Горно-Алтайск! Мой Горно-Алтайск!!!
Как сказочной птицы неземное виденье
Гнездится, раскинув крылья меж гор.
Горно-Алтайск! Мой Горно-Алтайск!!!
В сплетении улиц, сердец сплетение,
Распахнутых душ и неба простор.

2.

Студенческий город радует взоры,
Как и сирень, что вчера расцвела,
Кто теперь скажет, что этот город
Когда-то был просто селом Улала.
Плывёт полумесяц над Комсомолкой,
Небо в алмазах и Млечный путь,
Пташки щебечут вокруг без умолку,
Такое блаженство, что глаз не сомкнуть!!!

3.

Садами Баята иду на прогулку,
Под птичьи трели забрезжил рассвет,
На Афганцах кукушки приветствуют гулко,
Милее и краше города нет!
Горы окутаны дымкой тумана,
Из поднебесья глядит Тугая,
Скажите, к чему нам заморские страны
В богатых и чуждых, далёких краях?!

**Горно-Алтайск — (южноалт. Туулу Алтай; до 1932 года — Улала, в 1932—1948 годах — Ойрот-Тура) — город на юге Западной Сибири России, столица и единственный город Республики Алтай.*

Февраль всходил на эшафот

Уж мартовский несносный кот
Всю ночь блажил на чердаке,
С последней вьюгой налезке
Февраль всходил на эшафот.
Ещё ночами зябко, скверно,
И лишь влюблённым благодать,
Чего же им ещё желать,
Гуляющим в аллеях сквера?!
А завтра в солнечной купели
Прогреет солнце дом и душу,
А с водостоков, как из душа,
Польются звонкие капли.

Журчат ручьи, дороги развезло,
Привычную картинкой невесёлой
Пестрит окраинный посёлок,
Как и любое русское село.

Надежда Гайсина

Родилась в 1948 г. в с. Майма.

Окончила Горно-Алтайское педучилище, уехала учиться на факультет журналистики Уральского государственного университета, который и дал дорогу в профессиональную жизнь, доцент.

Член Союза журналистов России.

Я вашего роду

*Ветла смотрит в хрустальную воду,
Там берёзка шумит кропотливо.
Я вся ваша, я вашего роду,
Нет роднее тебя, край любимый.*

*Ты встаёшь в буйных красках рассвета,
Как мила мне твоя красота!
Много мест я видала на свете —
Краше отчей земли не нашла.*

Родная земля

*Родная та земля, чья пыль к твоей
впервые прикоснулась коже.*

Зелили

*По пыльной дороге ногами босыми
Мы бегали взапуски в детстве своём.
Мы были голодными, были простыми,
Не ведали даже о мире ином.*

*Что ждал нас наивных и плохо одетых
В чужой стороне от родного села.
Ах, где же ты юность беспечная, где ты,
Где первой любви золотая пора?*

*Мы взрослыми стали, совсем не похожи
На тех сорванцов из ушедшей дали.
И всё же порой ощущаю на коже
Я тёплую ласку той, прежней пыли.*

Есть такая страна Любовь...

*Есть такая страна Любовь, —
Там живёт радость в сердце нежном,
Там улыбкой встречают, и вновь
Ты от счастья становишься прежним.
Есть такая страна Любовь,
Где родные мамины руки,
Где хранит в каждой жилочке кровь
Её голоса милые звуки.*

*Есть такая страна Любовь,
Что зовётся родимой сторонкой,
Где ты связан без лишних слов
Пуповиной с отчизной звонкой.*

*Есть такая страна Любовь,
Где мы вместе — одна семья,
Где хранит нас с тобой Господь,
Там Россия, и ты, и я.*

И снова бой

И снова бой, и не на жизнь, а на смерть
Схватились два соперника в бою.
Штурмует кто-то из мальчишек насыпь,
За криком пряча боль свою.

Я ж по приказу юного комбата
С весёлой россыпью веснушек на носу
Вновь по-пластунски в шароварах брата
Крапивы жгучей в зарослях ползу.

Чтобы сойтись в потешной рукопашной.
Кому победа, кому быть в плену,
Решали старшие, а мы, войны не знавшие,
Упорно всякий раз играли вновь в войну.

Издалёка далека

Издалёка далека
Наплывает вдруг тоска
По истаявшим дням
И несбывшимся мечтам.

Друзей близких вижу лица,
Под луною снег искрится,
В эту ночь, что напролёт
Мы тревожили народ.

У окна стояла мама,
А мне сроку было мало,
Наглядеться не могла
На соседа-паренька.

Он стоял в кругу ребят
Молча, словно виноват.
Не меня он полюбил,
Мои чувства погубил.

Снег кружился в вальсе бальном,
Покрыв пологом печальным
Боль сердечную мою,
Отчий дом в родном краю.

Но приходит иногда
Издалёка далека
Вихрь снега, что во тьме
Жизнь смешал навеки мне.

Помнят берёзы

(Памяти подруги юности Вали)

*В ромашках бескрайнее поле
Примнилось в предутреннем сне.
До слёз захотелось, до боли
Пройтись по родной стороне.*

*Щекою коснуться берёзы,
Услышать дыхание трав,
Припомнить девичества грёзы,
От времени чуть поотстав.*

*Как летом с подругой любили
Над речкой в тиши посидеть,
Почувствовать запах полыни,
На тёмные воды глядеть.*

*Мы мало тогда говорили,
За нас говорила река.
Мы юностью счастливы были
И дружбой своей на века.*

*Но только всё вышло иначе,
Истаяли юности дни,
И горько порой сердце плачет,
Что больше не встретились мы.*

*Студила нас жизнь иль морозы,
Иль так пролегла полоса.
Но помнят, я верю, берёзы
Наши с тобой голоса.*

Я загадываю счастье

Дождь опять стучит по крыше,
Словно просится в тепло.
Голос осени уж слышен:
"Лето красное прошло!"

Рдеют астры ярким светом —
Не сдаются холодам.
И с последним нам приветом
Золотом горит шафран.

Сентябрюшки распустились —
Долгожданная краса!
Наперстянки раскустились,
На траве лежит роса.

Доживает, доцветает
Лета милого покров,
Свет дневной поспешно тает —
Устав осени суров.

Грустно, холодно в ненастье —
Нелюбимая пора.
Я загадываю счастье
Нам до майского утра!

Полынный след

Сердцу милые берёзы
Оголились на ветру.
На траве роса, как слёзы,
Проступила поутру.

Пахнет в воздухе морозцем
С лёгким привкусом дымка,
И опять без встречи с солнцем
Минул день календаря.

Ах, октябрь, твоей печалью
Переполнена душа,
Словно тёмной, тёмной шалью
Вся окутана она.

Так тревожно и пустынно.
Дотянуть бы до весны...
Стынет на губах полынный
След несбывшейся мечты.

У России небо сине

*У России небо сине
И берёзовый платок,
А в предгорьях по низине
Бурно воды мчит поток.*

*Воздух свежестью искрится,
Хоть горстями его пей.
Душа жаждет насладиться
Красой Родины моей.*

*Ах, Россия, боль и слёзы
Мне разлука принесла,
За один листок берёзы я
Я б полжизни отдала.*

*За прозрачную росинку
На иголочке кедры,
За игривую дождинку
После схлынувшей грозы.*

*Мне б, родимая сторонка,
Уберечься от тоски,
Чтоб однажды жаворонком
Спеть зарёй слова любви*

*Ко всему, что сердцу мило,
Что тревожит по ночам.
Всё своё, что есть, что было,
Лишь земле родной отдам.*

Здравствуй, Родина!

Ах, родимая сторонка,
Мне родная сторона,
Вновь капель стучит так звонко, —
За окном у нас весна.

Пережили эту стужу,
На горах подтаял снег.
Ты один мне, милый, нужен,
Без тебя мне жизни нет.

Взявшись за руки, с тобою
Вдоль села пройдем опять,
Где вечернею порою
Мы любили помечтать.

Любовались звёздным небом,
Торопились загадать
Там, никто из нас, где не был,
Непременно побывать.

Село мирно затихало,
Погружаясь в темноту,
Чтоб на завтра с петухами
Встать, стряхнувши дремоту...

Как давно всё это было
И как грустно вспоминать.
Думалось, что позабыло
Нас село, не хочет знать.

Но весна опять стучится
Мне в прозрачное стекло,
"Всё хорошее случится, —
говорит, — придёт оно".

Как подкова золотая
Завис месяц над селом.
Здравствуй, родина родная,
Место отчее, мой дом.

Память сердца моего

Родня

У земли родной свой запах. Его не спутаешь и не передашь словами. Это как наитие, за гранью реального. Но живое и вечное, как сама жизнь.

Впервые я ощутила его, когда только-только начала осознавать себя на этом свете. В доме на две семьи мы жили в избе, двери, из сеней которой выходили в большую ограду. Тень здесь держалась весь день, и весна сюда заглядывала позже, чем на весёлые солнечные стороны. Но ведь как не терпелось выскочить на первые проталинки, весна же! Другой обуви, кроме общих с братом валенок, не водилось, и вот, босоногая, я выскакиваю из дома и несусь туда, к солнышку. Земля холоднющая, подошвы прокалывает до боли, но заветная цель уже близка. Вылетаю за воротчики, и вот она — радость: тёпленький островок просохшей земли.

Замираю и блаженствую. Солнце играет в зеркальцах не высохших ещё луж, слепит глаза, щеотно забирается в нос. Наконец, обласкивает мягким тёплом мои красные, как у маминого гуся, ноги. А вокруг такое волшебство: вздохнувшая после снега полной грудью земля парит, издавая непередаваемый запах. Свежести, надёжности ли. Не знаю. Но понимаю, что это что-то такое главное, от чего так радостно мне и чего моё маленькое сердечко вместить не может. И я хочу заплакать от чувства, что переполняет меня.

А ногам уже не стоит на месте. Они отогрелись, и им уже хочется проверить лужу, как она там, вода, тоже согрелась? А солнце словно играет со мной, враз рассыпается по каплям, а потом опять сбегается в одно светящееся пятно. Это я шлёпаю ногой по луже, и капли разлетаются в разные стороны. Здорово! Ух ты, солнышко, как я, оказывается, ждала тебя. Ещё не знала, а уже любила. Я же летняя, ты помнишь, солнце? Выходит, мы с тобой родня.

Я закрываю глаза, поднимаю к солнышку носопырку, широко раздвигаю руки и лечу к солнцу. Меня сопровождает ни с чем несравнимый запах талой земли. Мы вместе, и я счастлива.

Страх

Сегодня мама вернулась с работы поздно. У них в колхозе всегда так, ворчу я про себя. А теперь вот сиди одна в этой большой-пребольшой, по сравнению со мной, избе и терпи. Когда ещё мама со старшим братом вернутся с молоканки, вон уже как темно. А всё потому, что корову подоили поздно, затемно и молоко пошли сдавать. Уж я-то ходила как-то с ними до этой будки с чудным ведёрком, в котором плавает линейка. Когда молоко туда льётся, она болтается туда-сюда, а потом замирает. Все смотрят на неё и чего-то чиркают в маленькой такой, детской как будто, книжечке. Ага, быстро придут, как же, будка-то далеко, переговариваю я мамины слова.

В избе совсем темно, и мне всё больше становится не по себе. Какие-то шорохи непонятные, кажется, кто-то шлёпает по полу. Я забираюсь от греха подальше на подоконник. Но окно прямо против лаза в подполье. Он так хитро устроен, я как-то изучала его. Этот таинственный вход куда-то вниз словно завораживал меня. Подходить к нему близко мне запрещалось, но меня так и тянуло заглянуть в темнеющую глубину. От большебокой русской печи до стены дома кто-то хозяйственный оставил проход. Посередине в нём была устроена широкая полка. Мама держала здесь ухват, кочергу, лопату толстую такую деревянную, ею она вынимала из печи хлеб с хрустящей корочкой. А иногда и шаньги со сметанной крышечкой, как я их про себя называла. Вкуснотища, даже слюнки текут. А ещё там стояли чугушки и сковородки. Словом, что нужно, чтобы еду сделать.

Низ же был не полом, а как раз этим лазом туда, где всегда было темно и где для меня было запретное место. И вот

сизжу я, вжавшись в окно, и вижу, как из этой дыры появляются маленькие, но такие жуткие человечки. Одеты не понашенски, зубы оскалены, и смотрят прямо на меня. А глаза у них горят, как угольки. На такие мама ставит сковородку и печёт иногда для нас блины. Ну, там-то они в печке, а тут у чудищ вместо глаз. Не сговариваясь, страшные человечки строем двинулись на меня. Вот они уже под ногами, вот ещё и ещё, а из темноты их всё больше и больше...

— Ма-а-а-ма, — кричу я истошно и, прыгнув с подоконника, что есть маху вылетаю на улицу. Там совсем темно, но меня уже не остановить. С диким криком я мчусь по переулку, и тут на меня с высокого соседского забора слетает огненный петух. И я падаю замертво, не в силах пережить обрушившийся на мою девчачью голову абсолютно дикий ужас.

Очнулась я уже на маминой кровати. Она, бледная до неузнаваемости, сидела рядом и тёрла чем-то терпким мне виски, руки, грудь. Рядом маячил брат, у него почему-то тряслись руки. Мама пыталась успокоить меня, а я всё твердила про жутких человечков, которые хотели изрубить меня своими острыми и почему-то сильно блестящими в потёмках сабельками, а потом наслали на меня огненного петуха. Пришла наша родственница няня Катя, и мама заплакала. Легко ли ей было одной с двумя ребятами, да ещё тяжкая работа в колхозе, грамоты-то её не хватало, чтобы в конторе сидеть, да ещё огород, да скотина. А сам всё учится, когда ещё его аттестуют, а она всё одна и одна...

Мамины слёзы капнули мне на лицо. Они были тёплыми и мокрыми. И я замолкла. Своим детским сердцем я почувствовала всю мамину боль: и как ей тяжело, и как она устала, и как казнит себя за то, что оставила меня, малышку ещё, одну в тёмной избе. Мне стало так жалко её, я уткнулась ей в подол и обняла колени. С другого бока к маме прилепился брат, ему тоже досталось ужаса через край.

С той поры прошла целая жизнь. Но и сейчас я избегаю тёмных лазов и ходов. Какой-то холодок появляется под

сердцем, и я поспешно отвожу от такого места глаза. В детстве нагладелась, хватит.

... А лечила меня знаткая бабушка. Она жила на другой улице, а народ к ней шёл кто откуда. Отливала меня она воском. Вылился пегух.

Алексей Гаев

Родился в 1955 г. в селе Парамоново, Орловской обл. В 1973г. Окончил общеобразовательную и художественную школы параллельно.

Служил в рядах Советской Армии, учился в Орловском художественном училище.

С 1980 г. живет на Алтае, в с. Союзга.

Поэтические сборники: Избранные стихи, Казачий круг, Собрание стихотворений в трёх томах, четырёх книгах, «Нежное дыхание свирели»; печатался в сборниках литературного объединения «Лира»: «Дороги солнечная нить», «Мы приходим па Землю».

Работал преподавателем изобразительного искусства в детской школе искусств с. Майма.

Пазырык

1

*Века прошли... И время стёрло лик
и городов, и стран, могучих прежде...
И нынче — камни лишь живут надеждой,
что древних сказок близок нам язык...*

*Они молчат лишь для глухого уха,
они мертвы лишь для не зорких глаз.
Но натяни потуже струны слуха, -
и зазвонит таинственный рассказ!..*

2

*Камни срослись с землёю.
Тысячи лет подряд —
пёстрой в рисунке змеёю —
полз здесь курганный ряд...*

*Сверху глядишь на курганы —
чудится в их движение —
звёзд молочных туманов
точное отражение.*

*Поле лежит, как загадка...
Огненным знанием влекомы, -
камни сложили в порядке,
в им лишь понятном порядке,
древние астрономы...*

3

Тихая речка с илистым дном,
с чётким рисунком подводных барханов,
в солнечных искрах бегущая днём,
ночью несущая шлейфы туманов...

В чистой воде отражается высь;
рыжие хвои плывут по теченью...
Осень. Белесые травы сплелись
лёгкой мелодией отдохновенья...

4

На заре, на восходе
и в сиянии звёзд по ночам,
когда бисером вспыхнет роса,
иль туман поползёт от протоки, —
гул стоит над землёй,
будто камни поют в небеса...
То пространство — огнём —
насыщает могучие токи!

И на стыке огней
мы звучанье пространства вберём
в — своих чутких сердец —
приоткрытые двери!
Слушай, сердце! Запомни!
Ведь то, что сейчас соберём, —
мы друзьям донести
всё должны без потери!..

Где молчанье? Кто Природу
немою назвал?
Голоса отовсюду:
говорят камни, воды и травы...
Слушай, сердце! Вот
в пространстве приказ прозвучал,

как исход из прошедшего
в – будущей жизни – державу!

Здесь, возможно, Учитель
когда-то прошёл в те места,
где к Огню приобщился Небес,
получив Посвящение...
Эту тайну святую шепнули
пространства уста...
Сердце, ты сохрани
всех чудесных признаний значенье!..

Ты пылай и стучи,
и огнём расцветай новых встреч,
и узорным Ученья ковром
растелись среди горного стана!
Человек – это формула
мощи окрыленных плеч!
Это – Космоса, Тайны его
золотая мембрана!..

*Пазырыкская культура — археологическая культура
железного века (VI—III вв. до н. э.), основные находки
предметов которой были сделаны в Горном Алтае.
Сведения в основном получены при раскопках так
называемых Пазырыкских курганов. Носители этой
культуры обитали на смежных территориях нынешней
России (плато Улаган, Укок), Казахстана и Монголии.

О, единенье с природой! (песнь алтайца)

Пряжа дождей размоталась
в синих клубках тучевых...
Эхом в горах расплескалась
сказка племён кочевых!

Львиные грозные рыки,
крылья таинственных птиц
стали в холмах Пазырыка
знаками древних гробниц.

Скачут, как встарь, аргамаки
берегом звонкой реки.
И, как алтайские маки, —
на перевалах жарки!

Крепость закона и силу,
неба высокую твердь —
в стенах и крыше аила
можно всегда усмотреть.

Кладами полные недра
морщат скалистые лбы.
Корни смолистого кедра —
символ могучей судьбы!

Пенятся воды от бега,
белые, словно чегень.
В вечной обители снега —
бодрая светлая звень!

Песней и зовом взлетая
к тайнам космических сфер,
блещет корона Алтая,
мира гора, Уч-Сумер!

В струнах звенящих топшура,
в песне гортанной кайчи –
мудрость живёт и культура,
знания бьются ключи!

Вереском, мёдом и мятой
дышат поляны, луга...
Возле озёр, как солдаты, –
ели выросли в берега...

О, единенье с Природой,
ниточки родственных уз!
Песенным горлом народа
дышит послушный комус...

И богатырские сказки –
в новый слагаются кай!
Синие звонкие краски
дарит пространству Алтай,
золото осени, снега
на крутоспинных хребтах,
будущей жизни побеги,
радуг цветы в небесах!..

*Гора Белуха — самая высокая гора Сибири и Горного Алтая.
... Алтайцы называют её – Уч-Сумер — «Уч» это
три, «Меру» — главная (священная) вершина в
буддийской философии, которая в монгольском языке
трансформировалась в «Сумер», то есть Уч-Сумер можно
трактовать как — «Трехглавая».

АЛТАЙСКИЕ ИМЕНА...

(песнь алтайца)

*Красивы у Алтая имена!
В них дышит свет немеркнувшей Природы.
Алтай, Алтын, край золотой, страна,
где всё полно значенья и свободы!*

*О золоте ты вспомнишь невзначай,
взглянув в глаза улыбчивой девчонки,
чьи песни, как ручьи весною, звонки.
Её зовут, наверно, Алтынай.*

*Когда ключей чистейших воду пьёте
и умываете, придя из дальних стран,
лицо и грудь, и руки – назовёте
вы воды те целебные Аржан.*

*А в искрах пламени узнаешь искры духа,
и в грудь вольётся творчества струя,
когда коснётся внутреннего слуха –
сверканьем солнечное имя Сурайя.*

*Когда касалась нас – вдруг — тень печали,
иль лунной грустью плакала струна, –
ночей красавицу мы сразу вспоминали,
и называлось имя Айана...*

*Но что печаль? В душе – ей – меньше места
давай и будь ты – радостным вовек!
Узором счастья разошьёт невеста
свой свадебный нарядный чегедек!*

*В узорах этих – знание поколений,
в них зашифрован — вечно юный мир...
Врага упасть заставит на колени –
земли защитник с именем Батыр!..*

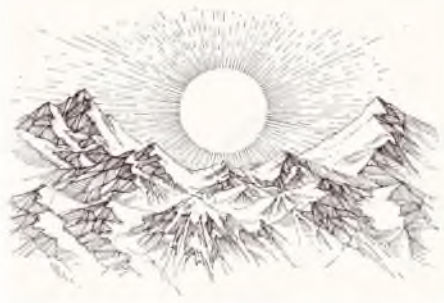

Ну, а когда врагов не станет боле,
цветок росистый мира будет свеж, -
прекрасной жизни прозвучат пароли:
и среди них – Чечек или Чейнеш!..

Придёт Любовь и встанет хрупкой ланью
среди туманных утренних полей!
Потонет в ласке имени звучанье,
когда скажу я: «Здравствуй, Эркелей!.. »

Скажу: «Веди туда, где звёзд сиянье,
где снежных гор блестит крутой карниз!
Чтобы души произошло слиянье
с лучистым светом имени Дилдыс!»

Стремясь к звезде Любви непреходящей,
я воспою навеки отчий край,
край золотой, любимый и звучащий –
заветным, светлым именем Алтай!..

И СНОВА Я ИДУ В ПОЛЯ...

Голубизна дневных небес
и — золото небес закатных.
И много, много невозвратных
картин. Их красок блеск исчез
иль стёрся, в памяти хранимый.
Ничто, ничто неповторимо.

Печаль, конечно, не сильна —
пусть жизнь течёт рекой заветной:
за эту волной приветной
пусть новая спешит волна.

И снова я иду в поля...
В долине — вечер тает тихо.
Лишь изредка, вдали пыля, —
просёлком всадник скачет лихо!

Восток всё мгlistей и синей,
а запад — полыхает рьяно.
От придорожного бурьяна
исходят запахи сильней.

Цветы взбегают по холмам,
что изумрудом тёмным крыты,
и — в радости немой — открыты
глаза их — летним небесам!

Вхожу в овсы. От серебра
и шёлка — блеск литых колосьев!
И тёмные следы прокосов
уже сползают от бугра.

Заря вечерняя слабеет.
Сереет пеплом — туч гряда.
И — робким пульсом — голубеет
высоко первая звезда!

Хребты в тени. Их силуэты –
творенье мощного резца!
Словно осколки изразца, –
полоски снега среди лета.

А там – Белухи монолит,
три богатырских снежных лика!
Сквозь малу вечернюю сквозит
смягчённый свет дневного блика.

То по дороге я иду,
то стану, полный восхищенья!
Сбегают каплями мгновенья
к – судьбы – волшебному пруду.

Вдали село. Белеют крыши,
купаясь в зелени густой.
И воздух, как кувшин пустой,
в котором – ветер песней дышит.

И где-то слышен женский смех,
сплетающийся с мглой душистой.
Душа свободно, без помех –
мечтою зреет золотистой!

Иду и – мыслью – славлю мир,
где столько красоты и лада!
Любовь на сердце, как награда!
Звонит струна сладчайших лир.
И больше... ничего не надо...

МАЙ НА АЛТАЕ!

Сизый дым березняка
постепенно стал зелёным.
Заласкали облака –
сосен глянцевые кроны!
Царствует Катунь-река
в – самоцветных гор – короне!..

Набирает силы май.
Цвет «маральника», как пламя
у свечи! В цветочной раме –
травный холст... Цвети, Алтай!
Радуй зренье, душу, сердце,
красоты открывши дверцы!..

Вечерами – синь густа,
из таёжных выплыв дебрей.
И малиновы уста
зорь! (Нежней их нет, поверьте...)
И Венеры яркий луч
блещет, прячась в пене туч!..

★

И в душе, что молода,
несмотря на лет движенье, –
свет любви, как прежде, жив!..
В ней звучит простой мотив:
о – земных судеб – круженье,
счастье, чистом, как вода...

У ТЕЛЕЦКОГО ОЗЕРА!

Горы как будто встают из воды,
в – елей и сосен – наряде богатом!..
Солнце – на волнах рисует следы
чистых тонов серебра и агата!
И, добежав до прибрежной черты,
волны – вскипают на гребнях свеченьем,
кружатся в танце, что чужд суеты,
ритмам его – придавая значенье...

Жарко телесны стволы сосняка.
Озеро. Рядом и Бия-река,
дочь Алтын-Кёля... Листва извняка –
в водах наряд свой купает...
По берегам – Артыбаш, Иогач.
Ветер, что песня, где смех есть и плач...
А человека, как опытный врач,
дух влажных хвой исцеляет!..

В воздухе – коршунов плавный полёт...
Дождь (с перерывами) весело льёт
с неба – на лес, камни скал и кусты:
мокрой травы жемчуга так чисты,
что непрерывно сверкают, горят!
Горы – душе – о величье твердят,
о глубине тайн природы!..
Радуг цветы – небосводу –
дарят прозрачность тончайших одежд!..
Сердце трепещет – в восторге надежд:
жизнь проживёшь ты красиво!..
Озера тело – в извивах
татуировок... Рисунок их строг.
Слово Алтай, вечной юности бог,
каждою буквой, сплетаясь с душой,
славит торжественно Край Золотой!..

Горы как будто встают из воды...
Озеро, их отражая зеркально,
шепчет о вечном мне, об идеальном!..
О, не стереть – истин сих беспечальных!
Любишь ты – жизни дерзаний – труды!..

О, ПОЗДНЕЙ ОСЕНИ ГЛУБИНЫ!

Редуют кроны у берёз,
на землю сбрасывая листья...
И лес горит, как шуба лисья!
А утром – инея мороз
кусты и травы сталью кроет.
Насечек мастерский узор –
ласкает восхищённый взор!
И новая хозяйка гор,
тишь севера, — с недавних пор
хранит мелодию покоя...

О, мудрость стилой тишины!
О, поздней осени глубины!
Крылом как будто голубиным –
с души карниза сметены
серебряные паутины
надежд июльских и страстей...
а сердце – новых ждёт вестей!..

Те вести – голос дней предзимья.
От сожалений всех – храним я
сознанием: много свершено!
В делах накопленные знания
венчают – жизненных желаний
резное яркое окно!..

А что не сделал в жизни этой,
что не успел и что не смог, -
в стих жизни будущей, сонетом,
войдёт: лишь Бог бы мне помог!..

★

Как года дни перетекают
друг в друга, так и мы несём —
из жизни в жизнь, трудясь веками, —
уменья, груз чей — невесом!..

Поэтому милы нам миги —
цветенья, роста и — поры,
когда — уж сыгранной игры —
снимаем ржавые вериги!

И даль, яснее, рвёт вуаль
полунамёков, открывая
лик Истины! И речь живая
блестит в стихах, как — вод эмаль!..

И знаем мы, не понаслышке,
что осень — только... зов весны...
А зимние, с снегами, сны —
души (без тела) передышка...

Татьяна Чанчибаева

Чанчибаева Татьяна Павловна, родилась в с. Урлу-Аспак в 1970 г. в многодетной семье. Выпускница «Урлу-Аспакской восьмилетней о/о школы», Горно-Алтайского педучилища, ГАГУ. Работаю в родном селе учителем русского языка и литературы 30 лет. Учитель высшей категории. Замужем.

Личные сборники: «Кто живёт в горах Алтая», для детей, 2003 г. ;

«Милым ребятам стихи и загадки», для детей, 2009 г. ;

«Я просто женщина земная», лирика, 2017 г.

Сборники современной прозы и поэзии России «Звёздный дождь» (2017 г.), сборник Российского союза писателей (2017 г., 2019 г.), «Поэт года» в России (2011, 2012, 2014, 2018 г. г.), «Наследие» 2017, 2019 г. г., сборник произведений номинантов литературной премии имени Сергея Есенина «Русь моя», Москва, 2018 г. ; литературный журнал «Великолепная десятка» (издательство «Новый Современник», 2017 г.); литературный журнал «Фестиваль», (МСП, издательство «Новый Современник», январь 2019 г., февраль 2019 г.).

Сборники: «Дороги солнечная нить», 2018 г; «Мы приходим на Землю», 2019 г.

Член Международного Союза писателей «Новый Современник» и Российского Союза писателей.

Я — дочь алтайского народа,
Тайги и смелых горных рек,
И при рождении природа
Крестила гордо — человек.
Я всей душою принимаю
Благословенный милый край
И благодарно называю —
Его Величество Алтай!

Лунная песнь шамана

Вдоль по узкой таёжной тропе,
На исходе цветущего мая
Плёлся старый шаман в маньяке,
Верный бубен к груди прижимая.
Поднимаясь по склону горы
И минувшие годы листая,
Оставлял он для дУхов дары,
Все традиции гор соблюдая.
Понимал, что пути нет назад:
Остывало его костровище,
И ожившие тени не зря
Погребальными звуками свищут.
Он давно приглядел в стороне
Среди лиственниц мощное древо.
На осколках священных камней
Оно с ветром шепталось, шумело.
Здесь развёл ритуальный огонь,
Совершая обряд свой сакральный.
И гортанные звуки как стон
Попились над тайгою прощально.
В бубен вкладывал старый Молтуй
Свои силы и мудрость шамана.
Вековое наследие лун
Над костром в диком танце витало.
Лишь под утро усталый шаман
Молча бубен укрыл своим телом.
И душа его словно туман
Над Алтаем легендой взлетела.

3. 06. 2016 год

* По преданию, у алтайских шаманов был обычай: перед своей кончиной уходить в горы.

* Маньяк — тип ритуальной одежды и предмет культа.

Семь Каракольских прекрасных озёр

Как-то отец, шесть его сыновей
Ехали в поисках лучших земель.
Долго ли, коротко длился их путь,
Но наступила пора отдохнуть.
Видят: зверьём здесь богата тайга,
И разнотравьем пестреют луга:
Место хорошее для очага,
Только никто не нашёл, где вода.
К духам отец обратиться решил,
Ночью он тайный обряд совершил.
Духи сказали: «Чтоб каждый из вас
Вырыл колодец в полуденный час».
Строго исполнен был важный совет,
А вот воды в них ни капельки нет.
Снова отец совершает обряд,
Духи о жертве ему говорят:
«Старшего сына нам мёртвым отдай,
Сразу пребудет в колодцах вода».
Гролом гремели такие слова,
Ноги отца удержали едва.
Меркнет звезда на макушке сосны,
Все семь колодцев водою полны.
Танцы оживших теней улеглись,
И сыновья ото сна поднялись.
Чудо свершилось, мученьям конец!
В счастье волнующем, где же отец?
Долго искали, но нет и следа...
А из колодцев струилась вода.
Так появились на свет между гор
Семь Каракольских прекрасных озёр.

**Каракольские озера — (от южноалт. Кара-Кол — «Чёрное озеро»)*

Это группа из семи живописных высокогорных озёр, расположенных на западном склоне хребта Иолго, который является водоразделом рек Бия и Катунь.

Шаманка

Когда-то давно на Алтае жила
Шаманка из знатного рода.
Она неприступной была, как скала,
Гнала женихов от порога.
Никто покорить её сердце не мог
Ни в играх, ни в скачках, ни в слове.
Ещё не бывало таких недотрог
С заносчивой искрой во взоре.
Гордилась девица своей красотой
И даром, что свыше был послан,
И тем, что наряд у неё дорогой,
И тем, что роскошные косы.

Но люди не знали отказа её,
Когда их болезнь наступала:
Шаманка входила в любое жильё,
Подолгу под бубен камлала.
И сила её не имела границ,
Ей дУхи всегда помогали:
Наследные тайны от Синих Волчиц
С младенчества дева впитала.
Целебные травы алтайской земли
В Куюмских горах собирала,
И птицы ей в клювах ракушки несли,
Которые только желала.

Однажды к шаманке гонец прискакал:
У бая жена заболела,
И гаснет огонь у её очага,
Покрыто коростами тело.
Примчалась шаманка, и бай молодой
Приветил её у аила.
Колдунья умыла больную водой
И в бубен шаманский забила.
Три дня и три ночи камлала она
И в яростном танце кружила.

Служили ей дУхи святого огня,
И хворь от больной отступила.
С улыбкою бай для шаманки коня
Отдал за спасенье любимой,
И в знак благодарности деву обнял,
А сердце её защемило,
Забилось, запело в девичьей груди,
Земля из-под ног уходила.
Но разные с милым у девы пути,
И камнем шаманка застыла.

Поныне в Куюме тот камень живёт
Как сила любви, как преданье.
Весной на нём буйно маральник цветёт:
Влюблённых зовёт на свиданье.

Гордая моя Катунь-река

*Сбросив ледяное покрывало,
Заревела горная река,
Тесные границы размывая
И не признавая берега.
Каменные глыбы поднимала,
С треском расщепляла деревья,
И безумный бег не прерывая,
Предъявляла вешние права.
Пенилась, бурлила разъярённо
(Отлежала за зиму бока),
Уносилась вдаль непринуждённо
Гордая моя Катунь-река.*

Деревушка родная алтайская

*Деревушка моя неприметная.
Приютилась она между гор,
Где могучие кедры заветные
Меж собою ведут разговор.
Деревушка родная алтайская.
Здесь повсюду поют родники,
Тишина задушевная, райская,
И вдали голубеют Белки.
Деревушка, с живыми легендами
И наследием предков своих,
С богатырскими елями, кедрами,
Ты навеки Святая Святых!*

Я — дочь осеннего тумана...

*Я — дочь осеннего тумана
И светлой грусти сентября,
А тёплым именем Татьяна
Крестила алая заря.
Я — дочь оранжевого ветра
И пышной спелости рябин.
Я — дочь Катуни, ветки кедра
И под окошком сентябрин.*

Вечер на Алтае

*На Алтай румяный вечер с гор спустился,
Из ручья прохлады ключевой напился,
С ветерком по саду погулял немножко,
Заглянул тихонько в милое окошко,
Из ладошки вылил музыку покоя,
С пряным ароматом мяты и левкоя,
В небе звёзды вышил перламутром сочным
И уснул в объятьях тёплой летней ночи.*

По Алтаю осень мчится

*Рыже-огненной лисицей
По Алтаю осень мчится.
Где пройдёт, там чудеса!
Не узнать теперь леса:
Красно-жёлтый и багровый
Лес стоит, как терем новый!
А в раскрытое окошко
Осень машет мне ладошкой.*

Катунь по камушкам бежит

*Зеленоглазою девчонкой
Катунь по камушкам бежит,
То закружит листву воронкой,
То тихой гладью ворожит.
Порой характер крут бывает,
А иногда послушней нет.
Но на тебе, река родная,
Сошёлся клином белый свет!*

Обычное село...

*Обычное село,
Каких на свете много,
Ведёт меня в него
Привычная дорога.
Но солнце светит здесь
И ярче, и родней,
Нет в мире лучше мест,
Нет стороны милей!
При встрече каждый рад
Душой в беседе слиться,
Не требуя наград,
Последним поделиться.
Обычное село,
Каких на свете много,
И так мила давно
Привычная дорога!*

Кара Кол легенда

*Когда это было, никто уж не знает,
Но где-то в горах Голубого Алтая
Бай хитрый и жадный тогда проживал,
Взаймы никому ничего не давал.
И очень уж золото бай тот любил,
Немало его в сундуках он скопил.
У бедных людей всё, что мог отнимал,
За это народ ему прозвище дал:
Бай Чёрные Руки его называли,
Всегда сторонились и не уважали.
Однажды услышал про то Кара Кол,
Что золото кто-то в долине нашёл.
Он тут же собрался, поехал туда,
Во многих местах перерыл всё тогда.
Увидел Господь, что он здесь натворил,
Ему в наказание воду пустил.
И золото баю тогда не досталось,
А вот вода и поныне осталась.
Ни с чем жадный бай восвояси ушёл,
Озёра с тех пор все зовут Кара Кол.*

В селении нашем легенда живёт...

В селении нашем легенда живёт,
Её с уважением помнит народ,
О том, что когда-то девица жила,
Лицом и душою прекрасна была.
Любое в руках её спорилось дело,
Тут надо сказать, она много умела:
И прясть, и вязать, на охоту сходитьь,
И выделывать шкуру, одежду пошить,
Готовить дьёргём, паурсак и талкан,
Набросить на лошадь любую аркан.
Обычаи все уважала и чтילה,
И к старшим была она очень учтива.
На праздниках пела девица прекрасно,
Невеста завидная, каждому ясно.
Немало о деве вздыхало парней,
И многие думали свататься к ней,
Да все не решались. Причина одна –
Красавица наша была так бедна,
Да и семья многодетна к тому же,
Нужна ли кому-то такая обуза?
И только один ни на что не смотрел,
Кто искренне деву любил и жалел.
Он жил на окраине в ветхом айле,
И дева моя его тоже любила.
Охотником был он, кругом сиротой,
И деньги копил, чтобы справить им той.
Но время на месте никак не стояло,
Молва о девице по свету бежала.
Прослышал о девушке байский сынок
И в жёны решил её взять в тот же срок.
Скупым негодяем он слыл средь людей,
Конечно, не пара для девы моей.
Он сел на коня и поехал к девице.
И надо же было такому случиться,
Наверное, стало угодно так Богу,
Никак он не мог отыскать к ней дорогу.

Все тропы изъездил по нашей округе,
Но так не попал он к желанной подруге.
Она вышла замуж, а он до сих пор
Плутает один на коне среди гор.
И если кого-то встречает в пути,
То просит помочь ему деву найти.
Особенно часто, об этом ты знай,
Мы видим его по дороге в Узнай.

*Боорсок (паурсак) — известные алтайские пончики, пекутся на нутряном бараньем жире на открытом огне.

*Дьёргём -желудок барана, который разрезается лентой, сплетается косичкой с полоской жира при помощи тонкой кишки и варится.

*Талкан (башк. талкан; каз. талқан; кирг. талкан; рус. толокно) — мука крупного помола из жареного ячменя или пшеницы.

На Алтае небольшое есть село

На Алтае небольшое есть село,
Урласпаком называется оно,
Среди гор больших затеряно стоит,
Каждый житель деревушкой дорожит.

Дружно люди проживают все у нас
И друг другу помогают в трудный час,
Да и в радости все вместе, заодно.
Вот такое на Алтае есть село.

Приезжайте, приходите в гости к нам,
Здесь почет и уважение гостям.
В каждом доме здесь вас чаем напоят,
Если сами уезжают, говорят :

«Уезжаем в свой родной Урлу-Аспак,
Уезжаем, но совсем не просто так :
Мы тепло улыбок ваших сохраним,
А на память оставляем вам свои».

**Урлу-Аспак (от южноалт. Турлу Аспак, Урлу-Астак — осиновое стойбище) — село в Майминском районе Республики Алтай России, входит в Бирюлинское сельское поселение. Расположено в долине реки Маймы, к юго-востоку от Горно-Алтайска.*

Замок Духов

Давно это было у нас на Алтае.
Настолько давно, что уж мало кто знает,
И помнят об этом всего лишь по слухам,
О том, как возник на земле Замок Духов.
Однажды на голой вершине крутой
Поспорили Духи, Добрый и Злой,
Кто же из них на земле посильнее,
И кто доказать это быстро сумеет.
Решили, что здесь же, на этой горе,
Они принесут по огромной скале.
Друг другу никто уступать не хотел,
Для Духа скалу принести – не предел.
С задачей справились оба, и вот
В споре никто из них верх не берёт.
Решили, чтоб силу свою доказать,
На людях им нужно себя испытать,
Что каждый победам вести будет счёт –
За каждое дело по камню несёт.
Как только об этом они сговорились,
Так сразу в селения к людям спустились.
Здесь только плохое Злой Дух совершал,
А Добрый ему постоянно мешал:
Задумает Злой своё страшное дело,
А Добрый исправит всё это умело.
Настала пора, и сошлись они снова,
У каждого куча своя уж готова.
И чтобы решить этот спор их недавний,
Стали считать принесённые камни.
Снова всё поровну было у них:
Сколько дел добрых, столько же злых.
Злой Дух рассердился на это ужасно:
«Неужто старания были напрасны?
Я знаю, что я на земле всех сильнее,
Меня не обманешь по гряде камней!
Я это сейчас же тебе докажу,
Победу я в схватке с тобой заслужу!»

Снова соперники в битве сошлись,
Добрая сила со Злою слились.
И бились три ночи они и три дня,
От мощи такой раскололась земля.
Духи на дно её с криком упали,
Битву свою в темноте продолжали.
От гнева Злой Дух выбивался из сил,
Рычал, задыхался и страшно так выл,
Никак не хотел он признать поражение,
Но силы покинули. В это мгновенье
Добрый цепями связал его так -
Выбраться Злой не сумел уж никак.
Так и лежит там в пещере, на дне.
Добрый, победой доволен вполне,
Снова по свету невидим летает,
Всем, кто достоин, всегда помогает.
Немало с тех пор уже минуло лет,
Никто и не знает, что правда, что нет.
Но часто слышны там тревожные крики,
Меж скал возникают ужасные лики.
То кто-то заплачет, то вдруг засмеётся,
То песня душевная рядом польётся...
Здесь каждый алтаец востро держит ухо,
Он не потревожит ни Замок, ни Духов.

Богатырские руки

Легенда

Немало легенд есть у нас на Алтае,
Их любят в народе и почитают,
Друг другу их бережно передают...
А я расскажу вам легенду свою.
Поверьте, она родилась не от скуки,
Когда я впервые увидела руки,
Кровавые руки на мощной скале,
Отчетливо сразу представилось мне,
Откуда и как они здесь появились.
И строчка за строчкою мысли полились...

Когда-то давно на Алтае жила
В одном из аулов молодая вдова.
Хозяйство держала: коровку, теленка,
Собаку, барашка, овцу да ягненка.
В аиле ее было чисто и мило,
Совсем небогато, но очень красиво.
Вдове-то никто просто так не поможет,
Поэтому шила одежду и кожи.
Растила сынишку, любила, жалела,
Учила всему, что сама разумела.
Во все он толково и быстро вникал
И маме своей как умел помогал.
И было от роду сынишке шесть лет,
А равных по силе в селении нет.
Конечно, годами он был ещё мал,
Но Бог ему силу великую дал.
Народный когда проходил Эл-Ойын,
Всегда победителем был он один.
В аймаке его уважали и чтили,
Хотя удивлялись недюжинной силе,
Мальчишка же этого не замечал
И скромной улыбкой на все отвечал.

Однажды мать с сыном сидели в аиле,
Огонь в очаге для тепла растопили.
Мать шила одежду, сын ей помогал,
Как вдруг на коне кто-то к ним прискакал
Зашел торопливо и прямо с порога
Сказал, что им нужно скорее в дорогу –
Их бабушка с дедушкой очень больны.
– Скорей торопитесь, успеть вы должны!

В далёком ауле родители жили,
Туда наши путники очень спешили.
И путь их лежал через горы крутые,
Через леса, где тропинки витые.
Шли они ночью и днём напролёт,
Зная, что время ни капли не ждёт.

Вот уже сутки осталось пути,
Силы покинули, трудно идти.
Мать очень сильно в дороге устала
И, на минутку присев, задремала.
А в это время крутая скала
Сдвинулась с места и тихо пошла
Прямо туда, где вдова отдыхала
И про опасность не подозревала.
Сынишка увидел, что маме грозит
И встал на пути у скалы, словно щит:
Уперся в неё он своими руками,
И остановился безжалостный камень.
От этого даже земля содрогнулась,
Мать, испугавшись за сына, проснулась.
Увидела все, что вокруг происходит,
Что силы у сына уже на исходе,
Что руки потрескались в кровь от натуги,
И что не поможет никто им в округе,
Здесь просто-напросто нет никого...
Она из-под камня толкнула его,
Собою укрыла, чтоб смерть не видал...

*Но камень недвижим не месте стоял!
На нём, как огонь, были красные руки,
На землю стекали кровавые струйки.*

*Что это было: чудо иль нет,
Ты в своём сердце поищешь ответ.
Много с тех пор уже минуло лет,
Кровавый навеки остался здесь след.*

*И если ты будешь у этой скалы,
Где руки ребёнка все также видны,
То не пытайся стереть их, не стоит —
Дух малыша это очень расстроит.*

**«Эл-Ойын» — кочующий праздник. В этом, наверное,
сказывается дух предков, которые в давние, далекие годы не
могли усидеть на одном месте...*

Вечный всадник

Легенда

Давным-давно в горах Алтая
Там, где Катунь течет седая,
Где блещет синью свод небес,
Где полон сказок темный лес,
Где птицы свищут, не смолкая,
Стоял аил большого бая.
Бай был жесток, ужасно скуп,
Себялюбив, не очень глуп.
Богатство, роскошь бай любил,
Пушнину, золото копил.
Он очень рано овдовел,
Жениться снова не хотел.
Растил единственную дочь,
На мать похожую точь-в-точь.
С ней одной был нежен бай.
Звали дочку Алтынсай.
Быстро времечко летело,
Дочь росла да хорошела.
И пошла молва по свету:
Краше байской дочки нету.
Бай, хотя и не спешил,
Выдать замуж дочь решил,
Чтоб жених богатым был,
Алтынсай как он любил.
В это время дочка бая,
Ничего о том не зная,
В поле ягоду брала,
Косы девичьи плела.
Бабочки вокруг порхали,
Птицы звонко щебетали,
Да в траве возился жук...
И слышалось ей вдруг:
Где-то тут, недалеко,
Кто-то песню пел легко,

Так приятно слух лаская,
Песню о красе Алтая:
«Как не любить мне мой Алтай,
Чудесный, милый сердцу край!
как не любить поля и горы!
Как не любить небес просторы!
Потоки рек как не любить!
Люблю Алтай! Люблю здесь жить!»
Встала Алтынсай тихонько,
По траве идет легонько, —
Интересно посмотреть,
Кто бы это мог так петь?
Видит пред собою поле
И коней табун на воле.
А подальше, у ручья,
Видит девица моя
Парня очень молодого
И красивого такого.
Это он ответ к загадке,
Это он, чей голос сладкий
Так к себе ее манил
И навек уже пленил.
Парень глаз с нее не сводит,
Песню о любви заводит.
Стало ясно, что они
Уж друг в друга влюблены.
Незаметно день прошел,
Расставанья час пришел.
У ручья они простились
И о встрече сговорились.
И знакомою тропой
Алтынсай спешит домой.
Здесь нельзя вам не сказать:
Не могла девица лгать,
И отцу без промедленья
Рассказала все в волненьи.
Ничего не утаила,
Что влюбилась и любима.

Бай свою родную дочь
Выдать замуж был не прочь,
Но искал ей жениха —
Богача, не пастуха.
И, подумав, так сказал:
— Не об этом я мечтал.
Я хотел тебя отдать
Жениху, чтоб был под стать,
Чтоб он очень был богат, —
Вот чему бы был я рад.
Но уж если так случилось,
Что ты в нищего влюбилась,
Что тебе никто не нужен,
Только б он твоим стал мужем,
Я согласен. Только если
Он споет такую песню,
Чтобы я от умиленья
Всё отдал без сожаленья.
Волю выполнить мою
Я три дня ему даю.
Если же не справится,
То с тобой расстанется.
Но в душе-то бай грешил,
Вот, что он уже решил:
«Как бы мне пастух ни спел,
Всё же будет не в удел.
Пусть хоть как старается, —
Не отдам красавицу!»
Эту тайну хитрый бай
Не поведал Алтынсай.
Дочке строго запретил
Покидать родной аил.
Ночь спустилась на Алтай...
Нет покоя Алтынсай, —
Как увидеть молодца,
Передать слова отца?
Вот уже рассвет подкрался,
Лучик солнца показался.

Алтынсай к нему с мольбой:
— С детства дружим мы с тобой.
Ты мои все тайны знаешь,
Ни предашь и ни обманешь.
Разыщи милого в поле,
Передай отцову волю.
Если все исполнит в срок,
Будем вместе мы, дружок!
Лучик девушке в ответ:
— Для меня преграды нет.
Не волнуйся, не печалься —
Все исполню в одночасье.
Просьбу луч, как обещал,
Слово в слово передал.
Время мчится быстрой птицей,
Алтынсай моя томится.
Вот уж третий день проходит,
А любимый не приходит.
Вдруг у самого аила
Зазвучал топшур так мило.
Сердце девичье запело.
Оглянуться не успела,
Как пастух зашел в аил
И с отцом заговорил.
Поздоровался достойно,
Начал речь свою спокойно:
— Мой род древнейший на Алтае —
Комдош. Я свято почитаю
Традиции и предков рода,
Святыни моего народа.
Я знаю, мне они велят
За Алтынсай калым отдать:
Коней, овец, пушнину, золото,
Но я пастух, я не богатый.
Все, что имею, отдаю:
Все песни и любовь мою.
Тут топшур берет он в руки,
Льются плавно, нежно звуки.

Волю чувствам он дает
И про Алтынсай поет.
— Среди синих гор Алтая
Я девчонку повстречал,
О которой, точно знаю,
Я уже давно мечтал.
Скромный взгляд, густые косы,
Темно-карие глаза,
Никогда не сможешь бросить,
Их забыть никак нельзя.
Голос ласковый и нежный
Я люблю, ты так и знай,
Смех веселый, безудержный
Вспоминаю, Алтынсай.
Ты лебедь белая моя,
На небе ясная луна.
И говорю я, не тая:
Мне только ты одна нужна.
Смолкла песня, топшур замолчал.
Бай, что задумал давно уж сказал:
— Голос твой мне режет слух.
Понимаешь ты, пастух,
Алтынсай уже невеста,
Но тебе нет рядом места.
Твое место в табуне,
Ты не будешь зятем мне.
Алтынсай упрячу так —
Не увидитесь никак!
В ту же ночь бай-разлучитель,
Молодых сердец мучитель,
Дочь увозит на коне
К страшной Чертовой скале.
Духов дьявольской скалы
Просит, чтобы помогли.
Среди неба гром раздался,
Бай ничуть не испугался,
Алтынсай в скалу толкнул,
Камень за спиной сомкнул.

Вкруг себя оборотился –
В коршуна он превратился,
Чтоб всегда на страже быть,
Никого не подпустить.
Ищет милую свою
Наш пастух в родном краю,
Песню грустную поет –
Все с любимой встречи ждет.
Вдоль скалы он круглый год
На коне ведет обход.
Коршун в небесах кружится,
Плачет бедная девица,
Слезы по скале текут
И маральником цветут.
Быль все это или сказка
Сам, читатель, догадайся,
Но легенды след найдешь
Ты в селении Чепош.

*Топшур (монг. топшуур) — щипковый музыкальный инструмент с 2 волосяными струнами (настроены в кварту). Длина около 780 мм. Способ игры — бряцание. Распространен в Северо-Западной Монголии и на Алтае.

*Чепош – село в Чемальском районе Республики Алтай, первое по Чемальскому тракту от поселка Усть-Сема. Название села Чепош в переводе с алтайского означает «смирный», «кроткий», так же возможно – «маленькая», «сорная».

Георгий Черных

Георгий Черных родился в 1975 г. в г. Красноярске. Стихи начал писать с 9 лет, долгое время не придавая этому серьезного значения.

Посещение литературного клуба, строгие и справедливые замечания «братьев по перу» способствовали дальнейшему росту Георгия, как поэта. И вот он уже один из авторов сборников: «Я сердцем чувствую стихи», «Параллельные миры», «Повозочка», «Пусть откроется жизни страница», «Майма литературная», «Отражение веков», «Среди однотипных коралловых будней», «Мы приходим на Землю», «Дороги солнечная нить» и, наконец, первый авторский сборник – «Времена жизни».

Георгий участник Международного поэтического конкурса 2009 г. «Золотая строфа». Его стихи вошли в 3 альманаха, выпущенные по результатам конкурса.

Член Петровской Академии наук и искусств.

ТУУЛУ-АЛТАЙ

*Смотрит с Пикета Василий Шукшин
На вереницы спешащих машин,
Едущих вновь до сакрального края
В горы священные, в горы Алтая!*

*Верно! Лишь въедешь на гору Бекет,
Сразу увидишь легенды тех лет:
В отзвуке бубна и танце шамана
Стройность Катынги и шлем Бабырхана.*

*За Кёк-Туу, где растёт черемша,
Долгий свой путь начинает Иша.
А где встречаются друг друга аржаны,
Горный Алтай охраняют Майманы.*

*Спрятанный Бием стеной кедрача,
Дарит тепло и уют Турочак.
Вместе с тайгой напевает бемолем
Ветер пронзительный над Алтын-Кёлем.*

*Гордо парящий Каган-Кереде
Мир созерцает во всей красоте,
Запечатлённый Чоросом в картинах,
Названный Рерихом Шамбалой мира.*

*Там, у пяти святых снежных вершин,
Очи-бала, госпожа Ак-Кадын
Смотрит озёрами в небо Алтая,
Кай, под комуз и топшур, исполняя.*

*В такт кайракан – вездесущий Куда́й –
Смотрит на созданный им Кан-Алтай.
Песня струится по рекам, по эрам.
И поднимается над Уч-Сумером!*

*Туулу — Алтай – Горный Алтай

*Бекет – Гора Пикет (старинное название Бекет)- памятник истории и культуры, на ее территории расположено несколько памятников археологии.

*Катынга – дочь хана Алтая, прекрасная Катунг, превратившаяся в реку Катунь

*Бабырхан – в некоторых легендах он богатый бай Бабырхан, отец Катынги, в других – один из богатей хана Алтая

*Кёк-Туу – синяя гора (высокая гора) название высоких гор

*Иша — (алт. Ит-Иши) правый приток реки Катунь с длиной водотока 162 км.

*Аржан — целебный источник

*Майманы – один из самых многочисленных алтайских сеоков.

*Бий – возлюбленный Катынги, превратившийся в реку Бию

*Турочак – «маленькая тёплая, уютная избушка, стоянка, домик» («тура» — изба, дом; «чак» — уменьшительно-ласкательный суффикс) (южноалт. Турачак) село в Республике Алтай

*Алтын-Кель, Алтын Кёл – золотое озеро, Телецкое озеро

*Каган-Кереде (Кан-Кереде) – в алтайском фольклоре чудесная хан-птица, грифон

*Чорос – Григорий Иванович Гуркин (Чорос-Гуркин) (12 [24] января 1870 года — 11 октября 1937 года) — российский и советский художник, ученик И. И. Шишкина. По происхождению — телеут и представитель рода чорос.

*Рерих – Никола́й Константи́нович Ре́рих (Рёрих) (27 сентября (9 октября) 1874 года, Санкт-Петербург — 13 декабря 1947 года, Наггар, Химачал-Прадеш, Индия) — русский художник, сценограф, философ-мистик, писатель, путешественник, археолог, общественный деятель. Академик Императорской (Российской) академии художеств (1909).

*Шамбала – мифическая страна в Тибете или иных окрестных регионах Азии

*Очи-бала, Ак-Кадын – Алтайская мумия (Принцесса Укока, Принцесса Кадын, Очи Бала)

*Кай – горловое пение, распространённое среди коренных жителей Алтая

*Комуз – древний музыкальный инструмент варган относится к группе самозвучащих язычковых

*Топшур – щипковый музыкальный инструмент с 2 волосяными струнами

*Кайракан – особо почтительное обращение к богам у алтайцев

*Кудай – (обладающий Кут(ом)) или Худай, — верховный бог в тюркской мифологии.

*Кан-Алтай – кровный Алтай. Кан Алтай

Уч-Сумер – Белуха - "Уч" это три, "Меру" — главная вершина в буддийской философии, которая в монгольском языке трансформировалась в "Сумер", то есть Тройная или "Трехглавая главная вершина".

На день села

*Взойди на "Чёртов Палец" ранним утром
До солнца в небесах,
До шума тракта с авто перегудом,
До первых ранних птах.*

*Вдыхая воздух, свежестью пьянящий,
Взлети на самый пик,
И сверху ты увидишь мирно спящий
Маймы любимой лик!*

*Как в этот час село Майма красива:
Свет, льющийся извне,
Очертит утра миг неторопливо
В рассветной тишине.*

*Начнёт по руслам рек густой вуалью
Стремится вверх туман...
И засияет всей гранитной сталью
На солнце Бабырган!*

*И, позабыв запреты и границы,
Румяня небосклон,
От солнца свет начнёт к Майме стремиться
Под колокольный звон!*

*А ты глядишь, восторженно ликуя,
На улицы, дома и шепчешь:
«С днём рожденья, Аллилуйя,
Село моё — Майма!»*

*Когда беда неожиданная придёт
Я створы распахну своих ворот.
Не для беды и скорби, а для ветра
С прохладой ледника и вкусом кедра.*

*В нём будет аромат полей, дубрав.
Душистый, пряный запах горных трав.
Таёжных ягод сочных перезрелость.
Озёр, ручьёв и водопадов смелость.*

*Открытый, выйду я под сильный шквал,
Боясь одно, чтоб он не перестал.
Раскроюсь ветру сердцем и душою
Молитвою простою и земною.*

*И, отрываясь в мыслях от земли,
Услышу каждой клеткой, как вдали
Из лучезарной дали поднебесья
Вдруг снизойдёт в меня святая песня.*

*Про первый снег. Про вешний гром и дождь.
Про спелую и налитую гроздь.
Про вечную печаль от листопада
Из чистого осеннего наряда.*

*Про солнце в небе, звёзды и луну.
Малиновый рассвет и полутьму.
И это песнопение природы
Развеет и разгонит все невзгоды.*

*Раздует ветер бед и горя круг.
И засияет жизнь — во мне, вокруг!
И эта песня с бодрым, свежим ветром
Укроет все несчастья мягким пледом.*

Оксана Хлопотова

Я, Хлопотова (Кузина) Оксана Александровна 1971 года выпуска, в юности печаталась под фамилией Малышева. Родилась в заповеднике, выросла непуганой и счастливой в п. Многоозерном (Боровлянский государственный заказник) Алтайского края. Я — сто процентная женщина, конечно не совершенство, но шедевр еще тот, эмоциональна и крайне чувствительна.

С 2014 г. член Петровской академии наук и искусств России. Финалист Фестиваля «Поэзия Улиц в Санкт-Петербурге 2015. Финалист национальной, литературной премии «Поэт года 2015».

Люблю жизнь во всех её проявлениях. Замужем. Счастлива.

Пока жива моей души страна

Пока жива моей души страна
Я ей пою, о ней я петь должна,
Всё ты, — Алтай, куда не кинешь взор,
меж скал ручья холодный разговор,
Любовью полон, музыкой с небес,
Храним пургой давно укрытый лес.
Пьянит и несказанно велика,
бездонна тишина у родника.
А я тропинкой тонкою пройду,
Зажгу на небе раннюю звезду,
Сольюсь с вечерним трёком снегирей,
И уроню снежок, подтаявший с ветвей...

Родина

Не считаю за ностальгию, боль по Родине, — просто боль.
Захлебнуться твоею синью бесконечною мне позволь.
Окуная глаза в закаты, я душою любовь пила,
Оттого и была крылата, — шириной твоего крыла,
Высотой твоих рассветов, гордых гор, глубиной озёр,
Я в тебе растворяюсь светом, осветившим в ночи костёр.
Как языческий звонкий бубен, — ритмом бешеным сердца стук,
Ты нужна для чего-то людям, как тепло материнских рук...
Горы стынут хребтами в небо, на лесной тропе — тишина...
Согревает краюха хлеба полнотелая, как луна,
Звёзды светят, в реке качаясь, отражаются фонари,
Каждой клеточкою врастаю в эпителий родной земли.
Возвращаюсь я, возвращаюсь, пульс сильнее в конце пути,
Сердца радостью возрождаюсь и готова пешком идти.
Не считаю за ностальгию, боль по Родине вмиг пройдёт,
Только скрипнут, пусть только скрипнут
каблучки у родных ворот.

Дивное место-малая Родина

Дивное место-малая Родина
есть на земле,
И все дороги земные, что пройдены
тянут к тебе.
И зацветает в душе неприкаянной
красный закат.
Малая Родина каждой проталиной
смотрит в глаза.
Неба синее и глубже не видела,
гроздь рябин
красными каплями сердце царапают,
с горных вершин
реками быстрыми, слёзы хрустальные
катятся вниз,
а наклоняюсь к воде, каждой капелькой
шепчет — вернись!

Катуни

Ты дика и необузданно смела,
Я, как ты, совсем такая же была,
Захочу и закручу водоворот,
и никто нас не возьмёт ни вплавь, ни вброд!
Изумрудом твоих струй напьюсь хмельна,
И не надо мне ни водки, ни вина.
Снова плещешься печалью через край,
Ну, не надо, — пощади, не наливай!
Я как ты, совсем такая же была:
И дика, и необузданно смела,
И печалью напоила всех вокруг,
И не надо мне ничьих ни глаз, ни рук.
А теперь я — курам на смех, — не река,
И пугают гроззовые облака,
Но как прежде, закручу водоворот
И никто нас не возьмёт, ни вплавь, ни вброд!

Алтайская осень

Алтайская осень, — печальные нитки дождей,
Уносится в небо курлычащий клин журавлей.
Алтайская осень, — малиново-грушевый сад,
Здесь огненной шапкой горит над Аносом закат.
Алтайская осень, — Великого Гуркина рай,
Он маслом писал — этот богом отмеченный край!
Алтайская осень, — здесь в Шамбалу где-то тропа,
И Рерихов шёлковый путь через гор купола,
Аскат, — отражённый в зелёной катунской воде,
Как будто деревня в распахнутом настёжь окне,
Где видевший душу в расщелине каждого пня
Кузьма Басаргин, — удивлявший когда-то меня.
Алтайская осень, — здесь мой недостроенный дом,
Где солнце встает, разливаясь багряным пятном,
И музыкой гор наполняется солнечный день,
Алтайская осень — прозрачные воды Уймень!

Прогулка в лесу. Зарисовка

Я с природой — единое целое,
И в лесу, словно рыба в воде,
А осеннее солнце несмелое
Припекает головушку мне.
Мне бы это тепло не расплёскивать,
Донести до других не спеша,
В паутинах с росистыми блёстками
Замирает восторгом душа.
Под ногами цветными охапками
Облетевшие листья шуршат,
Укрывают румяными шляпками
Сыроежки сыроежат
И, вдыхая, чистейший, осиновый,
Воздух пью и тихонько пою,
Не прибитой морозом калиною,
Прислонившись к берёзке стою.

Деревня

Я раньше у бабушки летом в деревне жила,
Под окнами тонких черёмух волшебное кружево,
Тропинка в садочек малиною вся заросла,
И голос родной, что при сумерках звал нас поужинать.
Я раньше у бабушки летом в деревне жила
И нынче приехала с тем-же былым настроением,
Лишь бабушка та же и так же нам всем дорога,
На стол выставляет блины с молоком и варением,
Но что-то случилось, случилось с деревней моей —
Дома покосились и светятся окна заплатками.
И скоро, наверно, совсем не останется в ней
Мальцов-стригунок, зажигающих с грязными пятками.
Одни старики и как будто больное село,
Не слышно гармони, заплот перекошенный валится,
И поле, что раньше гречихою густо цвело,
Совсем не засеянным нынче — полынью печалится.
Я раньше у бабушки летом в деревне жила,
И лес был богат, и ломились корзинки от тяжести.
А может, кто помнит, какая рыбалка была,
И сколько у нас — ребятишек тогда было радости?!
Так что-же случилось, случилось с деревней моей?!
Ни ягод, ни леса, ни рыбы теперь, и не озера,
Лишь черные руки сухих от земли тополей,
Что сами засохли, а может зима заморозила.
Так что же случилось, случилось с деревней моей?!
На что, дорогая, скажи ты, так сильно обиделась?
Быть может, что дети родимых тобой сыновей
здесь жить не хотят, иль с ними давно ты не виделась?
А может на то, что леса, что шумели вокруг,
Навеки теперь топором и пилой покалечены,
И нет здесь хозяйских, по-доброму праведных рук,
И ты умираешь, как горем убитая женщина?
Так что же случилось, случилось с деревней моей?!
Под окнами тонких черемух волшебное кружево,
Да черные руки сухих от земли тополей,
Да голос родной, что зовёт нас на сумерках ужинать.

Мерген Челтанов

Челтанов Мерген Семенович из рода ак кёбёк, родился в 1988 г.

В 2005 году, после окончания обучения в школе №1 г. Горно-Алтайска поступил в ГАГУ на географический факультет, но не закончил. С этого же времени начинает активно заниматься туризмом и спелеологией.

В 2007-2008 гг. проходил военную службу на Тихоокеанском флоте на о. Русский.

С 2008 г. работал в газете «Листок» техническим работником (верстка, допечатная подготовка, разработка рекламы и оформление, логистика) и внештатным корреспондентом.

В 2010-2015 гг. учился в Алтайском государственном институте культуры по специальности «Социально культурный сервис и туризм».

В 2016-2018 гг. обучался в магистратуре Горно-Алтайского государственного университета по специальности «Экология

и природопользование», занимался исследованиями карста и пещер.

В 2018-2019 гг. работал в Дирекции особо охраняемых природных территорий.

Женат, воспитывает троих детей.

Творческие эксперименты начал в 2005 г. В 2006 г. появились первые публикации в газете «Листок», здесь же опубликованы большая часть произведений с 2006-го года по настоящее время. Некоторые стихотворения публиковались и в других периодических изданиях: Звезда Алтая, Вестник, Постскрипtum, Сельчанка.

Кроме страниц СМИ, отдельные произведения увидели свет на страницах коллективных сборников: «Среди однокоралловых будней», 2015 г, изданный коллективом майминских любителей литературы, и в сборнике «Мультиинские встречи», 2015 г, включившем в себя произведения участников V Республиканского фестиваля поэзии. Несколько стихотворений были включены в сборники стихотворений молодых авторов «Я вдруг поэт», 2016-2017 гг, изданных Национальной библиотекой им. Чевалкова.

По тайге

*Мне охота сквозь хвойную чащу
по тропинкам, мне не знакомым,
по глухой тайге, настоящей,
пройтись не спеша с рюкзаком, и,*

*от июльского пекла лоснеясь,
стать неожиданным таинственным гостем
у ручья, где малина краснеет
и смородины чёрные гроздьи.*

*Я присяду под кедром мохнатым,
в благодатной тени отдыхая,
хвойных веток, цветов ароматы,
вольной грудью спокойно вдыхая.*

Как пойдёшь через лес сквозь валежник,
там, в траве, у корней, посмотри-ка:
словно сказочный гном — сыроежка
или рясный кусток костяники.

Муравейник попался? На кучу
бросишь палочку или травинку,
а потом на язык — и получишь
вкус щипающей щёки кислинки.

И весь день за пейзажем пейзажи,
Горизонты за горизонтом...
Не поймёшь, и какой из них краше,
если каждым из них потрясён ты?

Вот и сумерки. Месяц сквозь ветви
серебрится улыбкой искрящей.
Над тайгой зашумел лёгкий ветер
и повеял прохладой бодрящей.

Бивуак на лесистой опушке,
костерок сыплет весело искры...
Чай налит в алюминиевой кружке,
есть консервы, сгущёнка, ириски.

А потом звуки сонного леса,
треск сверчка, шум раскидистых крон...
В тёплый спальника кокон залезу,
и чудесный привидится сон:

По отрогам взбираясь к вершинам,
по гольцам до белков поднимаясь,
я люблю туманом в долинах,
предрассветной зарёй восхищаюсь.

Сумрачный сад

*Вот сумрачный сад. С одинокой беседкой
из старого камня, покрытого мхом.
Ты в нём. И зачем беспокойное сердце
Покинуть заставило собственный дом?*

*В больной голове заиграла пластинка,
от музыки этой ты стал фортепьян.
Танцуешь босой на садовой тропинке
по мокрым камням и опавшим цветам.*

*Звонят серебристые струны; аккорды
всё громче, быстрее, что хочется петь.
Но ритм нарастает, тональность минорна,
пощёчины хлещет горячая медь;*

*и тени с тобой, то тихонько крадучись,
то мимо метаясь, в движение пришли;
то корчатся в ломке, то вздуются тучей,
то просто плывут по кустам — корабли.*

*Беснуются танцы безумных видений,
где тень, а где ты — уже не разобрать...
А утром с погасшей звездой последней
Закончится странная эта игра.*

*Румяной зарёй пробуждаемы птицы
наполнят пространство звучаньем иным,
И солнце, искря золотой колесницей,
Разгонит остатки тумана и сны.*

*И не было вовсе ни танцев, ни сада,
тропинок в цветах и оживших теней,
а этот мотив ты забыл — вот досада!
И вспомнить не можешь никак, хоть убей.*

Крылатый сон

*Меж тенистых ветвей у раскидистых крон
там, где птица свивает гнездо,
как сова на суку, мой утерянный сон
вместе с первой вечерней звездой*

*не приходит ко мне; в онемение впал,
покачнётся и вздрогнет и вновь
в полудрёме застыл... Сон на дереве спал
и во сне видел множество снов.*

*Этот сказочный лес дымкой тайны укрыт.
Эти перья на крыльях у сна,
прикасясь к шершавым чешуйкам коры,
в тишине еле слышно дрожат.*

*Убаюкался месяц средь звёздных полян,
его зыбка качалась всю ночь.
Вместе с облаком вниз шёл по лесу туман,
в нём мой сон был укрыться не прочь.*

*То, вспорхнув, полетит, то к траве припадёт,
то присядет на скользкий карниз;
то опять продолжает бесшумный полёт,
то зигзагом летит сверху в низ.*

*И когда уже я, обессилев, натру
покрасневшую опухоль век,
прилетит, запыхавшись, примерно к утру
и мне скажет: "Привет, человек!"*

На берегу

*Весь день на тропе. Разбивать бивуак
пора, и я сбросил рюкзак
между камней, в сплетенье корней,
шершавых, похожих на змей*

*под кедром развесистым. Он был как дед
среди молодых кедрюшат
с виду, а ствол его рос триста лет -
втроём не обхватишь в обхват.*

*Алеет закат, и отчётливей стал
над чёрного леса стеной
драконий изгиб в очертаниях скал,
закрывший полнеба спиной.*

*Дыханьем прохлады наполнился лес.
Палатка стоит, костерок...
Чтоб чай заварить, я под берег полез
Наполнить водой котелок.*

*Туман над рекой стал молочно-седым,
под ним в бирюзе — буруны,
Блики волны, шум и брызги воды...
Тревогою всплески полны.*

*Казалось, что всё здесь в округе — живое.
Засеребрилась луна
над чашей долины, и тихим покоем
наполнилась сразу она.*

*"Зачем вы роняете слёзы, скорбя,
к воде свои ветви склонив,
Ивы? И вы, силачи-Тополя,
каков вашей грусти мотив?"*

— спросил я деревья, назад возвращаясь,

держа свой в руке котелок, —
«Надо немного мне — кружечку чая,
— и сразу на сердце тепло.

Но! — с ароматом костра, и чтоб звёзды...
Взгляд чтобы горы встречал....
Вот мой рецепт. И Вам бы не поздно
Страх побороть и печаль».

Жердин Оозы*

*Чтобы вернуться к себе, я ухожу от всех;
прямо в лицо судьбе мой раздается смех.*

1. Тропа.

*Сквозь заросли диких нетоптанных трав,
по склону крутому иду; под горой,
в долине, — стремительной речки рукав
сверкает меж сосен. Охота порой*

*в такие минуты: сейчас бы туда,
на берег, в тени под деревьями пить
из речки холодную свежесть; всегда
в походе в горах эта мысль так дразнит.*

*Но я вдоль едва различимой тропы,
известной лишь мне да немногим зверям,
ведомый чутьем и по воле судьбы
иду к потаённым подземным дверям*

*по сиверам, рёлкам, в чащинах, логах,
по сограм, урочищам... Путь не простой
запутался в травах, корягах и пнях,
петляя за мною верста за верстой.*

*Краснеющей пяткой заката мозоль
уперлась в щетины нахмуренных пихт;
в просвете за мшистой густой бородой
мелькнул известковой скалы монолит.*

*Иду сквозь пихтач, ищу место, где встать.
Душистой хвои раздвигаю усы...
И вижу: под белой скалой чернота
разинутой пасти Жердин оозы.*

2. Спуск.

Землистый сырой аромат
исходит из тёмных глубин.
У входа всё в бархате мха:
деревья, земля, валуны.

Готов к неизвестностям дна.
Защёлкнут на спуск карабин.
Верёвку сжимает рука.
Инстинкты, фонарь — включены.

Колодец срывается вниз
десятками метров сплошных
отвесно свисающих стен.
От входа до пропасти — шаг.

Не раз на веку чью-то жизнь
когда-то принял у других
в свой тихий, приветливый плен
тот грот, погружённый во мрак.

Где свет не добросил лучи,
под тусклым пятном фонаря
причудливы линии сводов,
таинственны игры теней.

Кораллами вырос кальцит,
и капли, свисая, горят
с клыков сталактитовых, словно
жемчужная россыпь огней.

3. Тишина.

*Фонарь выключаю. Темно, как в душе,
и грот её так же прохладен и пуст,
что кажется: не разворошишь уже
истлевшего хвороста чувств.*

*Здесь, в тишине абсолютного мрака,
прислушайся к звукам, рождённым в груди.
Тут слышатся лишь одинокие капли
стекающей на пол воды,*

*да изредка пискнет летучая мышь,
и шелест, едва уловимый, крыла
коснётся ушей — и кругом снова тишь,
густая, как чёрная мгла.*

4. Крик.

*А! — разлетается смех мой,
в изгибах ходов, галерей,
калейдоскопами эха
отскакивая от камней,*

*метаясь под куполом свода,
как пляшущий отблеск огня
на глади воды, или вроде
как я, потеряв своё "я".*

*А! — с тишиною в контрасте,
пройдя сквозь пещеры изгиб,
увязло под глиняной массой,
рассеялось хаосом глыб...*

5. Подъём.

Вниз опуститься несложно, сама
бездна притягивает, только шагни,
съехав по скользким камням, как с ума -
с лёгкостью рвётся с поверхностью нить.

Кверху непросто подняться. Нужны
крепкие мускулы и твёрдый дух -
чтоб не повисло мешком у стены
тело, обмякнув, и взор не потух.

Темпом спокойным, на риски не скор,
где-то и на осторожность не скуп
лазанием — стенки, разломы — враспор,
ловко прошёл за уступом уступ.

Мышцы дрожат, со спины валит пар,
вымок измазанный глиной комбез,
руки рефлексом сжимают жумар -
дался с трудом вертикальный отвес.

Смысл достичь самую низкую цель -
выйти из собственных тёмных глубин,
страхов, препятствий пройти лабиринт,
выбравшись к яркому солнцу в конце.

август-сентябрь 2019 г.

*Жердин Оозы (алт.) — буквально "пасть земли", так
алтайцы называют пещеры, провалы, дыры в земле.

Красная весна

*В распухшие брюха дворов
Вонзаются крики грачей,
И, вскрыв свои вены, ручей
Пролил свою грязную кровь,*

*Забрызгав мои башмаки...
Я чувствую эту весну:
Как гвоздь, ободравший десну,
Скрипят на зубах матерки.*

Март-апрель 2014

С уходом осени

*Всё тревожнее шёпот ветра.
Не играет с цветами в поле,
А всё чаще в лицо проходим
Неприветливо, холодно дышит.*

*Но в его колючих ухмылках
Замечается боль расставанья,
Крики птиц уходящему солнцу –
Это плач об ушедшем тепле.*

*Почернела река. Её волны
Монотонны, как грустные мысли,
В глубине своей прячут раздумья
Об утраченном и безвозвратном.*

*Но в багряных нарядах деревьев
Мне мерещатся твои губы,
В золотых оттенках заката —
Драгоценность нашей мечты.*

*Если даже нахмурится небо —
Ели дождь все размочит краски,
Не печалься, я буду рядом, —
Первым снегом упав на плечо.*

Путешествие

*Ты, в дальние края собравшись,
Листая главы, окунишь туда,
Где нежный ветер, шум листвы опавшей,
И бликами искрящая вода.
А может быть, где грозный перевал,
навис скалистой серой кручей,
Где о вершины поцарапаются тучи,
проложишь путь и встанешь на привал.
Где красота, где тайные миры готовы
пытливому уму и сердца доброте
открыться неожиданностью новой,
Оставшись книгою в руке.*

Перевал

Группа туристов третий день шла по горной тайге. Уже второй переход они идут вверх по этой неширокой, мелкой, но стремительной и бурной реке, которой, уже многим казалось, не предвидится конца. Долина её была узкой; справа и слева сразу же, почти вплотную к берегу, вздымались крутые горные гряды, как бы сжимая русло с обеих сторон своими лесисто-скалистыми склонами. Эти прижимы давали мало шансов обнаружить пологий берег или поляну, отчего туристам приходилось долго и упорно продвигаться вперед, в поисках подходящего места для разбивки лагеря.

Со вчерашнего вечера шёл мелкий, словно просеянный через сито, дождь. Его капли были больше похожи на пыль, а кожа не ощущала их прикосновений. Из-за большой влажности, постоянного движения с набором высоты по превратившейся в грязь малозаметной, давно нехоженой тропе, дышать и передвигаться под тяжелыми рюкзаками было особенно трудно — гораздо трудней, чем в сухие и ясные дни.

Туристы ещё задолго до наступления темноты потеряли желание продолжать изнурительное продвижение сквозь таёжные заросли, переходить вброд бесчисленные ручьи и отсырывать под морозящей пеленой дождя. Они остановились возле воды на узкой, но ровной полоске галечникового берега; не торопясь установили палатки и сообща заготовили дрова. С хворостом было туго: здесь проходила граница пояса леса, поэтому вокруг, в основном, была тяжелая, сырая лиственница. Дров хватило лишь на то, чтоб приготовить ужин, отогреться да кое-как обсохнуть. Поев, почти все разбрелись по палаткам, лишь пара-тройка романтиков осталась ненадолго у догорающего костра. Но совсем скоро и они забрались в спальники и пытались заснуть под плеск воды и шуршание перекатывающейся в ней гальки.

Ночью дождь усилился. От обилия ниспосланной с небес

влаги река поднялась и вздулась, вода стала более мутной, отчего теперь, в прохладных сумерках утра, меж серых глыб и скальных остей, она казалась еще более холодной, суровой и даже чуточку свирепой. Вода, просачиваясь сквозь щебень и гальку, не обошла стороной и стоящие на берегу палатки, пропитав сначала их днища, а потом подобравшись к спальным мешкам и мирно спящим в них туристам.

Один за другим вскакивали путешественники, недовольные и озадаченные неожиданной атакой воды. Толком не одевшись, принялись перетаскивать имущество и снаряжение на сухое место. Начали сворачивать палатки, выжимать промокшую одежду и спальные мешки. Кто-то уже разжигал костёр из остатков дров, чтоб согреть еду, а кому не нашлось занятий — умывались и начинали трамбовать рюкзаки. С подмоченным настроением и в сырой одежде, через час уже все двигались вперёд.

Когда, выбрав темп, прошли несколько километров, погода улучшилась. Дождь прекратился, тучи и облака немного поредели, кое-где появились невероятно чистые, синие кусочки неба. На склоны упали косые, но уже сильные лучи пока ещё утреннего солнца. Лёгкий ветер зашевелил макушки деревьев и погнал по склонам клочья белого тумана. Засверкали висящие на ветвях капли. Казалось, между хвоинок и на каждый зелёный листочек травы положили по драгоценному кристаллу. Вдоль косматых серых облаков улыбкой скользнула и засияла радуга, наполнив жизнью монотонный лик небосклона.

Подошло время обеда. Выбрав место, путники сбросили на землю рюкзаки и устроились на них передохнуть. Перекурив, Старший оставил двух дежурных для приготовления еды, а сам с остальными ушел за дровами. Слышно было, как зашуршала карманная пила, а спустя несколько минут старая засохшая сосна с треском повалилась в заросли. Дежурные, не теряя времени, пытались разжечь костёр, собрав поблизости кучку хвороста.

Огонь разгорался плохо. Сырые ветки шипели, отчаянно

дымили, а мелкие язычки пламени, как бы дразня, затухали, едва успев появиться.

Наконец, из зарослей, волоча за собой спиленное бревно, появился Старший с несколькими помощниками. Смекнув, что у дежурных ничего не получается, он дал указание распилить бревно, а сам, покачав головой, направился к костру. Далеко не «чайник» в туризме, он вынул свой тесак из висящего на поясе кожаного чехла и ловкими движениями начал сперва остругивать напрочь промокшую кору с наломанных веток, а затем, на освободившейся сухой сердцевине нарубил насечку. Обработанные таким образом ветки, лучинки и стружки, сложенные «вигвамчиком», сначала нехотя закоптили, но потом весело затрещали, охваченные магической пляской новорождённого огня.

— С одной спички! — гордо провозгласил Старший.

Все одобрительно посмотрели на него, а дежурные виновато отводили взгляд от кучи разбросанных горелых спичек. Старший присел к костру и, набрав в легкие побольше воздуха, надул щёки и принялся раздувать огонь. Пламя на глазах росло и набирало силу, подкармливаемое живительной струёй воздуха, уже все ветки весело горели, а некоторые начали превращаться в пылающие угли. Старший перестал дуть, отстранив от костра своё раскрасневшееся от жара лицо. К тому времени бревно уже наполовину было распилено, а часть чурок расколота, и дежурные принесли первую охапку свежих поленьев.

Вода в котелке под напором умело сложенного «колодца» костра начала напряженно шуметь, наполняться несчётным количеством пузырьков и, как бы оживая, двигаться. Через несколько минут в дышащий паром бурлящий котелок посыпалась гречка, а по его стоящей рядом раскалённой крышке, служившей одновременно своеобразной мини-сковородой, жидким золотом растеклось масло. В него, шипя и подёргиваясь от жара, вывалилась тушёнка из нескольких вскрытых железных банок, а вслед за ней — порезанные, лук и морковь.

Даже те, кто ушёл за дровами и пока ещё не вернулись к костру, вдруг оживленно заводили носами, сглатывая слюну и чувствуя, как просыпается голод. А что уж говорить о тех, кто стоял рядом!

Туристы плотным кольцом окружили Старшего и дежурных, держа в руках свои «метательные наборы», а через несколько минут уже всюду махали ложками, периодически сдабривая кашу майонезом да возвращаясь к котелку за добавкой.

Взбодрённые, сытые и отдохнувшие, двинулись дальше.

К вечеру они покинули границу леса, и путь их лежал уже по безлесной гористой местности, растительность которой была представлена высокогорными травами да порослью голубики и карликовой берёзки. Речка бежала уже довольно далеко внизу, казавшись теперь шумным ручьём; вода его не бросалась так свирепо на камни, а обегала их стороной. Судя по карте, они были под перевалом, но за пеленой тумана и облаков разглядеть его не могли.

Возле воды не нашлось подходящего места для палаток, так что лагерь пришлось ставить выше, на выпуклом склоне, возле внушительных размеров скального выступа. Ужин готовили по-скорому, на газовом примусе, из полуфабрикатов, из-за полного отсутствия дров и быстро сгущавшихся сумерек. Спать легли рано.

Ночью было прохладно. Развеявшееся было небо, с его необычайно яркими и близкими здесь звёздами, снова затянуло. С гор подул ветер, и скоро по палаткам зашуршали хлопья мокрого снега. Люди беспокойно ворочались во сне в своих отсыревших спальниках, и многим снились их уютные тёплые квартиры.

Накануне Старший в очередной раз посоветовал засунуть свои мокрые вещи в спальники перед отходом ко сну, дабы за ночь, согреваемые теплом тела, они успели просохнуть. Но многие не прислушались к совету и повесили сырое и холодное тряпье на растяжки палаток. Утром они пожалели об этом. С огромным трудом, содрогаясь и пересиливая

себя, они натягивали покрытую снегом, ставшую еще более холодной и мокрой, одежду.

Старший никак не мог выдернуть народ из прогретых за ночь палаток и спальников. Лишь приглашение на завтрак из вкуснейшей консервированной каши с кусочками тушёнки, восхитительно хрустящими галетами и ароматным горячим кофе со сгущенкой, помогло ему выманить их. Позавтракав, как-то быстро свернули лагерь и двинулись дальше, один за другим, смешивая чахлый слой снега с грязью размытой дождями тропы.

Облака вновь унесло ветром, но ещё не утратившее сил горное августовское солнце, появившись ненадолго, вновь скрылось в тумане испаряемой им влаги. Но и этот туман вскоре развеялся. Впереди, разделяя безупречно чистое голубое небо и хаотичные линии серых скал, в седловине между двух заснеженных на макушках пиков зеленой линией лежал перевал. Небо и земля. Камень и воздух. Снег и трава.

Подъём становился всё круче. Ровная цепочка тропы изогнулась в серпантин. Уныло, однообразно постукивал о пряжку рюкзака котелок, и все как-то невольно подчинились его ритму. Случалось, кто-то, переполненный думами, заведёт разговор, не зная зачем, вовсе не связанный с его настроением и тем, о чём он думает; начнёт что-то рассказывать, а потом вдруг опять задумается и смолкнет, оборвавшись на полуслове. И снова слышится: бряк, бряк, бряк, стук-бряк-стук. И все идут, обходя заросли берёзки и кедрового стланника, минуя выветренные, покрытые лишайником валуны, беззаботно перепрыгивая мелкие ручейки, осторожно, по камням, перебираясь через большие...

Идут, и мнится кому-то иной раз, что идут они уже целую вечность и даже не помнят, куда; что они просто должны идти, останавливаясь лишь для глотка воды; и, кажется, что вложен в это гораздо более глубокий, даже великий, смысл — не останавливаясь, идти дальше. Даже появляется такое ощущение, что это не по воле и желанию, а по древнему инстинкту, заложенному в генах первобытными пред-

ками, идут они, и будут идти, пока неведомое «Что-то» не остановит их.

Старший объявил привал и раздал из тряпичного мешочка «ништячки»: смесь из изюма, чернослива, кураги и разного рода орехов. Следом появилась плитка шоколада, разделенная поровну. Подъём на перевал требовал много сил, поэтому следовало заправиться углеводами, чтоб организму было из чего дополнительно черпать энергию.

...Сильные жилистые ноги будут твёрдо держать путь; немного сутулая, но крепкая и выносливая спина будет нести двухпудовый рюкзак; цепкие руки не прекратят втыкать ледоруб и не ослабнет мёртвая хватка пальцев, сжимающих сталь жумара, пока...

Взгляните на лицо одного из этих, чем-то сильно похожих, но в то же время таких разных путников. Из-под спортивной шапочки, прикрытой капюшоном туристической штормовки, пробиваются прядки вспотевших волос. Высокогорный воздух, солнце, богатое здесь ультрафиолетом, ветер, холод и зной, дым костров и влага туманов наложили на лицо свои отпечатки. Немного впалая на щеках, загорелая и слегка обветренная кожа, сухие потрескавшиеся губы, что-то неслышно напевающие.

Но самое главное – глаза. Живые, полные нескончаемого стремления, жаждущие увидеть новое, необычное, неопознанное. В них сила и спокойствие, страсть и хладнокровие слились в одно. В них ум и благородство романтика рыцаря, сила и свободолюбие дикаря. В них различимы отблески струн и языки костра, и даже в случайных каплях застилающего их дождя угадываются вспышки молний. В них — манящий свет далекой, но яркой звезды.

Сильные жилистые ноги будут твёрдо держать путь; немного сутулые, но крепкие и выносливые спины будут нести двухпудовый рюкзак, цепкие руки не прекратят втыкать ледоруб, и не ослабнет мёртвая хватка пальцев, сжимающих сталь жумара; ощущая каждый свой мускул, каждый камень и каждое дуновение ветерка, будет двигаться вперед Чело-

век, пока у него такие глаза...

До перевала осталось немного. Старший шёл впереди.

Какое-то тревожное чувство охватывало его порой. На какой бы перевал он ни поднимался, оно всегда посещало его. Вот он идёт час, другой; ноги уже начинают уставать, и держать дыхание в одном ритме становится всё труднее; всё чаще поднимается грудь, и всё короче шаги и паузы между вдохом и выдохом; он останавливается, не снимая рюкзака, и ждёт, когда остальные догонят его или подтянутся поближе; ждёт, всем весом навалившись на альпеншток и, кажется, никакая сила его уже не сдвинет с места.

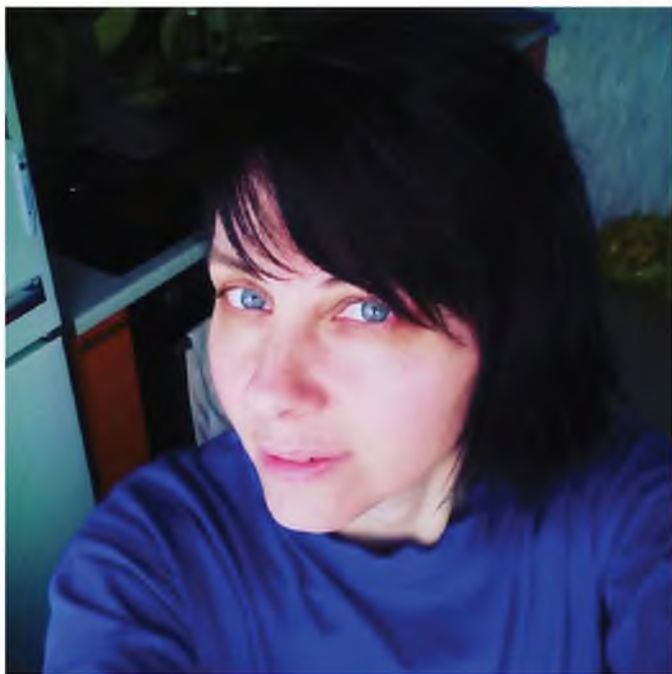
И вот, когда остальные почти поднялись и уже готовы остановиться на привал, чтобы блаженно растянуться, лёжа на траве или рюкзаках, он распрямляет спину и идёт дальше, оставляя их отдыхать, как будто боясь, что они подойдут слишком близко.

До вершины перевала совсем чуть-чуть, какие-то двести метров. Ему хочется побежать, закричать — он сам не знает, почему. Он ускоряет темп. Вот уже различимы веками складываемые туры. Он бросается вперёд и в несколько шагов готов достичь вершины. И в этот момент ему больше всего хочется оказаться там и случайно, с каким-то оттенком страха в голове мелькает мысль: «А что там, за этим перевалом, за этой каменной стеной?» И сознание, чувствуя неизведанное, рисует невообразимые картины, не передаваемые словами.

То же самое, быть может, испытывали путники, ищущие край света. Ещё немного, ещё чуть-чуть, а там...

А там оказывались бесконечные ландшафты, новые пространства, новые люди и новые времена. И эти люди шли дальше. Он достал из-за вспотевшей пазухи внушительный камень, по традиции подобранный у подножия, и осторожно и аккуратно заложил его в тур.

Через несколько минут должны были появиться остальные, а он уже сидел на рюкзаке с травинкой в зубах, устремив взгляд куда-то вдаль.

Оксана Холманская

Биография: родилась 31 октября 1971 г. в г. Алейск, Алтайского края.

Закончила Майминскую среднюю школу, Горно-Алтайское медицинское училище по специальности фельдшер, Горно-Алтайский государственный университет по специальности психолог.

Работы были разные по основным специальностям.

Никто не учил писать стихи. Учила жизнь и тишина ночей. А ещё... поэтами рождаются...

Сборники: «Дыхание» 2007 г.; «Отражение веков», 2010 г.; «Снова память распахнута настежь», 2010 г.; «Параллельные миры», 2007 г.; «Дороги солнечная нить», 2018 г.; «Мы приходим на землю», 2019 г.

Бродить по горам

Бродить по горам, отпуская сны.
Быть облаком и водой.
Пляшущей птицей, слезой росы,
в Млечном пути звездой.
Быть выдохом сонным
в изгибе дня —
туманом, паром Земли,
кедровой веткой после дождя,
каплей, вобравшей мир,
костром и пламенем,
действом сил,
танцем, игрой огня,
фигурой в небо
из снопа искр,
тайной пепла в камнях.
Быть ветром, вольным,
вобравшим трав
пряный дурман хмельной...

Листом осенним в подножии став -
знать, что идешь домой.

Не расскажу...

Нет, я не расскажу, что у меня внутри.

Что заставляет пульсировать и расширяться мою внутреннюю вселенную в одном ритме с проносящимися по осеннему небу рваными тучами.

Я не расскажу о своих подземных горных родниках, наполняющих меня пуповинной сутью жизни, о духах озёр и деревьев, каждый из которых имеет своё лицо и характер.

Не расскажу о крыльях. Разных.
В зависимости от состояния духа. Но они всегда есть.

Не расскажу о Силе, выбравшей меня и направляющей
по внутренним горным дорогам,
по зимней и летней тайге, по краю пропасти,
по обрыву небес.

Я не расскажу о той, едва заметной точке перехода из горной страны в страну духов. В страну не образов, но ощущений, в страну чувств и инстинктов, где прошлое и грядущее находятся на ленте времени одновременно с настоящим.

Нет, я не расскажу о рыжей солнечности детства, о яркой, негасимой вспышке Любви, о живой и мёртвой воде.

Об ощущении непрерывности бытия,
преломляющегося в точке моего микрокосмоса,
рождающего новые проекции мысли и творчества.
Об единстве внутренней вселенной и внешней,
существующих по единым законам.

Я не расскажу, что я – это ты.

Идти к тебе?

Идти к тебе? Идти??

*По глади озёра молочно-голубого,
По этим веткам низко вековым,
По этим кронам гибельно зелёным?
По грани изумрудной пиков гор...
По всем былинам, сказкам и преданьям,
По крику птиц, застигнутых в упор,
По молчаливым рыбьим созерцаньям?*

*По свисту стрел и прочности щита...,
По древности раскопанных стоянок,
По той единственной, которая вела,
И долго царственно покоилась в курганах?
По топоту всей вольности коней,
По мудрости целительной шамана,
По тени ястреба, по глубине ночей,
По пряности медового дурмана... ?*

*По поднебесью канувших времён,
По запредельному звучанию комуса,
По зову трав, проросших из знамен... ?
Идти к тебе? Идти.
И встретить утром.*

Кто ты — попавший в сети октября?
Ловивший, что — в прозрачности пространства?
Ловца для снов октябрь сплёл не зря,
Со всей присущей паутинной грацией,
Вплетая огоньки далёких звёзд
И перезвоны струнные Зола,
И лисий мех — обманно-рыжий хвост,
И купола небесные сто звоном.
Он подманил тебя движеньем рек,
Обещанным открытым горизонтом..
И ты теперь не раб, не человек,
Не тень, но голос — леса, ветра, солнца.

Тяжесть резных браслетов тянет к земле запястья.
Руки тонки и гибки. В танце подвижно страстны.
Пальцы сплетают ловко струи дождя и ветер.
Бубен ритмично зычен. Руки ответно резки.
Руки ответно броски
крыльево
в такт ударов.
Звучно звенят браслеты. Ветер танцует в паре.
Струи дождя по венам выются, скользят сквозь кольца.
В татуировках плечи, будто оживший космос.
Знаки витых животных — барса и козерога —
к ночи кружат рельефно на потемневшей коже.
Ночью олень с грифоном крылья свои расправит,
сопровождая деву в темных пределах Нави.

Утро взойдет над миром добрым лицом шамана,
утро застигнет деву в позе младенца рано.
В позе младенца долго сон её длится древний..
верные кони рядом... горы молчат рассветно.

Николай Воробьев

Николай Меркульевич родился в поселке Алтайском Алтайского края в 1947 году. Девять лет с родителями прожили в посёлке Тёплое, где и началось познание мира и литературы.

Два года учился в СПТУ поселка Алтайский. Работал трактористом в совхозе «Карымский». В армии служил на Дальнем Востоке, заочно окончил военкоровскую школу при армейской газете. С 1971 года работал в Шебалинской средней школе преподавателем машиноведения и НВП. Окончил заочно Барнаульский индустриально-педагогический техникум, а позднее филологический факультет Горно-Алтайского пединститута. С 1973 года и по сей день живет в Манжероке.

Николай Меркульевич — автор серии краеведческих публикаций в республиканской и районной прессе, соавтор книги «Знай и люби свой край», посвящённой истории и современности села Манжерок. Он автор книг: «Ах, как не вспомнить годы детства», «Катунь – река моя», «Святое дело Победы».

Николай Меркульевич имеет такие замечательные качества, как любовь к окружающему миру, к истории своего села, к поэзии и музыке. Это удивительно добрый, отзывчивый человек и талантливый писатель.

Член-корреспондент Петровской академии науки и искусства.

Забывтая деревня

*Сотню лет всё стоят сосны в ранах
За цветущим когда-то селом,
Только сгнили кресты хулиганов,
Что тесали стволы топором.*

*Одинокая яблоня пышно
Распустила узор лепестков,
А под яром река, еле слышно,
Лижет глину с крутых берегов.*

*Соловей заливается трелью,
Для кого, непонятно, поёт.
Солнце катится с гор каруселью, —
Новый день на земле настаёт....*

Золотая пора

*Окончились дождь и слякоть,
Пришла золотая пора,
И солнца арбузная мякоть
Ласково светит с утра.*

*Маральник расцвёл на склоне,
Зимы не боится чудак.
И водную гладь затона
Блесной будоражит рыбац.*

Первая капель

*Стояли крепкие морозы,
Мела без устали метель.
И вдруг, как радостные слёзы,
Блеснула первая капель.*

*Повисли первые отростки
Прозрачных копий изо льда.
Снуют детишки и подростки
На солнышке туда – сюда.*

*Корова бок лучам подставив,
Стоит, блаженствует в тепле.
Весна, все графики отставив,
Стучится робко в феврале...*

Часто снится мне деревня

*А как не вспомнить годы детства,
Где до полуночной поры
Заборный смех в избушки тесной
Неугомонной детворы.*

*А как не вспомнить деревушку,
В которой рос, учился, жил.
Тавдушка, милая Тавдушка...
Восстановить её нет сил.*

*И как друзей не вспомнить юных,
Что разбрелись, куда могли...
Гуляет ветер там да вьюга
Среди бурьянов конопли.*

*Такое время пролетело,
Как от зари и до темна
Трудились люди, песни пели...
Деревни нет, не их вина.*

*Но часто снится мне деревня,
Её душевный, добрый лад,
Крутые стены брёвен древних,
Что толщиной, порой, в обхват.*

Село моё

Село моё, село родное,
С ним очень прочно связан я,
Где зону вечного покоя
Приобрела моя родня.

Здесь похоронены две тётки
И дяди два, отец и мать...
Местечко лучше не найдете:
Сосновый бор, тишь, благодать.

Провел ночей много бессонных,
Рассветы часто я встречал...
Людей, в дела свои влюбленных,
Немало здесь нашли причал.

Общался с ними, веселился,
Порою в душу им глядел,
На них похожим быть стремился
И, может, в чем-нибудь сумел.

Всего, конечно, не опишешь,
Ведь взглядом всё не охватить.
То, чем всегда живешь и дышишь,
Готов, как зеркало хранить.

Катунь-красавица, как можно
Её дыхание забыть,
Её уменье осторожно,
Но постоянно в скалы бить.

Хотя порою диким зверем,
Рвёт в пене гнева берега
И, в силы вдруг в свои поверив,
Из гор пускается в бега.

Село моё, село родное,
С названием кратким «Манжерок»,
Судьбой его обеспокоен,
Любил всегда, жалел, как мог...

Катунь река родная

*Катунь, Катунь, река родная,
Среди друзей своих, парней,
Порою летнею, до дна я
Нырял, бывало, меж камней.*

*Со скал высоких прыгал в воду,
В течение бурное реки,
И, вынырнув, врубался с ходу,
В пучину волн ребром руки.*

*На остров плыл вместе с друзьями.
На зависть местным мужикам,
Мы чебачков в прибрежной яме
Таскали удочками там.*

*Прошло здесь детство, юность тоже,
Не потому ли, на весь век,
Катунь и ближе и дороже,
Из всех больших и малых рек.*

*С годами сменятся все люди,
В течение многих тысяч дней.
И лишь Катунь всё также будет
Кому-то ближе и родней.*

Шумит Катунь

*Шумит Катунь, река родная,
День и ночь шумит она.
Долинам Горного Алтая
На веки – вечные верна.*

*Сменилось много поколений,
Живущих здесь по берегам,
Свершились тысячи явлений
Судить о коих трудно нам.*

*Мы пережили век двадцатый,
Шагнули в космос, в бездну вод.
Так расскажи, что здесь когда-то
Творил все суетный народ!*

*Я сотни раз спешил на берег,
Пытаясь вслушаться в века.
Не Ангара ты, и не Терек,
Но сердцу милая река!*

*Шуми сильней, шуми, родная,
Волнами скалы беребя
И чрево буйное вздымая...
Как было б скучно без тебя!*

Тропа моего детства

Минуло ровно пятьдесят лет, как я прошел по ней в последний раз, возможно, даже с велосипедом на плече. Мне очень захотелось найти её, пройтись и вспомнить годы далекого детства, когда я впервые ступил на неё. Провели меня тогда по ней мои новые сверстники, с которыми я познакомился после того, как приехал с родителями на жительство в соседнюю деревушку на берегу реки.

Школа там была только начальная, и мы, чтобы продолжить обучение, вынуждены были ходить в более крупное село, располагавшееся за горой. Тропинка немного сокращала путь по сравнению с просёлочной дорогой. Начиналась она от совхозных гаражей, змейкой петляла по горе и по скалам спускалась к реке. До дома оставалось примерно ещё столько же «топать» по дороге. Берегом.

Но не только школьники ходили тем путём. Жители большого селения, где была восьмилетка, да и из других ближайших деревушек, спускались по скалам прямо к лодочной переправе на реке. А там, за рекой, текла совсем иная жизнь, там проходил тракт, а по нему день и ночь катили машины и была возможность уехать до ближайшего города, или, наоборот, в другую сторону до самой границы с Монголией.

Особенно яркие впечатления о той тропе отложились в моей памяти из времени весенне-летнего периода, будто это были прогулки по природному парку. Свистели, перелетая с куста на куст рябчики, встречались тетёрки с цыплятами, иногда в чаще мелькал силуэт испуганного зайчишки, а то и косули. Частенько попадались змеи, гревшиеся на солнышке, свернувшись колечком или спешащие куда-то в глубь россыпей камней.

А какой вид открывался со скалы на окружающие окрестности! В голубой дымке сверкающая лента реки, мелькающие вдоль берега остовы серых машин, зелень соснового

бора, мохнатые вершины гор... По пути мы с ребятами срывали и ели стебли пучек и дидлей, ревения и слизиуна, каких-то «петушков» и других разных трав, названия которых я уже и не помню...

Исчезла с лица земли деревушка, где закончилось моё детство, опустело больше, чем на половину селение, куда мы ходили в школу, но жизнь не стоит на месте...

Несколько раз я пытался отыскать тропинку со стороны гаражей, которых не было уже в помине, да и там, где когда-то стояли жилые дома, и скотные дворы виднелись лишь заросли бурьяна. Начало бывшей тропинки пересёк широкий овраг автомобильной дороги, а дальше прошла просека высоковольтной линии. Пытался найти её со стороны реки, но там берегом тоже пролегла просека, а при подъёме в гору я всякий раз натывался на колючие заросли акации, шиповника, терновника и прочих кустарников. Жители, некогда большой деревни, заверили меня, что тропинка есть и по ней ходят...

Приложив все усилия, с великим трудом, я всё-таки отыскал её и прошёл по ней от начала до конца и наоборот. Я увидел, почувствовал, что по ней ходят не косули, конечно, а люди, перебираясь через валёжины и продираясь сквозь кусты. Поразило обилие цветущих марьиных кореньев...

Жалко стало мне тропу не только моего детства, обидно, что её почти забыли и бросили, но что поделаешь, видимо, это веление времени – появились шоссейные дороги и быстходные машины, через реку построили мосты...

Малая Родина

У каждого из нас, живущих на земле, есть своя малая Родина. И где бы мы ни жили, куда бы ни бросала нас судьба, душою и сердцем мы всегда в родимом краю. В любом случае все наши думы и мечты вновь и вновь непременно уносят нас в родные места. Встретишься иной раз с приезжим «северянином» — пенсионером, поговоришь, а он вдруг оказывается родом из бывшей, когда-то близлежащей деревушки, и вот под старость лет решил вернуться к своим землякам, которых уже почти не осталось.

Для кого-то малая Родина — большой шумный город, для других — благоустроенное село, а для кого — маленькая деревушка в 20 — 30 домиков и избушек. Конечно город — это город, село — это село, а вот в маленькой деревне все как одна семья, будто родня друг другу. И никогда жителям больших селений не понять тех, кто жил в отдалённых, отрезанных от основных дорог деревушках.

Но время неумолимо движется вперёд — прогресс делает своё дело. Сколько малых деревушек исчезло с лица земли и в нашем родном регионе!

В 50-е годы прошлого столетия я с родителями жил в деревушке Тёплое Алтайского района. Селение через сенокосные угодья граничило с Камышлой Шебалинского района. Отец мой работал в совхозе плотником, а в свободное время катал валенки. Был он потомственным пимокатом, и это ремесло осталось для него смыслом всей жизни. Он рассказывал, что его родственники когда-то, ещё до установления советской власти занимались не только валенками, но и изготавливали фетровые шляпы и сапоги. Крестьяне ближайших деревень в мешках привозили отцу овечью шерсть, а взамен получали готовые валенки, конечно за определённую плату по договорённости.

Верхом на лошадях приезжали к нам и жители Камышлы, до которой было километров восемь – десять. До сих пор помню фамилии тех людей: Дедеевы, Кокушевы, Сабашкины, Суразаковы, Тютнешева. До самой смерти моя мать дружила с тётей Машей Тентековой, жившей последние годы в Камлаке. Отец сдружился с Василием Васильевичем Карамеевым. Были они близки по возрасту, оба участники войны, так что им было о чём поговорить. Василий Васильевич привозил арачку, они наливали её в чайник, подогревали в русской печи, потихоньку попивали и вели душевные беседы. Помню, что Василий Васильевич жаловался: «Вот я алтаец, а не курю. Жена курит, дочь курит, надоело, хочется свежим воздухом дышать, а не получается».

Потому и оказалось у Карамеевых в Камышле два дома (Василий Васильевич построил себе новый дом за речкой). А вот почему сохранились только два дома Карамеевых, я этого не знаю (возможно, их выкупил совхоз для стоянки)...

Я окончил второй класс и летом, как все деревенские мальчишки, работал на совхозных полях – возил копны. У мамы болела нога, и она две недели жила в Камышле. Ногу ей лечила бабушка Варвара, жена деда Кару Сабашкина. Несколько раз вечером после работы я верхом уезжал в Камышлу. Дед Кару привязывал на аркан моего коня, а я успевал до темноты поиграть со сверстниками. Запомнил только Колю и Пашу Тентековых и Витю Дедеева.

На всю жизнь остались детские впечатления от сна в аиле на нарах, под шубой и горящего посередине костра. Утром тётя Маша собирала мне сумку (торбочку) с продуктами, а уж мои земляки в обед непременно спешили проверить, чего хорошенького мне положили. Особенно нравились всем алтайские сырчики...

В начале 1970-х годов я заехал в Камлак навестить больного дядю, участника войны, Гаврила Леонтьевича Воробьёва. Карамеевы — родители Михаила Васильевича, жили тогда уже по соседству. Вдруг дядя встрепенулся: «Миша приехал! Дойду-ка я до него, может, поможет». Буквально через не-

сколько дней дядя уехал в краевой госпиталь в Барнаул...

Только через 35 лет мне снова удалось побывать в Камышле. Мы с учениками отдыхали на водопаде и я, взяв с собой мальчишек, вверх по речке отправился к месту бывшей деревни. Кроме двух домиков там возвышался большой загон для скота, а на кольях (что нас очень удивило) висели несколько старинных чугунных кувшинов...

Ещё через пять лет зимой я снова попал в Камышлу и даже ночевал в верхнем доме Карамаевых. Чуть позднее я написал стихотворение, посвящённое Лазарю Конышеву, суть его в том, что Камышла – это малая родина не только Лазаря...

*Над Камышлою ночь наступает,
Купол неба – бездонный простор,
Звёзды ярко вокруг полыхают,
Как костры по вершинам гор.*

*Спят усталые парни-охотники,
И всё-всё позаснуло кругом.
Где же вы, строители-плотники,
Те, что ставили этот дом?*

*Карамаевых дом стал стоянкою,
И мелькают здесь люди, как дни,
Топором и углём, серебрянкою
Расписались на стенах они.*

*Я мечтал посетить край заброшенный,
Мысли роем кружат в голове...
Ничего уже здесь нет хорошего,
Но спасибо друзьям и судьбе.*

*Я бывал здесь когда-то мальчишкою,
Лазарь Конышев жил в Москве.
Я читать начинал только книжки,
Он тогда написал их две.*

*Столько лет пролетели, как сгинули,
А порою ушли в никуда.
Сколько жителей место покинули –
Не вернуться назад никогда.*

*На пригорке забытое кладбище,
Из горы бьёт седой аржан,
Летом здесь по деревне кладбище,
Двухметровый в пригонах бурьян...*

Места в окрестностях Камышлы и Тёплого очень живописны и привлекательны и в наше время. Они могли бы быть интересными для туризма, но, жаль, вся проблема в бездорожье. Лог от нашего села так и назывался Камышла-вершина. С детства знаю, что там течёт и уходит под гору через скалы родник. В Тёплом из горы вытекает целая речка, не замерзающая зимой, — тёплый ключ. Отсюда и название места, где жили люди...

Мать рассказывала мне, что ещё раньше жители бросали в родник со стороны Камышлы краситель, и он появлялся в Тёплом. Теперь это известная пещера и её посещают спелеологи...

С Михаилом Васильевичем мы встретились, когда он уже был пенсионером, на одном из мероприятий в республиканском музее. Он высказал слова благодарности в адрес моего отца за валенки, носить, которые довелось не только ему, но и всей родне.

— А ты знаешь, — вдруг оживился он, — я ведь осенью на «уазике» проехал из Камышлы через ваше Тёплое на Каянчу, в Аю, переправился на пароме через Катунь – и в город! Правда, в нескольких местах топором прорубаться пришлось, но вспомнил молодость, я ведь там только пацаном бывал!..

Слышал, что, когда Михаил Васильевич болел, ему по его просьбе привозили воду из родного источника в канистрах. О его заслугах сказано уже довольно много, но я хочу добавить

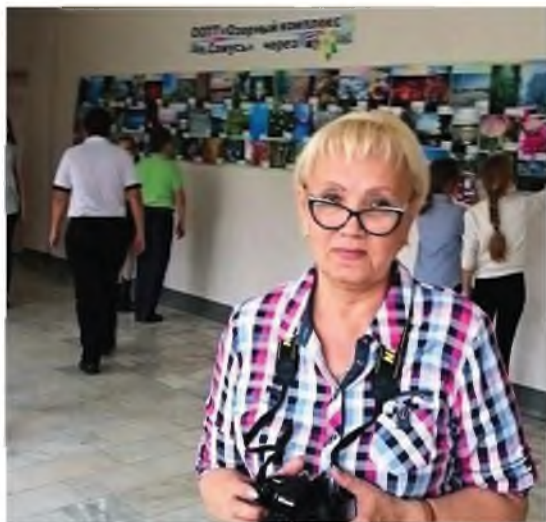
от себя то, что его работа требовала большого физического и нервного напряжения, а это, безусловно, во вред здоровью.

Прежде чем написать этот материал, я перелистал свой архив. Жаль, что не всё оказалось под рукой. Знаю, что о Камышле, как о малой родине писали давно и много, в том числе Василий Чендеков, Иван Сабашкин, Мария Лучкина и другие. Вот как писал о ней Иван Карманович, бывший учитель из Дьектиека, в статье «Дети Октября» от 26 мая 1987 года: «Из маленького села Камышла вышли партийные и советские работники, учителя, врачи, писатели, кадровые военные, специалисты самых разных отраслей народного хозяйства...» Помню, была напечатана статья «Возродить Камышлу». Очень обрадовался тогда, но дальше дело почему-то так и не сдвинулось.

Вот передо мной статья от 22 марта 2017 года «Заброшенное село – объект культурного наследия». Это уже ближе к истинной цели, но, на мой взгляд, всё равно, чего-то ещё не хватает, более конкретного и делового.

Р. С. : Я сравнительно давно знаком с краеведом из Камлака Марией Ивановной Мельниковой, знаю, что она приложила немало сил и старания для того, чтобы собрать и оформить историю Камышлы. По приглашению Марии Ивановны 20 октября 2015 года я присутствовал на открытии музея-аила, посвящённого Лазарю Кокышеву и его землякам. Работая над статьёй, я, конечно, созванивался с Марией Ивановной и уточнил ряд вопросов. С её слов узнал, что в настоящее время восстановлен новый дом Карамаевых, тот, что за речкой и в нём размещена стоянка фермерского хозяйства И. А. Кириллова...

«Звезда Алтая» 13. 03 2019 г.

Мария Нахорукова

Живёт в посёлке Самусь Томской области.

Более 35 лет проработала учителем в школе. Была учителем географии, педагогом-психологом, заместителем директора лицея по учебно-воспитательной работе. Занимается индивидуально с детьми-инвалидами V111 вида.

Печатается в местных газетах, одна из авторов сборников: «Пока душа во мне живёт», «Среди однотипных коралловых будней», «Дороги солнечная нить», «Мы приходим на Землю».

Увлекается фотографией, участвует в фотоконкурсах.

Любила и любит свою профессию и вообще жизнь!

Член Петровской академии наук и искусств.

Бескорыстие по-алтайски

Как всегда, решение отправиться в многодневное путешествие пришло спонтанно. Сказано – сделано... Куда ехать – понятно: на Алтай. За неделю можно управиться. Осталось дело за малым: определиться с проживанием. Поскольку поездка – крайне бюджетная, созваниваюсь со своей знакомой, которая даёт два номера телефонов хозяев, где можно найти уют. На первый – не ответили, сами путешествовали. По второму договорились – нас ждут! Приезжаем поздним июльским вечером, вернее, в полночь. А в посёлке на это время отключили электричество – неполадки на линии. За воротами хозяйка встречает с фонариком, заходим в дом, где нас уже ждал накрытый стол. К нашему приезду была протоплена банька. За ночным чаем-ужином хозяйка робко спрашивает, кто мы и откуда приехали. Вот так – не зная о нас ничего – хозяйка, тем не менее, приготовила нам радужную встречу.

Разговор об оплате жилья хозяйка сразу прервала, добавив, извиняясь:

– Пенсию я получу только через неделю, поэтому могу вам предложить только картошку, огурцы и другие овощи на грядках. Правда, помидоры только начинают краснеть.

Такое бескорыстие мне напомнило рассказ только что приехавших с Алтая моих соседей. Они решились на автопробег по Чуйскому тракту. Загрузили в две машины. Всё необходимое взяли с собой, кроме дров. Ну не везти же их за две тысячи километров. Решили купить на месте. Но этого сделать им так и не удалось. Им в продаже отказывали, а просто загружали в багажник поленья, получая от туристов в ответ искреннее человеческое «Спасибо».

Рассуждали дарители так:

– За что деньги платить, это же даёт нам лес бесплатно: едем туда, рубим, привозим и колем.

– А билет на рубку у лесничего берёте?

Ответ был убедительно-обескураживающий:

– Так за билет ма-а-аленько платим, а дров – во-о-он сколько.

Или вот ещё картинка с той поездки. Соседка нашей хозяйки собирает яблоки в своём саду. Мы проходим мимо. И вдруг она обращается к молодёжи нашей группы:

– Ребята, вы ещё бодро выглядите, заходите ко мне в сад, берите корзины и снимайте яблоки с яблонь. Мы недоумённо переглянулись, но отказывать неловко. А через час, когда ужинать садились, наши работники заходят с двумя корзинами, наполненными яблоками.

На наш недоумённый вопрос отвечают:

– Оказывается, мы для себя урожай собирали...

А хозяйка наша смеётся:

– Вот такая хитрая у меня соседка. Весь урожай собрать ей не под силу, да и куда такую прорву ей использовать, вот и приспособилась: тех, кто мимо идёт, зазывает в свой сад. Главное, чтоб корзины ей возвращали.

Мы всю дорогу грызли эти яблоки, вспоминая добрым словом жителей Места Силы, как называют учёные Алтайские горы. Академики исследуют причины такой Силы природы. А я думаю – всё гораздо проще: Сила природы Алтая в бескорыстии его жителей.

Алтайские каникулы

Сколько себя помню, все мои летние каникулы проходили в благодатном месте – в предгорьях южного, а точнее – казахстанского Алтая. У кого-то пионерские лагеря, поездка по «золотому кольцу России». А моё «золотое кольцо» было диаметром всего-то восемьдесят километров. Именно такое расстояние необходимо преодолеть на поезде, от моего Городка до города Серебрянск. И уже оттуда я с младшей сестрой на всё лето на пасеку к пасечникам: тётушке с дядей, их детям. Конечно, и наши родители приезжали в свой не продолжительный отпуск и старались подгадать к сенокосу. Лето — горячая пора, и лишняя пара рук совсем не была лишней.

Это было время, когда родители утром отправлялись на работу, предварительно разбудив нас и наказывали, чтобы мы не забыли передать привет родственникам при встрече. И всё. Сейчас и представить такое невозможно! Две девчонки тринадцати и восьми лет из дома едут рейсовым автобусом на автостанцию, потом до железнодорожного вокзала, садятся на поезд и в Серебрянку. А там ещё надо дойти до дома родственников километра два –три. По приезду отчитывались письмом домой, передавали приветы. И машиной, либо на бричке, запряжённой в клячу, отправлялись в путь на двадцать пять километров до места летней дислокации — на пасеку. И на протяжении всего пути и во все годы стояла благостная жара, солнце ярко светило и не менее щедро пригревало, да так, что мы две родные сестры с двоюродной тринадцати леткой во всю мощь своего голоса горланили песни. А какое великое множество мы их знали тогда!?

Начиналось наше путешествие в лето, в сладость, в жару песней:

*Вот чужак, вот чужак, странник тот,
Он большой чемодан в путь берёт.
Я беру с собой в дорогу лишь всего
На день хлеба и немного H₂O...*

И сразу пить хотелось нещадно. Останавливались возле ручья, сворачивали из листьев лопуха ёмкость, из которой пили воду, ледяную до ломоты в зубах. Вкуснее и слаще воды я больше нигде не пила. Текла она из ледников Алтайских гор, где и сейчас её можно пить, не опасаясь за своё здоровье...

«Дунай, Дунай, а ну, узнай, где, чей подарок», — вопрошали мы требовательно и мечтали побывать на берегах этого самого музыкального Дуная. Много позже, через двадцать с лишним лет, была я на его берегах, когда совершала круиз по странам Балканского полуострова. Река как река, ничего особенного. Наша Обь, несущая свои воды после слияния алтайских Бии и Катунь, покруче будет. Постояла на месте впадения реки Савы в Дунай, вспомнила, как пела в то лето с сёстрами: «К цветку цветок сплетай венки, пусть будет красив он и ярки». И ещё вспомнились студенческие считалки-запоминалки географической номенклатуры в курсе «Физгеографии материков»: Сава, Драва, Тиса, Прут — все в реку Дунай текут.

Но это было потом. А в то пасечное лето — вся жизнь впереди... И какое же это счастье осознавать: как далеко не только старость, взрослая жизнь, но и юность. «А уж моя-то жизнь будет самой-самой... ». Позже узнала, что не я одна так думала.

Когда затягивали «Берёзовую рощу» и доходили до слов: «Только у бывшей девчонки есть уже снохи-зятья», — мне думалось: ну, уж это случится совсем-совсем не скоро? Но и это случилось... Уже мои внуки подбираются к возрасту симпатий и влюблённости.

Возвращаюсь в то лето детства. Поворот на горную тропинку, по которой лучше всего на лошади верхом, либо пешком. Переход вброд по горной речушке и вот оно хозяйство: пчелиный стан с ульями, омшаник, жилой дом, сарай для коров, свиней, кур. Лошадку стреноживали и пускали на вольный корм.

Вся эта благодать располагалась у подножия крутой горы,

на вершине которой рос ревень. Взрослые всегда приносили это дивное растение «по мешку на брата», причём уже без листьев, только черенки, плотно уложенные в четырёх ведёрные ёмкости. Тогда я не сомневалась, что растёт ревень черенками, без листьев.

Пока все взрослые были на сенокосе, мы — три сестры (как у Чехова) решили подняться на эту гору — набрать ревень, чтобы зимой пирожки есть, да компоты пить. А какое варенье из него получалось, словно слеза. Но это опять же значительно позже. А в описываемые годы — сахара чуть-чуть, варить недолго, хранить, чтобы не испортилось, на морозе. И всё это делалось исключительно из экономии семейного бюджета. Память об этом вкусе и сейчас сводит скулы от кислоты и терпкости.

Поднимаемся на гору, а склон её был градусов шестьдесят. Карабкаемся, цепляясь за кусты руками. Наверху огляделись: черенков и в помине нет. Как нам позже объяснили взрослые, надо было ещё километров пять пройти по вершине горы в сторону хребтов Алтая, где ревень рос. Посмотрели вдаль: и вот они рядом — «снежники» (так мы называли ледники Алтая). Кажется, совсем немного пройти и припадём губами к леднику с его живительной прохладой! Но, не тут-то было. Вовремя вспомнили, как дед с соседней пасеки рассказывал, что решил он до алтайских белков на лошадёнке доехать за день, да только подковы сбил, коня заморил, а ледники как были на расстоянии вытянутой руки, так и остались, маня горе-туриста к себе.

Посмотрели окрест, вниз на пасеку. Увидели: куры бегают ма-а-аленькие, как цыплята-однодневки, ульи стоят на стане, словно спичечные коробки рассыпаны на столе. А вот и взрослые возвращаются с сенокоса.

— Где наши хозяйюшки?

— Зде-е-есь мы!!! — кричим им с горы и машем руками.

Какой там ревень... Пить хочется так, что неумоготу. А здесь ещё у мамы в руках разглядели бидон, доверху наполненный лесной земляникой. А это царская ягода и по вкусу,

и по запаху. Нам кажется, что её аромат до вершины горы долетает и берedit наше обоняние.

Но спуск оказался гораздо труднее подъёма. Колени расцарапаны, на лице ссадины, ладони рук забиты колючками шиповника, за который цеплялись, чтобы не скатиться при спуске. С вершины сразу в горную речку-ручей окунуться, от жары освободиться. Вода холодная, ноги сводит. Но нам всё нипочём.

После горного купания — за стол. Нас ждёт земляника с молоком и свежим домашним хлебом, — какой восторг!.. Куда там сегодняшние MilkyWay («Млечный путь»), Bounty (со своей «щедростью») или Восточные сладости. Вот она Восточная сладость, а точнее сладость с алтайских предгорий Восточного Казахстана. Словами не передать. Её надо пробовать. Память до сих пор хранит и вкус, и запах.

Или вот ещё один вкус детства. На дачах в Городке растёт окультуренная садовая клубника сорта Виктория. Ягода как ягода. А вот варенье из неё... Много я по стране и за её рубежами путешествовала, но нигде не пробовала варенья из виктории (как зовут садовую клубнику в Восточном Казахстане) такого особенного неповторимого вкуса, как в Городке. Вот и сейчас: поставьте передо мной розетки с клубникой из тысячи мест, свою родную — из детства — определю безошибочно. И это ни какая-то страсть к прошлому. Как понимаю сегодня: такой неповторимый вкус варенья можно объяснить не только сортом ягод, но и почвой, на которой она произрастает, температурным режимом, освещённостью и прогревом солнца, водой, которая течёт по моей родине — Беловодью и питает почву влагой. Все эти компоненты в результате их взаимодействия дают неповторимость вкуса и запаха варенья из виктории, варенья из моего детства.

И после таких насыщенных каникул впечатлений о лете хватало на весь учебный год.

Зов Детства

Как интересно судьба нас водит по жизни. Родилась я и жила в предгорьях казахстанского Алтая, а спустя шестьдесят лет выпало мне счастье вспомнить своё алтайское детство. Кому-то это покажется обыденным. Как, впрочем, и я до поездки в Горный Алтай из Томской области, рассуждала: «Алтай, як, Алтай, и «шо» в нём такого особенного, чтобы им восхищаться!?» И вспоминала все те места, где мне посчастливилось жить и побывать туристом: Байкал – с юга до севера его, Енисей – от Красноярска до Дудинки, Красноярские столбы, Магадан, Мыс Шмидта, Питер, Прибалтика, Якутия, Балканский полуостров, Западная Сибирь. Всего и не перечислить...

Но, ... стоило приехать мне в Майму летом 2012 года, оглядеться окрест, ступить босыми ногами на траву-мураву, как что-то ёкнуло в груди, защемило, да так, что я все дни пребывания там, каждой клеточкой своей чувствовала возвращение себя в дни моего детства, близость родных и близких, покинувших этот мир, их защиту и опору. Я словно помолодела до беззаботного детства.

Чуйский тракт послушно убегает под колёсами «Toyota» — сына. Прошли Семинский перевал, на месте слияния Бии и Катунь вышли из машины полюбоваться ширию и раздольем. Когда подступили густые сумерки, остановились на ночлег в Чуй-Оозы. Приветливость и незатейливость в обращении жителей нас восхищала. Утром продолжили свой путь, дошли до Кош-Агача – пограничного с Монголией посёлка. На обратном пути встретились с яками: эти грациозные независимые животные паслись семейством окрест шоссе.

Рассмотрели маралов в загоне. Первое знакомство с этими благородными оленями у меня состоялось в 14-летнем возрасте в хозяйстве Катон-Карагайского совхоза Восточного

Казахстана, куда наш класс водила учительница географии: я видела, как в специальном загоне маралам обрезали рога: панты — это ценнейшее сырьё для лекарственного препарата — пантокрин.

Петроглифы — наскальные рисунки. Сколько о них написано... Но всякий, кто соприкасался с историей человечества через археологию, испытывает смешанные чувства: мы, люди — песчинки и жизнь каждого из нас в масштабах истории микроскопически мала. Петроглифы в районе Чуй-Оозы: брутальный экскурсовод, с увлечением рассказывающий и показывающий работы древних художников — это надолго остаётся в памяти.

И всё же самое главное моё ощущение — Зов Детства — это раннее пробуждение в Чуй-Оозы. Солнце из-за гор только-только пробило в долину свои первые лучи-разведчики. Я вышла из домика...

И странное ощущение: мне шесть лет. Живу с родителями в домике-мазанке у подножия всё тех же золотых гор Алтая, только с его южного склона. Ещё и в школу не ходила. Но по ягоду-малину — вместе со взрослыми. Поднимешься по логу, оглянешься окрест: дух захватывает от широты раздолья. Раскинешь руки — и вниз: да так, словно летишь над землёй.

Чувство полёта — это когда детство, защищённое родителями; когда успокоенность и блаженство, уверенность в том, что тебе всегда будет хорошо; когда после слёз на сердце чистота и радость, когда жизнь — это такое большое счастье, о котором в детстве и не подозреваешь, и которое навсегда прочно остаётся в воспоминаниях...

Светлана Костина

Родилась в 1982 г. в Республике Алтай с. Майма.

В 2000 г. поступила в Горно-Алтайский государственный университет на факультет филологии.

Параллельно с учёбой работала в республиканской массовой газете «Листок» редактором юмористической страницы.

Окончив университет в 2006 году, стала работать корреспондентом в республиканской газете «Звезда Алтая». Работала корреспондентом Майминской районной газеты «Сельчанка». Член Союза журналистов России.

С 2000 года начала пробовать себя в прозе. Одна из авторов сборников: «Майма литературная», альманаха «Майминское Прикатуны», «Среди однотипных коралловых будней», «Снова память распахнута настежь» и др.

Мы постареем

*Мы постареем в горной деревеньке,
В избушке с чистой печью-комельком,
Где верный пёс задремлет на ступеньке,
Где будет пахнуть хлебом и дождём.*

*Где хлябь дорог не просыхает летом,
И пчелы жалят ласково, без зла,
Здесь буду я идти в косынке светлой,
Встречать своих коров на край села.*

*Наверное, ты бороду отпустишь,
Ах, как же седина твоя бела!
Мы будем жить без радости и грусти,
Не помня дня, недели и числа.*

*На лавочке мы сядем у забора,
И будем отдыхать от суеты.
И путников встречать, идущих в горы,
С бидончиком березовой воды.*

*Нас жизни лихо больше не закрутит,
Оно своё получит до того,
Нас будут уважать в округе люди,
И думать, что нам верно лет по сто.*

*Когда наш век закончится однажды,
На поминках напьются мужики,
И кто-нибудь с улыбкой грусти скажет:
«Хорошие вы были, старики».*

Сторона моя родная,
Моя горная земля,
Про тебя я вспоминаю,
Глядя в сторону Кремля.

Я живу в квартире съёмной
У чужого очага,
Словно к дочери приёмной
Ты, Москва, ко мне строга.

Твои методы суровы:
Если бьёшь, то больно бьёшь.
И обычным честным словом
Твоё сердце не проймёшь.

Пассажиром безбилетным,
Неприкаянной душой
Я иду навстречу ветру
По столичной мостовой.

Далеко мой тихий дворик,
Скоро свидимся едва.
Я плыву в открытом море,
Под названием Москва.

Сторона моя родная,
Моя горная земля,
Про тебя я вспоминаю,
Глядя в сторону Кремля.

Майме

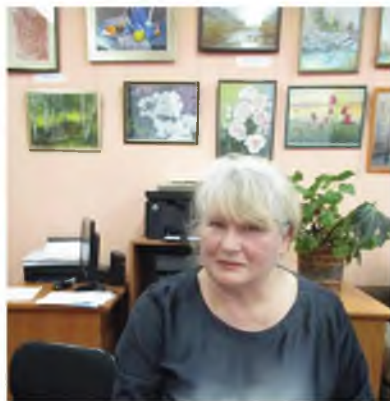
*Кто-то рождён в Монте-Карло,
В Брянске, на Колыме,
Кто-то в Париже и Парме,
Я — на Алтае, в Майме.*

*Каждый имеет сакральный,
Свой уголок на земле.
Верно, и я не случайно
Выросла в этом селе.*

*Может, дано мне от Бога
Здесь вот родиться и жить,
Улицы, рощи, дороги,
Горы всем сердцем любить?*

*И уезжая куда-то,
В самый далёкий маршрут
Знать, что есть дом, где мне рады,
Где меня помнят и ждут.*

Валерия Тюхменева

Родилась в Новосибирской области в семье сельских учителей. Получила высшее образование в Новосибирском электротехническом институте связи. Там же параллельно окончила факультет общественных профессий по специальности журналистика. Работала по основной профессии в г. Тобольске. Была членом литературного общества «Конёк-горбунок», печаталась в местной газете. По семейным обстоятельствам переехала в Горно-Алтайск. Замужем, счастливая мама двух взрослых дочерей, не менее счастливая бабушка. В данное время на пенсии.

Печаталась в сборниках поэзии: «Огни гавани» (г. Санкт-Петербург), «Среди однотипных коралловых будней» (г. Горно-Алтайск), в газете «Звезда Алтая». Член литературного общества «Лира». Люблю природу, животных, увлекаюсь живописью и горными лыжами.

Семинский перевал

Семинский перевал. Осенний лес.
Крик незнакомой птицы
роняет эхо в голубую взвесь
долин. И крик тот длится,
вплетаясь в песню, что поёт акын
у очага в аиле
о красоте заснеженных вершин,
о мудрости, о силе...
В пиалах терпкий ароматный чай
С баданом и брусникой.
За разговором, как бы невзначай,
красоткой луноликой
восходит ночь. Мохнатая звезда
дрожит на паутинке...
А поутру – снега вокруг, снега,
И каждый шаг с «хрустинкой»

То был сентябрь. Семинский перевал.
Сюжет из старой книги.
Ты бережно в ладошку собирал
по снегу капельки брусники.

Два мира

Два мира и два разных полюса –
Твоя весна, моя весна...
Одна на фоне мегаполиса
Среди бетона и стекла,
Где в парке, словно в резервации,
По всем канонам красоты
Цветёт роскошный куст акации,
Как остров в море суеты.
Весна другая за отрогами
Алтайских гор, в краю долин,
Где бирюзовыми потоками
Сбегают в реки ледники.
Огнём лиловым горы светятся –
Цветёт маральник среди скал.
В лугах альпийских многоцветие...
Но, что слова... Ты так мечтал
«Переболеть» весною заново,
Спасаясь от житейских бурь.
Шлю акварель Елены Корчугановой
Тебе в далёкий Петербург.

**Елена Корчуганова – художница, акварелист, заслуженный деятель искусств Республики Алтай, член союза художников России, член Санкт-Петербургского союза акварелистов выпускница Ленинградского Высшего художественного училища им. В. И. Мухомой.*

Сложнейшая техника – акварель, была отличительной особенностью художницы. Её пейзажи и натюрморты, всегда очень тонкие и душевные, дарят зрителям чувство светлого полёта и чистоты.

Местный Бог

По тропе заповедной,
По звериным следам
Человек неприметный
Путь неспешно держал.
По горам, по долинам
В небо за облака
К Юч-Сюмер* – трём вершинам
В гости к местным Богам.
За плечами пожитки,
К ним ещё карандаш,
Да бумажные свитки –
Весь нехитрый багаж.
Для Богов нёс гостинцы –
Араку и талкан...**
Был свободен, как птица,
Налегке кочевал.
На привале под кедром
Чаявал у костра
И молитвою щедро
Воздавал дань Богам.
И слышали Боги,
И спустились спросить –
Из какого сеока?***
Что успел совершить?
Человек неприметный
Карандаш в руки взял,
Чтоб ответить всемогущим,
Он всю ночь рисовал.
А, когда на рассвете
Свитки он развернул, –
Мир во всём многоцветье
Уместился в одну
Черно-белую сказку,
Плавных линий полёт...
Ты художник, ты мастер,
Ты прославишь свой род –

Так всеильные Боги
Говорили ему,
Человека земного
Принимая в семью.
И с тех пор неприметный
Местный Бог Таракай****
Стал всемирно известным,
Прославляя Алтай.

*Юч-Сюмер – священная гора (Белуха)

*Арака – алкогольный напиток на основе сквашенного молока

Талкан – мука из поджаренных зёрен ячменя

*Сеок – алтайский род

*Таракай – алтайский художник (Николай Чепокоев)

Валерия Мухоменова

Семеновы: Любовь и Борис

Родились на Русском (Горном) Алтае в 1949 и 1955 годах. Мирно и счастливо сосуществовали с 1977 г. по 1993 г. в с. Курай, у подножия белоснежных вершин Северо-Чуйского хребта. В с. Майма продолжают счастливо сосуществовать с 1993 года. Трое детей, двое внуков, две милые снохи и зять.

Стали соавторами объемного видеофильма, который называли «Фильм-песня». Туда вошло около 250 гитарных песен различных авторов двадцатого века — это примерно 15 часов непрерывного звучания. Часто свои стихи сочиняют совместно. Большинство своих стихов были озвучены Борисом Семеновым или совместно с Любовью Семенцовой авторскими-«бардовскими» мелодиями.

Соавторы книг «Дороги солнечная нить» (2018 г.), «Мы приходим на землю» (2019 г.) и «Костровые юности» (2019 г.).

Наболело

*Ах вы очи, глаза мои карие,
Не досталась вам синь-синева.
Обошло васильковое марево,
Не нашлись вам по цвету слова.*

*Я б сравнила вас с вязью агатовой,
С темным бархатом летних ночей,
С тайной вод, серебрящихся матово
И бегущих из чистых ключей.*

*Не палитры ищу отражение.
Цвет не славлю, как было не раз.
Я люблюсь всегда выражением
Твоих милых, задумчивых глаз.*

*Может, хватит души моей шири
Кареглазую песню пропеть?
И все черные речки Сибири
На тебя будут мною смотреть...*

с. Майма, 2014 г.

Времена года

*Если однажды захочется петь:
Голоса мало, зато много пыла.
Даже не надо в окошко смотреть –
Это, ребята, весна наступила.*

*Звон комаров заглушает эфир –
Не обращайтесь вниманья на это.
Юбки все выше, и в моде кефир:
Значит, пришло долгожданное лето.*

*Ночью бессонной заныла нога.
Овощи бабка на рынок уносит.
Стаи гусей прокричали: «Га-га» –
Вот и окончилась длинная осень.*

*Лыжи и санки, коньки, сноуборд.
Зимние игры, румяные лица.
И веселится на горках народ,
Тот, кто от гаджетов сможет укрыться.*

*Друг мой далекий, судьбе улыбнись.
С нами летит в бесконечность Планета.
Осень, зима и весна – это жизнь,
А все остальное – лето.*

с. Майма. 31. 12. 2017 г.

Мне странно

*Мне странно: как я раньше мог
Жить без тебя горами и веками...
Ветра, снега и вечный лед,
Нависшие лавинами над нами.*

*Мне странно: полевой уклад,
Привычный сердцу давнего бродяги,
Мне заменил любимый взгляд.
Наверное, для жизни так и надо.*

*Мне страшно, что глаза твои
Могли пройти иным путем-дорогой.
Попробуй, после ты их найди
В сплетенье троп, среди толпы народа.*

*Мне странно: чередой шагов,
Движеньем рук и звонкими словами
Ты оживила склоны гор,
В них растворившись яркими цветами.*

*Мне странно: я живу тобой,
И горы возвышаются над нами.
Ветра, снега и вечный лед
По-прежнему висят под облаками.*

с. Майма, 06. 03. 2019 г.

Путь в Курай

*Дорога пролетает между гор,
Скользит по берегам родной Катунь
И ждет, когда откроется простор
Степей Курая и вершины Чуи.
Где Солнце освещает милый край:
Снега Актру и Таван-Богдо-Олы.
Где Солнце возвращается в Курай,
Чтобы уснуть на парте старой школы.*

*Здесь жили скифы, гунны. Жили мы.
Тепло ладоней наших сохранилось
В долинах рек и на отвесах тьмы,
В разливах вод и на губах любимых
А Солнце освещало милый край:
Снега Актру и Таван-Богдо-Олы.
А Солнце возвращалось в Курай,
Чтобы уснуть на парте старой школы.*

*Давно здесь нет следов прямых огней,
И ромба с краткой надписью «Разведка».
Умолкли голоса моих друзей
И звук гитары слышен очень редко.
Но Солнце освещает милый край:
Снега Актру и Таван-Богдо-Олы.
Но Солнце возвращается в Курай,
Чтобы уснуть на парте старой школы.*

*Когда-нибудь мы встретимся с тобой.
Пойдем встречать рассвет по тропам горным.
И кажется – вернулись мы домой:
К своим истокам, к улицам просторным.
И Солнце вновь осветит милый край:
Снега Актру и Таван-Богдо-Олы.
И Солнце продолжает путь в Курай,
Чтобы уснуть на парте старой школы.*

с. Майма. 01. 01. 2019 г. — 16. 03. 2019 г.

*Кура́й — село в Кош-Агачском районе, Республики Алтай, России. Административный центр Курайского сельского поселения.

*Актуру (Актру) — одна из основных вершин Северо-Чуйского хребта в юго-восточной части Республики Алтай, на территории Кош-Агачского района. Входит в состав горного узла Биш-Иирду.

*Тавáн-Бо́гдо-У́ла или Табын-Богдо-Ола, Танну-Богдо-Ола (монг. Таван Богд уул — «пять божественных гор») — горный массив на юго-востоке Алтая, расположенный в области схождения границ России, Монголии и Китая.

Житейская история или песенка обиженной женщины

*Когда-нибудь я не накрашу глаз,
И ты меня в толпе не различишь.
А почему? Зачем? Спроси сейчас.
Но ты молчишь...*

*И растворюсь я в шорохе ресниц,
В чужих веснушках, в золоте волос.
Исчезну вдруг с альбомных всех страниц
И просигналю «SOS».*

*Тогда скорее разводи костер.
Быть может, на его дымок тотчас
Вернется женщина, которая позволит
Себе однажды не накрашивать глаз.*

с. Майма, 2014 г.

Вальс листопада

В яркие бусы рябина одета.
Дни всё короче. Пора звездопада.
То остывает короткое лето,
Ночи венчая осенней прохладой.

Небо заплачет, раскиснет дорога.
Ждём, когда солнце дарует награду:
Перед снегами, за непогодой
Вдруг закружится вальс листопада.

Кружатся, кружатся жёлтые листья,
Стылую землю собой укрывая.
Долго ль ещё эта осень продлится,
Место холодной зиме уступая.

И не гляди на меня так сердито.
Хмуриться тоже сегодня не надо.
Просто, давай на мотив позабытый
Вальс потанцуем, вальс листопада.

Надежда Кетрарь

Родилась 24 января 1987 года в селе Кызыл-Озек в простой рабочей семье. Окончив школу в 2005 году, поступила в Горно-Алтайский государственный университет на биолого-химический факультет. В 2010 году закончила, получив специальность — биолог. В настоящий момент воспитывает четырех детей.

Печаталась в газетах «Сельчанка», «Звезда Алтая», «Листок».

Несколько стихов вошли в третью часть сборника авторов рунета — Новый Автор. Одна из авторов сборников: «Дороги солнечная нить», 2018 г; «Мы приходим на землю», 2019 г.

Камлал шаман

*Камлал шаман под светом звезд беспечных,
Посеребренных отблеском снегов.
Под звуки бубна космос бесконечный
Внимал мольбе ему понятных слов.*

*Плясал шаман по колдовскому кругу.
Взметнулся ярким пламенем костёр,
Волшебным светом озарив округу,
Под воющих волков нескладный хор.*

*Кричал шаман, взывая к древним духам.
Казалось, что в него вселился бес.
И пепел от костра ложился пухом
На замерший в молчанье зимний лес.*

*Стонал шаман, прося у духов мира,
Заканчивая тайный ритуал.
Природа с ним об этом же молила.
С рассветом он без чувств на снег упал.*

Степные камни Хан-Алтая

В степи спят воины в курганах,
укрытые землей.
И коршун криком не нарушит
извечный их покой.
Где были битвы только камни
безмолвные стоят
В степи глухой. И в даль седую
задумчиво глядят.
Всё помнят эти сторожилы,
и на крутых боках
Запечатлело время войны,
прошедшие в веках.
И кровью эти истуканы
не раз обагрены-
Свидетели боёв неравных
и не одной войны.
Вглядишься и ты, усталый странник,
услышишь стук копыт.
Очам твоим герой предстанет,
что был людьми забыт.
Услышишь ты звук сабель звонких
и тихий свист стрелы.
Отряды воинов бесшумно
встают из вечной мглы.
В боях лихих немало жизней
оборвалось, как жаут.
Степные камни Хан-Алтая
покой их стерегут.

Священное озеро

Священное озеро — вечный покой,
Хранящее тайны под чистой водой.
На чьих берегах кедр в почву вращал,
Чьи светлые воды пил гордый марал,
На глади которого зыбкая рябь -
Задумчиво смотрит в небесную хлябь.
О чём его думы в ночной тишине?
Наверно о кладе, сокрытом на дне.
Охотнике с рысью, пронзенной стрелой,
О страннике бедном с потертой сумой.
Быть может о вражеских жарких кострах,
Несущих с собою погибель и страх.
О воинах смелых могучей земли,
Что в водах посмертно покой обрели.
О плясках шамана в безумной ночи...
Всё озеро помнит, но только молчит.

Кызыл-Озёк (на 90-летие села)

*Разрослось село, разрослось.
Стало больше в длину, да и ширь.
А с одной лишь горы занялось,
Где стоял век назад монастырь.*

*Разрослось по изгибу реки,
С берегами заплаканных ив.
Помнят, верно, ещё старики
По весне её мощный разлив.*

*Разрослось по окрестным горам,
Что грибами, клубникой щедры.
Стало больше по всем сторонам,
Тайный смысл в название сокрыв.*

*Изменились из детства места
Под листвой тополей и берёз.
Изменился Марал и Вахта,
Центр краше стал, больше Лесхоз.*

*И сейчас посмотри на село —
Лоскуты крыш цветные пестрят.
Жить ему много лет суждено —
Это горы Алтая сулят.*

Ода Горному Алтаю

*Я эту оду посвящаю
Своей отчизне — Горному Алтаю.*

*Здесь на прекраснейших просторах
Река лазурная течет.
Кругом стоят батыры — горы.
Белуха гордо сан несёт.*

*Здесь степь соседствует с горами,
Чьи пики выше облаков,
Здесь всюду воздух чистый самый,
И спят склоны ледников.*

*Здесь родников прохладны воды,
Цветов и трав душистый рай.
И славят разные народы
Гостеприимный горный край.*

*Алтай! Ты людям богом данный,
Века живи и процветай.
В стихах, в словах пропетый, славный,
Великий и могучий край!*

Горная река

*Неслась река, грозя потопом,
Деревья вырывая на пути.
Так быстро речка тихая галопом
Помчалась вдаль. С пути успеи сойти.*

*Вчера, где было только по колено
И пела тихо горная река,
Сегодня там вода в потоке пенном
Размыла грозной силой берега.*

*Так просто и легко деревья в щепки
Разносит шумный бешеный поток.
И даже старый кедр — могучий, крепкий,
Под мощью этой устоять не смог.*

*Поток несется, будто бы играя,
Высокий берег окатив волной.
Бежит, на перекатах нарастая,
Березы, ели унося с собой.*

Алтайские горы

*Гор Алтайских чистота с величием
Манят и зовут своей красой.
Сколько лет стоят в молчанье дымчатом?
Вечность охраняет их покой.*

*Ряд хребтов, на солнышке сверкающий,
Устремлён в заоблачную даль.
Слепит взор, и в летний зной не тающий,
Ледников заснеженный хрусталь.*

*Горы спят, обложены перинами,
Что как будто лебеди плывут.
Протыкают снежными вершинами
Горизонт и неба синеву.*

Неприветливый Кара-Иры

«А ты его ногами, ногами-то сильнее прижимай!», — дружно хохотали мальчишки над пытавшимся удержаться в седле Пашкой. Противная мысль, что этот поход за горным чесноком не обойдется без неприятных приключений, мучила его, но он старался сохранять спокойствие. Как назло, Серёжкин отец — дядя Лёша — выделил парню для дальней поездки из своего табуна именно Рыжика — молодого и весьма упрямого представителя не высококонькой, но довольно шустрой местной породы. Рыжик ни в какую не желал уходить далеко от своего родного табуна. Пашке стоило больших усилий просто поймать его и накинуть на свободную рыжую морду недоуздов с длинным чумбуром и плетенную кожаную уздечку со стальными удилами. А уж когда седло на него накидывал, так Рыжик неоднократно поворачивал к парню голову и с остервенением хватал его то за штаны, то за куртку. Трудностями Пашку не испугать, да и показать слабинку перед младшими товарищами пятнадцатилетнему парню совсем не хотелось и он, стиснув зубы, взобрался на брыкающегося мерина. Кое-как справившись с конём, недовольно лязгающим зубами, Пашка с друзьями наконец-то отправился в путь.

Через полчаса подъёма по тракторной дороге, наезженной среди густого лиственного леса и ведущей в горы, Рыжик наконец-то присмирел. Низенькие лошадёнки товарищей, одноклассников: Пашки, Сереги, его младшего брата Васьки и соседского парнишки — Степки, шли спокойно, изредка фыркая из-за забирающихся в ноздри назойливых мух.

По настоянию своей бабушки: бабы Зины, Павел отправился за этой терпковато — горькой травой, луковицы которой деревенские использовали для засолки или вместо специй при консервировании, да и просто в качестве закуски листья горного чеснока неплохо шли. Правда, его много

не съешь, больно горький он, зараза, к тому же сердечко от большого количества съеденного может прихватить, но всё равно, любили этот «деликатес» местные очень. Рос он высоко в горах и, чтобы к нему добраться, нужно было потратить не меньше полдня езды на лошади.

Дядя Лёша без лишних разговоров отпустил своих мальчишек, так как считал, что они уже взрослые и пора им самим справляться с трудностями. К тому же Пашка не раз поднимался на гору со знакомыми егерями и был в курсе, где чего опасаться. Соседский же Стёпка просто увязался за ними хвостом, но клятвенно заверил товарищей, что в поход его отпустил загулявший отец.

Погода хоть и стояла по-июньски теплая и ясная, однако взрослые всегда говорили, что в горах она может поменяться в любую минуту. Вот и прихватили с собой мальчишки тёплые куртки, спальники и кое-какой еды, а то мало ли чего.

Парни, полные юного задора, всю дорогу подшучивали друг над другом. Подъём в гору длился уже около часа. Их тихая деревенька, уютно устроившаяся у подножия сурового Кара-Ирымского хребта, осталась далеко позади. По дороге встречалось всё меньше деревьев. Закончилась тракторная дорога, свернувшая в сторону лиственного леса. С подъёмом воздух становился всё более разреженным. Он был насыщен влагой до такой степени, что вся одежда спустя непродолжительное время становилась сырой. Было тяжело дышать. Казалось, что в легких хлюпает вода. Лошадям, с их большим объёмом грудной клетки, дышалось полегче. Скопившаяся в их лёгких вода просто стекала струйками с носа.

— Сейчас альпийские луга должны появиться, — сказал Пашка, тяжело дыша. Мальчишки, никогда не бывавшие так высоко в горах, начали расспрашивать его об этой диковинке.

— Сами всё увидите, — парень ударил чумбуром в бок подуставшего Рыжика.

Взору мальчишек открылась ровная площадка с тонкой полоской тропинки, пересекающей её. На площадке рассти-

лался разноцветный благоухающий ковёр из крупных ярких цветов на фоне мелких листочков. Этот ковёр состоял из синих водосборов, чередующихся с ярко-оранжевыми огоньками, с вкраплениями нежных анютиных глазок: голубых, коричневых, жёлтых. Тут же тёмно-синими бокальчиками цвели небольшие кустики горечавки. Всюду лютики, маки и ещё множество необычайно красивых растений с всевозможными цветами. Лошади по колено утопали в этом цветущем великолепии. Аромат над лугом стоял невообразимый: медовый, приторно-сладкий, местами с легкой горчинкой. Всюду жужжали пчёлы и порхали разнообразные бабочки.

— Красота-то какая! — сказал Стёпка, спрыгнув со своей вороной лошадёнки — Забавы. — Вот бы мамке нарвать!

Парни тоже спешили. От дурманящего аромата цветущих растений кружило голову. Многочисленные бабочки разлетались в разные стороны. Пёстрый красочный ковёр плавно перешёл в монотонно-зелёное, чуть ниже колена, сплошное покрывало из кедрового стланика. Его небольшие кустики росли настолько густо, что казалось, будто идёшь по мягкой пружинистой подушке. Лошади, свернувшие с тропы, недовольно фыркали, цепляясь ногами за эти небольшие кустики.

Но вот ровная площадка закончилась, и начался каменистый склон. Снова сели на лошадей. Растительности под их ногами почти не было, только скальник и совсем немного неплодородной земли, продуваемой ветрами. Изредка какой-нибудь камень с шумом скатывался из-под лошадиных копыт по покатоному склону.

С приближением к хребту стала появляться травка. В верховьях горы она была гуще и сочнее. Постепенно опустилась молочная дымка тумана. Впереди замаячила одинокая старая стоянка. Её лишённые стёкол окна неприятно тарачились на парней. Посеревшая от старости и порядочно подгнившая дверь, подпёртая толстой доской, явно не желала впускать непрошенных гостей. Несмотря на то, что было сыро, всё-таки не рискнули останавливаться здесь. Пошли дальше.

Казалось, что совсем рядом облака своими ватными телями цепляются за вершину горного хребта. Копыта лошадей скользили по сырым камням. Решили по хребту идти пешком. Туман постепенно стал спускаться вниз по склону. Слева была огромная, многометровая пропасть. Ухнешься в такую и костей не соберёшь. Справа с северной стороны сверкала не тающая шапка ледника. Мальчишки ползком подползли к её краю, держа лошадей на расстоянии вытянутого чумбура.

— Смотрите! — тыкая пальцем куда-то вниз, крикнул Васька.

Много метров ниже по ущелью, никуда не торопясь, шёл волк. Парни видели его вытянутое белёсое тело. Васька из любопытства бросил камень в ущелье. Антрацитовый кругляш беззвучно нырнул в его глубину и глухо ударился об каменистое дно. Серый хищник услышал их и поспешил в ближайший ельник.

В небесах неспешно парил коршун, выслеживая свою добычу. Здесь, высоко от уровня земли, мальчишкам казалось, что он совсем рядом, стоит только руку протянуть.

А тем временем солнце уже благополучно перешло к отметке «вечер». Парни ещё немного постояли на месте, созерцая бескрайние просторы родного края, пересекающиеся хребтами окрестных гор, и затем продолжили свой путь по узенькой тропинке, извивающейся серпантинном по склону Кара-Ирымского хребта.

Спускаться с горы всегда легче. Минут через пятнадцать-двадцать они оказались на месте. В неглубокой ложбинке прикорнула недавно отстроенная стоянка с обильно растущим вблизи горным чесноком. Стоянка эта — рубленая из вершинника кедрача шести стенная изба, конусообразная крыша которой была выстлана кедровой корой. На самом верху крыши зияла дыра. Внутри избы не было печи. Вырытая в земле, прямо посреди избы, неглубокая яма, обложенная по краям круглыми булыжниками, выполняла роль очага. А дыра эта сверху крыши нужна была для вытяжки дыма.

В самом дальнем углу стоял стол, покрытый куском линолеума, привезённым на стоянку пастухами или местными охотниками. Единственное небольшое оконце было закрыто лоскутом прозрачной плёнки. Под крышей рядом висели мешочки с чаем, сахаром, солью, крупой (от пакостных мышей подальше).

По ложбинке, весело прыгая по камням, бежал торопливый горный ручей. Возле стоянки простиралась широкая поляна с растущими то тут, то там тёмно-зелёными перьями горного чеснока. Парни расседлали лошадей и стреножили их верёвочными путами (чтобы далеко не забрели), а сами принялись дёргать чеснок.

В горах темнеет рано. Ближе к пяти часам вечера опустились сумерки. Мальчишки, посоветовавшись, решили переночевать на этой стоянке. Для обогрева в неутепленной избушке нужно было развести костёр. Отправили Ваську со Стёпкой за дровами на ту сторону ручья. С северной стороны склона в хвойном лесу было мрачно и сыро. Мелькали поседевшие высохшие кедры и лиственницы, разлапистые коряги. Селей, покрытых желтоватой не густой хвоей, свешивались длинные бороды лишайника. Жутко. Словно попал в негостеприимное царство лешего. Ноги то и дело увязали в моховой подушке. Кругом стояла мёртвая тишина. Слышно было, как рядом негромко журчит ручей и, похрумкивая сочной травой довольные лошади. Васька со Степаном торопливо насобирали отломленных веток и поспешили из этого мрачного места к стоянке.

Спустя совсем немного времени плотная пелена темноты окутала весь Кара-Ирымский хребет. Словно из космического лукошка высыпались мерцающие серебристые звёзды. Взошла огромная круглолицая луна. Здесь, высоко в горах, с проглядывающими неровными линиями рельефа на её поверхности, она казалась такой близкой. Глядя на этот огромный светящийся в вышине небесный шаманский бубен, приходит осознание того, что человек — всего лишь малая песчинка в этом бескрайнем подлунном мире и сразу

начинаешь ощущать, как именно сейчас, в этом месте время надолго остановилось...

Но подул лёгкий ветерок и луна всё-таки спряталась за напирающую своей мощью гору.

Холод всё больше проникал внутрь избы. Своим неприятным дыханием пронимал до дрожи. Мальчишки кое-как разожгли костёр. В горах, даже огонь горел по-особенному — голубоватым мистическим пламенем. Решили сварить мясную похлебку: «для сугрева». На стоящую внутри стоянки треногу повесили котелок, набрали воду из ручья, бросили несколько кусков мяса, прихваченных с собой из дому, посолили. Магазиновая тушёнка в то время ещё была редкостью. Вода быстро закипела, но сколько бы она не булькала (больше двух часов), мясо оставалось практически сырым. Похлебали бульонную жижу с сухарями и решили лечь спать. Нары, приколотенные к стене, были рублены из веток кедры. Своими круглыми рёбрами деревянный настил больно впивался в спину. Бросили сверху на нары плотные конские потники, куртки, спальные мешки, но всё равно спать было жёстко и чертовски неудобно, а костёр давал не так уж и много тепла. Спать не хотелось. Мальчишкам было скучно, и они начали травить байки, частично имевшие место быть на самом деле, частично придуманные ими самими. Тут ещё из темноты со стороны леса раздалось громкое протяжное мяуканье. Никак рысь пришла? Юным путешественникам казалось, что кто-то ходит за стеной, скребётся в дверь, урчит. Как тут уснёшь? Ближе к утру сон всё-таки одолел их страхи, и парни крепко задремали...

Дневной свет своим ярким лучом проник в единственное оконце. Наручные часы Серёги показывали около одиннадцати часов дня. По всей ложбине стелился густой туман. Он был настолько плотным, что казалось, будто можно взять и оторвать кусок этого туманного облака. Солнце неясным силуэтом сквозь пелену туч поднималось по небосводу. Постепенно, под напором неведь откуда взявшегося ветра, туман начал рассеиваться. Идти в лес за дровами никому не хоте-

лось, поэтому возле стоянки разожгли костер из подсохших сухих листьев бадана и стеблей медуницы. Костерок горел слабо, больше дымил, да и тепла от него никакого. Дорвав в мешки чеснок, и слегка перекусив оставшимися сухарями, пора было и до дому добираться, а лошадей нигде нет. Искали поблизости, но их будто след простыл. Лишь нашли обрывки веревочных пут. Видимо их ночью рысь спугнула или еще кто покрупнее.

Без лошадей до деревни добираться очень долго, да и за пропажу их дядя Лёша явно по головке не погладит, вот и отправились парни всей гурьбой на поиски коней. Тем временем с небес, словно из мелкого сита, неприятно заморосило. Лишь спустя несколько часов, когда погода окончательно испортилась, и зарядил конкретный дождь, лошадей нашли много ниже по течению ручья, где они мирно паслись под кроной огромных лиственниц. Домой нужно было отправляться немедленно. Как рассказывали Пашке знакомые егеря, в горах такая погода может длиться неделю, а то и дольше. А если снег выпадет, хоть и лето, там и морозец ударит непременно. В неутепленной избушке его просто не пережить.

Вернулись на стоянку. В спешке засадили лошадей, сложили на их спины по мешку с чесноком и начали подъем по сложной серпантинной дороге. Ехали небольшой вереницей. Серёжку отправили вперёд. Замыкающим оставили Павла — проследить за десятилетними Васькой и Стёпкой. Чем выше поднимались по склону, тем сильнее портилась погода. Вот уже и дождь перестал идти. Полетели крупные снежинки, которые с подъёмом становились всё мельче. Началась самая настоящая метель. Под завывание ветра мелкие крупинки снега с силой хлестали по незакрытым лицам, рукам, проникали под одежду и обжигали тело. Пелена метели стала такой плотной, что на расстоянии вытянутой руки ничего не было видно. Вскоре Пашка потерял из виду младших товарищей. На вершине хребта где-то совсем рядом пропасть, но сквозь белую мглу ничего нельзя было разглядеть. Понимая, что живыми из этой снежной ловушки так просто

не выбраться, парень решил довериться животным инстинктам Рыжика. Отпустил повод и схватился за седло. Рыжий конь, как собака-ищейка наклонил голову книзу и принялся вынюхивать следы идущих впереди лошадей.

Непрекращающаяся метель злобно выла обезумевшим зверем. Почему-то именно сейчас Пашка вспомнил своего деда Лёню: фронтовика, прошедшего всю войну. Любил дед по большим праздникам с бутылочкой беленькой, да с домашними соленьями, приготовленными снохой (матерью Павла), расположиться на ступеньках крыльца. После пары стопочек захмелевшая израненная душа старого солдата требовала веселья, и он своим громким зычным голосом затягивал: «Чёрный ворон, что ж ты выёшься...». Подпевал ему соседский цепной пёс Черныш. Дед не бранил его, а вскоре к необычному дуэту присоединялись другие собаки с улицы. И слышен был этот удивительный хор с подвыванием во всей деревне. Напевшись вволю, дед подзывал к себе Пашку и, нанизав на вилку самый маленький, самый хрустящий огурец, предлагал его внуку, поглаживая по голове: «Ничего, внучок. Живы будем — не помрем!»...

Конь всё шёл вперёд, опустив косматую голову. Парень слез с лошади и вцепился замерзшими руками за стремя. Неширокая вершина хребта в этой белоснежной тьме могла закончиться в любом месте, а там обрыв, с другой же стороны — пологий склон ледника. Но вот Рыжик поднял голову и протяжно заржал. Невдалеке замаячили два тёмных размытых пятна. Конь рванул вперёд. Там, за раздирающей глаза белой мельтешащей стеной снега, показались два силуэта. Это были Васька со Стёпкой на лошадях. Их кони понуро опустили головы, а сами мальчишки неподвижными статуями возвышались на их спинах. Пашка пытался растормошить Ваську, но паренёк лишь глухо бухнулся в сугроб. Попытки привести его в чувство оказались безрезультатными. Лишь после нескольких ударов по лицу он пришёл в чувство. «Слава Богу, живой!» — успокоился Павел. Вскоре очнулся и Стёпка. Он непонимающе смотрел по сторонам.

Пашка скинул со спины своего коня мешок с чесноком. Распорол острым ножом мешковину. Из полос её грубой ткани сделал некоторое подобие маски с прорезями для глаз и закрепил на лице самого младшего — Стёпки. Замотал ему руки, ноги до коленок. Тоже сделал с мешками своих юных товарищей. Обмотал открытые участки тела Васьки, его ноги и руки, а потом уже остатками мешка защитил своё тело от всепроникающего холода. Горный чеснок явно не стоил стольких мучений. Он небольшой зелёной горкой остался промерзать на ледяном ветру.

Буран всё продолжался. Медленно, но верно парни пешком отправились вперёд. Утопали по колено в снегу с проваливающейся коркой наста. Было тяжело идти. Пашка, чтобы не замерзли, заставлял мальчишек бежать. Ещё немного и должен начаться спуск. Вскоре невдалеке стал заметен одинокий силуэт лошади без всадника. Серёгин Малыш стоял на месте, низко опустив голову. Рядом с ним была куча снега, из которой торчал ботинок Серёжки. Мальчишки побросали поводья лошадей и принялись раскапывать эту кучу. Серёжка был чуть тёплый, но ещё пока в сознании. Парни начали растирать его руки, ноги, а Сергей лишь стонал: «Оставьте меня! Я спать хочу. Спать!!!». Пашке снова пришлось прибегнуть к жёстким мерам. После нескольких пинков, хлёстких ударов по лицу и злобных выкриков: «Вставай, твою мать!», — одноклассник Павла, наконец-то, очухался.

Из небольшой сибирской деревушки, живущей своими летними хлопотами и заботами, вверх по склону Кара-Ирымского хребта на поиски пропавших деревенских мальчишек отправилось шестеро тепло одетых мужчин с ружьями. Двое из них были местными егерями.

Тревогу забил отец Васьки и Серёги, когда мальчишки не вернулись к обеду, хотя должны были быть дома уже утром. Быстро закончилась хвойная тайга, опоясывающая низину хребта. Начался каменистый склон. На самом верху горы зависла тяжеловесная туча, несущая с собой на вершины

окрестных гор большую снежную массу. В деревню такая непогода навряд ли спустится, но мальчишек нужно было выручать. Мужчины быстро добрались до старой стоянки.

Стали опускаться сумерки. Вершину уже не было видно. Всё окутала серая туманная хмарь. Взойти выше просто опасно. Вдруг из-за густой завесы тумана мужики услышали чёткое: «Черный ворон, что ж ты выёшься...», — напеваемый нескладными мальчишечьими голосами. А вскоре появились и все четверо на лошадях. Все живы и, не считая, получившего не большие обморожения Серёжки, почти все здоровы.

Старый кам

Густые сизые сумерки скоро опустились на горную долину. По краям её возвышались ещё не тронутые апрельским солнцем горы, укутанные в плотное снеговое одеяло. Небольшое село, укрытое от лихих бурь, уютно расположилось в чаше этой долины и сейчас готовилось ко сну. На крыльце, попыхивая горьковатым дымом папиросы, сидел Василий. Немало дум было в его голове. Слишком много чего в последнее время свалилось на его дюжие плечи. И долгожданная беременность Настасьи с её слабым, недеревенским здоровьем. И болезнь матери, за этот месяц сильно обострившаяся. И нагоняи на работе за постоянные отгулы из-за поездок по больницам. Не понимал его начальник, который целыми днями пропадал в конторе (подальше от своей склочной жены), что для Василия семья дороже работы. Выгонят — так, Бог даст, как-нибудь шабашками себе и Настасье на хлеб заработает.

Устал парень, так и не привыкший к вечному шуму и городской суете, от толкотни и людского безразличия и поэтому три года назад вернулся в родное село. Хотя до этого он несколько лет работал в городе электриком в крупной фирме и получал совсем неплохую зарплату. Настасью, проработавшую учительницей в школе, долго уговаривать не пришлось. За любимым мужем она хоть на край света. Ценил Василий больше спокойствие и тишину, чем так уважаемые многими большие деньги...

На крыше затаили свою какофонию ещё не отрезвевшие от марта коты. Он зло шикнул на них и с досады плюнул. Ниже по улице дружно забрежали собаки. Вот и его цепной пес Коська с заливистым тьявканьем присоединился к этому хору. Настороженная собачьим лаем, на крыльцо вышла Настасья, накинув на плечи пуховую шаль. Тихо скрипнула калитка, и во дворе появился силуэт Викторovны — материной

соседки. Дрожащим голосом она сказала: «Вась, там совсем матери плохо». Сколько раз мать звали перебраться к сыну, но она все отнекивалась: «Зачем вам молодым смотреть на мои мученья». Поэтому попросили соседку присмотреть за ней. Василий тяжело вздохнул, и быстренько накинув выходную куртку, отправился заводить старенький уазик. Скорую из райцентра всё одно не дождёшься. Тут на своей машине всяко быстрее будет. В приёмном покое врач долго мать Василия осматривать не стал (не первый раз уже здесь). Поставил обезболивающее, а потом сухо сказал: «Вези обратно. Не жилец она. Дома и помирать-то легче, да и тебе лишний раз в такую даль не мотаться». В который раз врачи открещивались от Степаниды Ивановны — матери Василия.

Сын с матерью добрался домой только под утро. Измотанная тяжелой дорогой и непрекращающейся болью, чуть приутихнувшей под действием обезболивающего, пожилая женщина, наконец, уснула. Василий порешил с женой оставить мать у себя. Настасья согласилась, несмотря на то, что ей с тяжелой беременностью запрещено волноваться. Понимала она: в таком состоянии мать Василия нельзя оставлять одну.

Хоть и махнули рукой врачи уже давно на Степаниду Ивановну, но сын её все никак не мог с этим смириться. Мать всю жизнь воспитывала его одна. А отец Василия Степаниду ещё беременной бросил и укатил на Дальний Восток. С тех пор ни слуху, ни духу. После работы в колхозе спешила домой, отдавала своему Васятке от себя всё самое лучшее. Немало сил вложила в его воспитание и образование, так что просто закрыть глаза и дать матери дальше тяжело угасать в муках совесть Василия позволить не могла.

Суетливый день незаметно разменял спокойное утро, принеся с собой долгожданную оттепель. На еще не оживших деревьях весело зачирикали воробьи. Всё радовалось наступившему весеннему деньку.

Проспав пару часов, парень с горькими мыслями отпра-

вился к Прокофьючу, считавшемуся в их селе вроде как за ведуна. Местные, разочарованные в современной медицине с её дорогими лекарствами, нередко обращались к нему за помощью. Старик, пригревшись на солнышке, сидел на лавочке около своей низенькой избушки и перебирал сухие целебные травы. Василий поздоровавшись, присел рядом и рассказал о своей беде. Знахарь не прекращал заниматься своим делом, потом, поглаживая длинную бороду, произнес: «Тут ни одна травка не поможет». Посмотрел на расстроенного парня, молча зашёл в избу и вынес деревянную коробочку с крошенным табаком и ровными клоками газеты, и закрутил самокрутку. Ведун попыхивал горьким табаком чуть ли не в лицо парня. Василий закашлялся. Старик же продолжил: «Тебе к шаману надо. Если уж и он не поможет, то на днях готовьтесь к поминкам». При упоминании о похоронах, парень зло посмотрел на ведуна, а потом спросил: «А где его искать-то?». Дед прищурился, выпуская вихреватые клубы дыма: «Выше в горах, за Темным Бомом* и живет шаман. Только кам этот такой древний, что, кажись, совсем из ума вышел. Ещё бабка моя рассказывала, что он в её детстве уже был седой. Сколько ему сейчас — никто не знает. Коль уж он не согласится — не обессудь, Василий». Парень молча вышел из избу.

Дома мать уже не могла есть. Только стонала и в бреду звала свою покойную мать. Весь день Василий проходил в тяжёлых раздумьях. К вечеру Настасья, ни сомкнувшая глаз ни на минуту около постели своей свекрови, обняла мужа за плечи и тихо сказала: «Решайся, Вася. За спрос тебе ничего не будет».

На следующее утро Василий выпросил у своего соседа молодого жеребца и после недолгих сборов отправился на нём в горы. Непрост был путь парня до жилища старого кама. Поднимаясь в горы, конь то и дело спотыкался о торчащие из-под снега камни, а по длинному ущелью он еле брёл, утопая по брюхо в снежных заносах. Лишь к вечеру, когда

показался аил шамана, жеребец пошел помягче по твердому насту лыжни, накатанной охотничьими лыжами.

Аил* — покосившаяся шестиугольная изба из бруса, без окон, с полусферической крышей, крытой лиственной корой, совсем посерел от прошедших неизвестно скольких лет. Он стоял на пригорке, за которым широкой полосой распростёрся кедровый лес. Рядом с аилом у коновязи стоял старый алтаец низенького роста, с серым морщинистым лицом. Посеревшее жилище было чем-то похоже на своего хозяина. Наверно, невозможностью определить их возраст.

Шаман приветливо улыбался своими раскосыми глазами гостю. Он курил длинную трубку с деревянным чубуком, набитую какими-то незнакомыми, но приятно пахнущими травами. Старик был в овчинной шубе, рысей шапке с длинной кистью из синих ниток, на ногах его были ичиги*. Он поздоровался с парнем:

— Дякши, уул*, — и на чистом русском сказал. — Долгим же твой путь до меня был. Знаю беду твою, Василий.

Старик докурил трубку, выбил пепел и убрал её в голенище сапога. Парня несказанно удивило, что шаман знал о нём.

Старый кам же, опираясь на невысокий столбик коновязи, продолжил:

— Я могу помочь твоей матери. Только в сказки придётся поверить.

Легкая улыбка скользнула по губам молодого парня:

— Согласен, конечно. Выбора у меня всё равно нету.

— Тогда проходи в моё жилище. Не будешь же по темноте домой возвращаться.

— И то, правда, — Василий за веревку длинного чумбура привязал жеребца к коновязи и проследовал в аил вслед за неспешно шагающим стариком.

Вход в аил располагался по обычаю с восточной стороны. Василий низко склонился, войдя в жилище. Аил внутри оказался намного просторнее, чем выглядел снаружи. Внутри было сумрачно. В отблесках костра, находившегося посере-

дине жилища, дым и копоть от которого уходили прямо в дыру на крыше, виднелись сушённые травы, висевшие над головой, кое-какая кухонная утварь, закоптелый котелок и пара лежанок, одна из которых явно много лет была нетронута. Весь быт внутри жилища словно бы говорил, что его хозяин давным-давно живёт один. На стене, поблёскивая своей натянутой окружностью, висел шаманский бубен, над которым примостилась шаманская шапка-птица: гордость хозяина. Кам снял уличную одежду, подбросил дров в костёр и показал рукой на место у очага. Парень присел. Старик же из кожаного ташаура налил в чашку немного араки и вместе с куском вяленой конины предложил парню. Он не отказался. Знал, что так принято.

Сидели молча. Тишину нарушало лишь гулкое потрескивание костра. Затем старик, так и ничего не говоря, лёг на лежанку, накрылся выделанной овечьей шкурой, отвернулся к стенке и заснул, негромко похрапывая. Василию не спалось. Всё переживал о Настасье с матерью...

Звёзды беспечно поглядывали в засыпающий аил через дыру в крыше. Быстрый огонь вскоре слизал сухие дрова в костре. Остались тлеть переливающиеся огоньками головешки. В наступившей тишине раскатисто зашумел кедровый лес. За дверью что-то негромко зашуршало, потом на лиственной крыше стали различимы шаги. Молодая кедрushка, росшая рядом со входом стала недовольно скрести своими жесткими ветками об стену. Забрякала немногочисленная стариковская посуда, сухие травы, вывешенные над очагом, заходили ходуном. Кто-то или что-то с гулким стуком несколько раз ударил по бубну. Совиные перья на шаманской шапке заколыхались, от чего стало казаться, что птица из перьев на миг ожила. Из тлеющих головёшек вспыхнули языки пламени холодного голубого цвета и начали плясать в странном, пугающем танце. Василий заворуженно смотрел за происходящим. Только шаман, даже не поворачиваясь, сказал:

— Это заблудшие души пришли к От-Эне* погреться. Ты — мой гость. Тебя не тронут.

Языки пламени покружились ещё недолго, а потом с резким шипением костёр погас. Парень какое-то время не мог прийти в себя, но потом всё же усталость поборола его и он крепко заснул.

Василий открыл глаза, когда ласковое весеннее солнышко своими тёплыми лучами вовсю проникало в просыпающийся аил. Старик колдовал у костра, подбрасывая в кипящий котелок сухие листья бадана и ещё каких-то душистых трав. Затем налил в чашку парню терпкого ароматного чая и угостил его копчёным овечьим сыром. Василий немного поёжился от крепости предложенного напитка. Старый шаман же начал разговор:

— Торопиться надо, уул. Злые духи Эрлика* уже пожирают твою мать изнутри. Нужно её скорее привезти в священный аил.

Слова старого кама обескуражили Василия:

— И как же я её сюда привезу? На вертолёте что ли? Ни одна машина по ущелью не проедет.

Старик же, отхлёбывая из чашки душистый чай, прищурился и спокойно сказал:

— На коне верхом твоя мать приедет.

Парня злили его наивные суждения:

— Она уже месяц с кровати встать не может. Как же она на лошадь сядет?

— А я ей оберег Ульгения* сделаю. Пока он будет на матери, она силу получит. Сможет и поездку выдержать. Только защищать твою мать от слуг Эрлика он не сможет долго, — и снова повторил: «Торопиться надо».

Василий молча кивнул.

Старый шаман отлучился ненадолго из аила. Парень остался один на один со своими мыслями. Как же там Настасья? Мать: жива ли? Стоит ли верить этому старику? Его тяжелые размышления прервал скрип открываемой двери. Кам вошел в жилище со свежей, сорванной веткой можжевельника. Он сказал парню, чтобы тот подбросил в костёр су-

хих веток, а сам из-под своей лежанки достал ветхий мешок. Начал копаться в нём, вынимая из его пыльного нутра какие-то маленькие костяные фигурки животных и птиц, сказочных существ, медные монеты, всевозможные перья, пёстрые тряпицы. Наконец, он достал из мешка яркую красную ленту, прошёл с ней к костру и поджёг от его огня ветку можжевельника. Ленту он держал над зажжённой хвойной веткой и громко приговаривал непонятные слова на плохо знакомом парню языке. Его зычный голос смешивался с потрескиванием сухих веток в костре, рождая дымное завихрение от сгораемого можжевельника, которое, как спираль, стало закручиваться вокруг красной ленты. Василий с нескрываемым удивлением смотрел за происходящим. Старик же резко оборвал свой заговор и так же резко бросил потухшую ветку в огонь. Затем подул на ленту и протянул её парню со словами:

— Повяжешь матери на руку. Пока лента на ней — светлые духи Ульгения будут бороться с демонами подземного царства. Только недолго. От Эрлика откупиться надо. Эрлик — злой Бог, кровь любит. Привези для него коня светлой масти, ни разу на своей спине всадника не чувствовавшего. Спеш. Выезжай из дому после обеда, как раз к ночи ко мне доберёшься. Будет тебе в дороге помощник.

Василий взял оберег от старого кама, поблагодарил его за гостеприимство и с неприятными сомнениями отправился домой.

Весеннее тепло разлилось по горной долине, превращая грязноватый снег под ногами людей и копытами лошадей в хлюпающую кашу. Настасья, измученная бессонными ночами, не смыкающая глаз у кровати стонущей от боли све-крови, всё же настояла на том, чтобы Василий отправился к старому каму. Парень всё понимал, но как-то слабо верил в то, что этот странный дед сможет им помочь. Ближе к вечеру всё же пошёл к местным скотникам, поинтересоваться у них насчёт необъезженного жеребца светлой масти. Дежурив-

ший конюх — Урсул, спросил, для чего парню нужен конь. Неужто, местный электрик решил свой уазик на живую лошадиную силу променять? Когда же Василий рассказал ему о шамане, конюх особо не удивился:

— Знаю я этого кама. Много лет назад мой младший брат упал в ледяную горную реку и сильно простудился. Совсем ему худо было. Думали, что не выживет. Тогда нам этот шаман помог. На днях моему брату восемнадцать лет исполнилось. Сильный кам. Я тогда хоть и ребёнком был, но помню хорошо обряд усмирения слуг Эрлика. Помогу я тебе Василий. Завтра же нужно отправляться в путь.

Над заснеженными горами, возвышающимися над длинным тоннелем темного борма, упирающегося в небольшой пригорок, на котором был расположен аил старого шамана, плеснул клюквенным соком весенний закат. К скромному жилищу приближались трое всадников с привязанным к седлу крайнего жеребцом светлой масти. Старик уже ждал их, словно бы знал, что всадники появятся здесь именно в это время. Мать Василия, изможденная тяжелой болезнью, плохо держалась в седле, но всё же ей хватило сил добраться до аила. При подъезде к ветхому жилищу, красная лента — шаманский оберег, соскользнул с руки измученной женщины, и она рухнула на руки подоспевшего вовремя Урсула. Старик закружил вокруг, повторяя:

— Капшай, удар*. Отведите её в аил.

«Бум-бум» — раздаются глухие удары колотушки — орбу о шаманский бубен. «Бум-бум» — давно не слышал окрестный лес и тёмный борм этих звуков. «Бум-бум» — камлает старый шаман в освящённом аиле. Обессиленная женщина лежит на длинном овчинном полушубке. Сын сидит у её изголовья. Знакомый конюх, Урсул, изредка подкармливает сухими ветками всепожирающие языки пламени священного костра. «Бум-бум» — отбивая сакральный ритм на округлом инструменте общения с духами, шаман приплясывает

в тяжёлой шубе из маральей шкуры — мандьяке. Ленты на его рукавах, словно перья на крыльях сказочной птицы, колышутся от ритмичных движений. Звенят, гремят бубенцы-колокольчики на шаманском ритуальном одеянии: отгоняют злых духов. Крутят, вертят курмесы* старика в неистовой пляске, будто бы и тяжелая шуба, и прожитые долгие годы для него не помеха. Двигается в такт ряд кисточек у шапки-птицы из разноцветных бисеринок, на конце которых раковины, из-за них совсем не видно глаз старика. «Бум-бум» — спускается старый кам в подземное царство Эрлика, хочет выкупить у него душу больной женщины и отдать её хозяйке. По дороге встречает дочерей злого Бога, которые хотят погубить его. При ударах бубна, шаман вызывает всех курмесов-помощников к себе. Разгоняет злобных духов своими заклинаниями и пляской.

Закричала женщина не своим голосом. Хочет встать, убежать от проклятого кама.

— Худо мне, Васенька. Ой худо.

Но крепко держит мать испуганный сын. Урсул же приговаривает:

— Держи, держи её. Это не мать твоя кричит, это духи Эрлика воют.

Всё громче слышны звуки бубна. Всё ярче горит священный костёр. Гулко шумит за стеной встревоженный кедровый лес. Пляшет, не унимается старый шаман. Всё бессвязные слова из уст его сыплются. Жарко ему в тяжелой шубе. Пот по его лицу так и льётся. Женщина то успокоится, то затрясется вся, то зарычит. Страшно!

Загремели где-то совсем рядом нарастающие раскаты грома. Рано для этой поры. И вдруг упал шаман на колени. Дышит жадно:

— Суунан ичер!* — пить просит. Бьёт его, словно в горячке.

Подавал Урсул старику воды. Женщина зарыдала.

— Теперь жертвенного коня готовить надо: — шаман, тяжело дыша, вынул из пыльного мешка широкий нож и ис-

чез с Урсулом во тьме ночного ненастья. Парень же остался в аиле успокаивать рыдающую мать.

Через какое-то время, когда буря за стеной приутихла, мужчины вернулись обратно.

Шаман грузно сел на лежанку:

— Канза*, — задымил туго набитой трубкой, поданной ему пожилым конюхом. Собирая оставшиеся силы кам сказал: — Я договорился с Эрликом. Он принял твою жертву.

Старик, выпуская густые клубы дыма, продолжил:

— Силы к ней вернуться скоро, а здоровье — когда жена твоя дочку родит.

— Дочку? — удивился Василий. Он ещё не знал мальчик или девочка родится у Настасьи.

Старик же усмехнулся:

— Скоро всё сам узнаешь. Только верить надо. А сейчас собираться пора. Рассвет скоро.

**Ичиги — национальные сапоги из мягкой кожи.*

**Бом — ущелье.*

**Аил — национальное жилище.*

**Дякши, уул- здравствуй, парень(алт.).*

**От-Эне — мать — огонь. Очаг.*

**Эрлик- бог подземного царства, дьявол у алтайцев.*

**Ульгень — светлый верховный бог у алтайцев.*

**Капшай, улдар — быстрее, парни (алт.)*

**Курмес- дух-помощник, силу которого унаследовал шаман. Дух, который зачастую при жизни сам был шаманом.*

**Суунан ичер! — воды, пить! (алт.)*

**Канза — трубка (курительная) (алт.)*

Сергей Дыков

Родился 13 мая 1957 г. в г. Горно-Алтайске.

Окончил в 1976 г. художественное училище в г. Новоалтайске, Алтайского края.

Преподаватель истории искусств в Горно-Алтайской художественной школе, художник-постановщик республиканского драматического театра, художник-оформитель, преподаватель Г-Алтайского колледжа культуры, участник областных, республиканских, всероссийских, зарубежных выставок.

Член Союза художников России, член Союза театральных деятелей России, заслуженный художник РФ.

На Семинском кедры поют,
В Коксе в небе льды проступают,
А Катунь – живой изумруд,
Когда осени наступают.
Кош-Агач – зелёное солнце
И жемчужно-красный песок.
Эти сны наяву навезает
Нам бездонно-синий Восток.

Мшистые скалы,
Простор ветровой,
В небе пустом одинокая птица.
Здесь я один на один
С тишиной.
Можно без слов
И петь, и молиться.

Я лежу в траве –
На концах травинок – Небо.
Я сижу у реки –
Шевелит мои волосы – Небо.
Я поднимаюсь в гору –
И Небо поднимается вместе со мной...

За такую благодать
Можно было пострадать.

Опьяней осенней тишиной,
Охрой, киноварью, чернью.
Я смотрю в боярышника куст
Полный ягод драгоценной зернью.

Размокают под дождём грибы,
Ель поникла сонными крылами.
Не уйдёшь из-под небес судьбы,
Небеса – они всегда над нами.

Я присел на хвою у сосны,
Сверху на ветви присела птица –
Иноки осенней тишины,
Чтобы взглядом и умом молиться.

На берегу
Дремлющего озера,
Отвыкшие от тишины,
О чём мы так громко
Кричим друг другу,
Боясь не услышать
Друг друга?..

Милые рыбы,
Мы вас разбудили –
Простите за это нас...

Знает река и не знает,
Что такое число...
В белый поток вырастает
Брошенное весло.
Знает вода и не знает,
Как, зачем, почему...
В камень лишайник вырастает,
Словно звезда во тьму.

Лес, как история искусств –
В нём перспективен каждый куст.
Лес, как забытая флейта –
Тишь вкусил и от ветра.

Лапа ели качнулась –
Это птица взлетела...
Мысль, со словом сливаясь,
Обрела своё тело.

На жёлтых лодочках листьев
Вниз по реке уплывает осень.
А запоздавшие листья
Схватит ночью
Тонкий ледок.

Вера Ленская

Арляпова (Ленская) Вера Ивановна родилась 19 марта 1975 года в шахтёрском посёлке Акташ Улаганского района, Республики Алтай.

После окончания школы в 1992 году поступила в Горно-Алтайский педагогический колледж. Получив диплом учителя начальных классов, учителя русского языка и литературы, продолжила обучение на филологическом факультете ГАГУ. Во время и после учебы два года работала учителем в селах Тихонькая и Верх-Уймон Усть-Коксинского района. Затем восемь лет являлась воспитателем Акташского детского дома, одновременно – корреспондентом районной газеты «Улаганнын солундары». После ликвидации детского дома была назначена на должность главного редактора районного издания.

Смена власти повлекла за собой перемены в трудовом пути и в жизни. Некоторое время работала оператором АЗС, обозревателем газеты «Листок». Занималась экскурсионной туристической деятельностью при туристической базе «Кочевник».

В 2012 году с детьми переехала в Горно-Алтайск.

Увлечения: народное пение, плавание, велосипед, рукоделие. Мечта: построить собственный дом.

В горах

Долгая дорога.
Горная тропа.
И вершины строго
Смотрят в облака.
Тихо едем в горы,
Кони в ряд идут.
Позади просторы
И домов уют.
Поворот налево —
Горная река.
Вот откуда в небе
Кудри-облака!
Тропы всё труднее:
Камни, мхи, вода.
Наклонила шеи
Ёлочек гряда.
Смотрят, удивляясь:
— Кто посмел прийти?
И встают, кривляясь,
Молча на пути.
А за ними — танец
Кустиков кривых.
Как замороженных,
Старых и больных.
Тоже охраняют
Лес и тишину.
От тоски вздыхают,
Клонятся ко сну.
Вот и долгожданный
Домик меж ветвей.
Кони встрепенулись
И пошли быстрее.
В сердце огонёчек,
Гор родных тепло.
И в избушке низкой
От него светло.

1998 г., Усть-Кокса

Синева над Семинским

*По крутой тропе взбираясь в небо,
Я пою про утренний рассвет.
Я иду в заоблачную небыль
И вливаюсь в круговерть планет.*

*Вот равнина в пред небесной сини,
Сам Господь ногой здесь не ступал.
Юный запах девственной полыни
Оседает на ступенях скал.*

*Облаков всклокоченную пену
Можно без труда рукой достать.
Можно стать частицею Вселенной,
С облаками мысленно летать.*

*Есть желанье, были б только крылья,
Чтоб лететь над морем синих гор
И, сливаясь с сине-звёздной пылью,
Впитать в себя живительный простор.*

1998 г.

Кан-Алтай (песня)

*Вершиной трёхглавой, вонзившейся в небо,
Заоблачный путь нам открыт.
У каждого сына там, где бы он не был,
Душа по Алтаю болит.*

Припев:

*Мы воспоём тебя, наш Кан-Алтай,
Мы мать-Катунь взлелеем до небес.
Живи, наш край, расти и процветай,
Чтоб разноликий мир с тобой воскрес.*

*В глубинах Катунь хранятся мгновенья
Тяжёлых и мрачных веков.
Родную историю чтят поколенья
В свободе от старых оков.*

Припев.

*Мы вместе с Россией в союзе едином,
Державой сплочённый народ.
Восстанут со временем воин руины,
Вселенский встречая восход.*

1999 г.

Улаганские дали

*Родные края. Улаганские дали.
Здесь детство прошло, и промчались года.
О сказочной жизни всегда мы мечтали,
Здесь сказка по жизни шагает всегда.*

*Природа здесь пахнет рождением лета,
Здесь веет прохладой живых родников.
Весь мир утопает в объятиях света,
И звёзды, сверкая, зовут мотыльков.*

*А люди добром почитают природу
И смело шагают в таёжных лесах.
Их души – как капли, горящие в водах,
Собой отражают покой в небесах.*

2001 г.

Уймонская долина

*Пой, Уймонская долина,
Про крутые берега,
Про кусты густой малины
И про горные снега.*

*Лейся песня голосисто
Под шумы катунских вод.
Сказ веди, кержак речистый,
Весели честной народ!*

*Замани к себе в долину,
Обогрей дыханьем гор.
Завари чаёк с малиной,
Воспевай души простор!*

*Горы, кони, половодье,
Запашистые луга.
Здесь – земное хороводье:
Небо, песни и тайга!*

2004 г.

Гул Земли

*Спала тайга, и горы отдыхали.
В реке текла прозрачная вода.
Покой и тишь лежали над Алтаем,
Дух ветра уносился в никуда.*

*Но не спала Земля. Она дышала.
И, в исступленье, разорвав тиски,
По-женски в страсти вся затрепетала,
В себя вбирая камни и пески.*

*И вздрогнул лес. И глыбы полетели.
И помутнела горная вода.
Замедлив бег, тянулись дни, недели,
Часы устали отмерять года.*

*А через сотни лет ленивой лавой
Окутан был седой лохматый лес.
И, упрекая нас, Земля молчала,
А хлопья пепла падали с небес.*

Октябрь, 2003 год. Акташ, после землетрясения.

Людмила Гришка

Людмила Гришка поэт — прозаик. Разносторонняя, увлеченная натура. Любит природу, музыку, живопись. Мастер корневой скульптуры — корнепластики, авторской куклы. Участник Республиканского фестиваля поэзии, конкурсов-выставок. Печаталась в местных изданиях: «Листок», «Восход», газете партии «Родина». В сборниках «Созвучье слов живых», «Мультинские встречи», «Дороги солнечная нить», автор сборника стихов и рассказов «Подниму тихонечко за весу...».

Член Петровской академии науки и искусства.

Моей реке

*Я живу без неё только думой одной,
Никому не скажу даже слова.
На свиданье спешу пока зимний покой
Не замёл все дороженьки снова.
Я поведаю ей, как жила вдалеке,
Как скучала, томимая, грустью.
Я приеду к своей самой главной реке
И напьюсь из священного устья.
Я вдали от неё в сердце каменных гор,
Где размаху крыла нету места.
Мы с Катунью-рекой наглядимся в глаза
И споём в унисон нашу песню.*

Страна душевного начала

Алтай — страна духовного начала
Хранимый Духами воды и гор.
С далёких пор, когда Земля не знала,
Как дорог станет людям твой простор.
Истоки вод, стекающих в долины,
Питали жизнью новые поля,
Народ селился и слагал былины,
Его усердием жила Земля.
Жемчужина твоя – гора Белуха,
Священна, почитаема людьми.
И связана не зря Мать-Маралуха
Незримой нитью Космома-Земли.
Ты манишь тайной в глубину веков,
Откроешься лишь чистому душой.
Водой напоишь с горных родников,
Катунским плёсом восхитишь покой.
Твои туманы шалью пуховой
Укутывают бережно леса,
Гордишься изумрудною рекой,
Катунь во веки есть твоя краса.
Местами силы ты к себе зовёшь,
Наследием питаешь свой народ.
Сегодня новой жизнью ты живёшь.
Кто ищет истину – в тебе найдёт.

Бродяжки души

Горячий день устало угасает,
Затихли звуки, птичьи голоса.
И речка осторожно, чуть дыша,
В сиянье синем косу расплетает.
Рябит, переливаясь серебром,
Моргает лунный глаз на перекатах,
Интимно шепчет тайны о былом
Пытливым странникам,
На берегу, в палатках.
Дымком шашлычным тянет от костра.
Гитарный звон с речной волной аккордом,
Бродяжки души унесёт с утра
Маршрутами по узким тропам горным.

Манящий Алтай

*В лазури утреннего неба
Плывут к восходу облака.
Тот край, где я ни разу не был,
Меня манит издалека.*

*Зовёт к себе душевной песней,
Которую поют ручьи.
Вершинами столетних елей,
Дурманом запахов лесных.*

*Реки священным перекатом,
Божественной горы венцом,
Лугов альпийских ароматом
И величавым гор кольцом.*

Щебечет май

*Щебечет май на сотни голосов —
Птиц голосистые рулады.
Покрылись сопки зеленью лугов,
Лес нарядился в новые наряды.*

*На небе синем, с ясным взором,
Гордясь, красуются и смотрят свысока,
Запутавшись в причудливых узорах
Прохладные густые облака.*

*Льёт солнышко мохнатые веснушки,
Ласкает всех, кто пробуждён рад.
Под ветер, и под пение кукушки
Слетает с яблонь белый снегопад.*

*Цветут сады, кустарники и травы,
Работы пчёлам — непочатый край!
Цветёт земля, Отчизна и держава —
Любимый и бескрайний мой Алтай!*

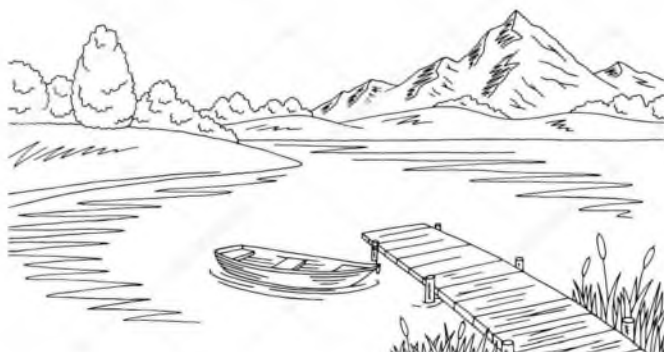

Осень на Алтае

Сквозь кружево осенних листьев
Проглянет неба сказочная синь,
А поутру туман крылом раздвинув,
Курлычет журавлиный клин.

Как в вальсе, жёлтый лист кленовый
Опустится на воду, поплывёт.
Катунь своей водою бирюзовой
Букеты осени, как лентой обовьёт.

Калины красной зеленеют гроздья,
Воспетые, когда-то, Шукшиным.
Благоухает на Алтае осень,
Предвосхищая торжество зимы.

Ледостав на Катунь

Ясное зимнее небо отражалось в тихой глади воды, на которой стаями, словно белые лебеди, кружили, созданные всего за одну ночь льдинки.

С наступлением зимы, после первых обильных снегопадов, первых заморозков, река начинает усиленно трудиться, укрывая на зиму великолепную бирюзу воды крепким льдом. Она кипит, кружит льдины, словно пену в кипящей кастрюле и тихо шумит, будто поёт колыбельную песню перед долгим зимним сном. Неся течением замёрзшие куски льда, Катунь играет ими, подгоняя и укладывая, как пазлы в тихих прибрежных заводях.

Она поставит лёд у берегов и продолжит своё подлёдное течение, и только на каменистых перекатах её бег останется таким же быстрым и бурным, как всегда. И будет эта быстрая протока всю зиму украшать белый ледяной покров, извивающейся тёмной лентой.

Здравствуй, Усатый!

Сентябрь заканчивался новолунием, и в это время в горах Алтая начались холодные, продолжительные дожди. В старину говорили: «Месяц молодой дождём умоется – весь месяц лить будет». Именно это он и делал, беспрепятственно стуча по крышам, радуясь наступившей для него поре. И ему было всё равно, растёт луна или убывает. Передохнув короткое время, он опять принимался мочить ещё не опавшую листву на деревьях и мутить местные речки.

Мать дождя – осень позволяла своему любимцу некоторые вольности, давая ему время вдоволь порезвиться в своей стихии.

Деревья, окрашенные разноцветной листвой, блестели глянцем от обилия прозрачных капель, и было непонятно –

радовались они этой мойке, или грустили от неё.

Одно было заметно, грустили от хмурой, мокрой погоды больше других птицы. Попрятавшись, кто в какие укрытия, они изредка взлетали на кусты рябины и жадно, наспех, насыщались сладкими ягодами, готовясь к очередному перелёту.

Ветер усердно трудился, гоня тёмные тучи за горизонт, очищая небо и давая возможность листьям отряхнуть лишнюю, тяжёлую влагу, а птицам, хоть ненадолго, расправить намокшие крылья. Солнце, довольное работой ветра, протягивало тёплые руки к земле. Оно мимолётно заглядывало в окна домов и приносило радость всему живому.

Я тоже восхищалась его ослепительным светом меж гор, залившим окно, любясь осенними пейзажами. Мгновенный, сильный стук прервал лирические раздумья. На обратной стороне стекла прилип мелкий пух. Догадавшись, что это ударилась птица, я быстро выбежала на улицу.

Там, на кресле открытой веранды, куда выходило большое окно, лежала лапками вверх пичуга. Она была жива. Тяжело дышала, медленно открывая и закрывая клюв, поднимая и опуская тяжёлые веки. Птица была крупная и очень красивая, размером с кукушку. Взяв её в руки, я узнала дрозда рябинника. Соскучившийся по солнышку за прошедшую ненастную неделю, он принял картину, отразившуюся в окне, за действительность и, радостно летя навстречу теплу, со всего лёту ударился о стекло.

Сидевший на перилах веранды кот, пользующийся случаем, грел спинку под горячими лучами. Спросонья открыв глаза, он не сразу понял, что произошло, а когда понял, то птаха была уже у меня в руках. Он начал вертеться у моих ног, принюхиваться, поднимаясь на задних лапах и, с блеском в глазах, громко мяукать, давая понять, что эта добыча ему нужнее.

Держа потерпевшего дрозда в одной руке, я другой взяла возбуждённого мурлыку, и забросила его в дом, закрыв дверь.

Завёрнутая в тёплый шарф птица, согрелась от тепла моих рук и совсем не думала улетать. Я держала её, как ребёнка, прижимая к груди и ждала, когда дрозд очнётся от шока. Осторожно поглаживая больного по головке, я приговаривала ему, что всё будет хорошо, что он поправится и обязательно полетит. Под ласковые уговоры, мой нечаянный гость уснул и, пока он спал, я с интересом разглядывала его красоту: крупный клюв, чёрно-белое оперенье, коричневая головка, пёрышки на которой были уложены так, что ему могли позавидовать самые модные парикмахеры-стилисты.

И что меня особенно удивило – у основания клюва этой птицы были настоящие усы!

С умилением любуюсь этим красавцем, я осторожно дотронулась до его усиков.

Мой питомец, открыв глазки-смородинки, продолжал тихо лежать, теперь уже рассматривая меня.

Я положила его на кресло, укутав потеплее, и ушла в дом. Через некоторое время, решив проведать птицу, вышла на веранду. Он уже освободился от шарфа, и крепко стоял на лапках, вертя головой в разные стороны.

«Что, Усатый, ожил?» — спросила я, и мне показалось, что мой пернатый друг улыбнулся, как бы это могла сделать птица. Он весело вспорхнул на рябину и принялся азартно клевать алые ягоды. Аппетит появился, значит, будет жить.

И снова весна в горах Алтая кружила стаями прилетевших птиц.

Весёлый щебет и чириканье смешались с шумом проснувшейся Катунь. Солнце купало их в лучах, всё звенело, шумело и играло по нотам наступающей жизни. И вот в один из таких ярких дней, я увидела птицу, разгуливающую по карнизу моего окна, любопытно заглядывая в него.

«Дрозд, ты вернулся! — узнала я своего друга. — Ну, здравствуй, Усатый! Спасибо, что помнишь. Спасибо за то, что живёшь!»

Александр Кобзев

Родился в 1963 г. в д. Вдовино Колыванского района Новосибирской области. В с. Майма проживает с 1985 г. Окончил биологический факультете Горно-Алтайского университета. Работал продавцом в книжном магазине и дизайнером-верстальщиком в издательстве, преподавал в школе и университете стенографию. Автор учебного пособия по стенографии.

Учил детей и взрослых в Воскресной школе. В течение пяти лет вёл православную страничку в газете. Поёт в церковном хоре. Немного занимался пчеловодством, ландшафтным дизайном.

Всерьёз начал писать после двадцати лет. В основном работает в жанре прозаической миниатюры, основная идея которых: через какие бы испытания и искушения человек не прошёл, с каким бы уродством в жизни не столкнулся, что бы в его судьбе не произошло в прошлом, он несёт ответственность за то, какой он сейчас. И он должен понять,

что устройство мира зависит в первую очередь от мира в его душе. Он заботится об этическом звучании своих произведений. Жизненную позицию некоторых персонажей считает для себя нравственным идеалом.

Автор сборника «Цвет снега», один из авторов сборников «Параллельные миры», «Дороги солнечная нить».

Член Петровской академии науки и искусства.

80 слов о Горно-Алтайске

Небольшое предисловие

Город Горно-Алтайск — столица Республики Алтай. Этот небольшой городок, расположенный среди живописных гор, является единственным городом в Горном Алтае.

В 1830 году в долине реки Маймы было основано небольшое поселение под названием Улала.

Улала получила статус города в 1928 году.

С 1932 по 1948 город назывался Ойрот-Тура.

И лишь с 1948 года город получил современное наименование — Горно-Алтайск.

Этот цикл миниатюр был создан в 2008 году специально к восьмидесятилетию города Горно-Алтайска.

Каждая миниатюра состоит ровно из восьмидесяти слов, включая предлоги и частицы, но не считая заголовков. Название города — Горно-Алтайск — считал как одно слово. Где-то, из-за и т. д. тоже считал за одно слово.

Темы разные: город глазами ребёнка, пейзажные зарисовки, уличные сценки, воспоминания о старом городе...

Впервые миниатюры были опубликованы в 2008 году в газете «Вестник Горно-Алтайска».

Детские впечатления

ЛЕТИ, САМОЛЁТИК!

Папа сделал бумажный самолётик.

Я запустил самолёт, но весенний ветер подхватил его и

понёс с огромной скоростью. Самолёт становился всё меньше, пока не превратился в белую точку.

— Куда самолётик полетел?

— Он полетел в Москву!

— Что это?

— Это далёкий-далёкий город. Столица нашей Родины.

Я смотрел вдаль, туда, где дорога скрывалась за горным выступом. И видел белую точку — дорожный знак? Или случайный белый предмет?

Каждый день я выходил посмотреть на белую точку. Это мой самолёт летит в Москву — столицу нашей Родины.

ЧУДЕСА ЭГОЦЕНТРИЗМА

Однажды я сделал небывалое открытие — солнышко за мной ходит. Я бегал взад-вперёд — солнце следовало за мною с необъяснимым постоянством; делал невозможные прыжки — солнышко прыгало в небесах. Вскрабкивался на пригорок — солнце взмывало вверх. Даже отраженное в речке, солнце, искрясь, неизменно скользило за мною по глади воды.

Я поделился радостью с Павликом. Он походил:

— Солнце за мной ходит!

Как мы дрались!

А я точно видел — солнце ходит только за мной! Он врёт — из зависти! Не может солнце одновременно за двоими ходить!?

9 МАЯ

Я часто слушал по радио скучные передачи о достижениях народного хозяйства ради того, чтобы услышать слово “пятилетка”. Его говорили потому, что мне — пять лет.

В день моего шестилетия, не глядя на подарки, я устремился к радио, чтобы среди мешанины слов услышать: “шестилетка”! Наконец, дождался речи об очередном достижении сельского хозяйства. Но услышал: “пятилетка”. А... “шестилетка”?!... Мне же шесть лет! Забыли?!

И я побежал в Парк Победы на митинг, посвящённый великой Победе — поздравлять ветеранов, не щадивших жизни ради нас, таких эгоцентричных.

ВЕЛИКИЙ ПРИНЦИП

Мне, мальчишке, этот дядечка с татуировками казался загадочным. Из тюрьмы он писал моей тётке жалостливые письма.

Наконец, первая встреча. Мы шли втроем по Коммунистическому. Он, не умолкая, говорил.

— У меня принципы есть, — хвастал он, — если что урюню на землю, то поднимать никогда не буду!

Я наивно спросил:

— Даже если уронишь рубль?

— Нет, рубль подниму. Рубль — это деньги. Вот, например, булку хлеба или бутылку молока...

Бутылка разобьётся, хлеб негоже бросать, хоть бы в сторону отложить — пусть собачки съедят. В чём принцип?

РАССВЕТ НАД ГОРОДОМ ДЕТСТВА

Мы с Андреем доигрались допоздна.

Спать пошли ко мне. Дверь была заперта — я отпросился ночевать у друга. Таясь, побрели к Андрею. У него было закрыто — он тоже отпросился. Постучать? — мы всё откладывали, откладывали этот момент.

Всю ночь бродили по безлюдным улицам города, придумывая всевозможные забавы, чтобы скоротать холодную ночь.

К утру усилился холод. Решение простое — идти в гору, чтобы согреться.

Восход солнца встретили на вершине Тугаи. Это был первый и самый прекрасный рассвет, который я запомнил. Рассвет над городом детства.

Времена уже позабытые

“ПЕСНЬ О СОКОЛЕ” ЭПОХИ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Первые годы перестройки. Срочно перестраиваются предприятия, магазины, люди, да и сам город.

На старом рынке (где теперь красавец-разноторг) встречаю однокурсницу — бойкую разодетую девицу. Она представляет на прилавок косметику.

— Что грустный, — спрашивает она.

— Сократили меня. Теперь работу ищу.

— Займись торговлей, как я.

— Хотелось бы по специальности — учителем.

— Кто сейчас по специальности работает? Крутись, торгуй, ищи!

— Не по душе мне верчение.

— Ты как Уж — пассивный, вялый. А надо: как Сокол — гореть, доставать!

— Что доставать? — от неожиданности поперхнулся я.

— Вещи, еду, тряпки.

КТО ВИНОВАТ?

В полупустом сто пятом автобусе минут двадцать шумно спорят две старушки:

— Горбачёв довёл страну до нищеты! Как хорошо жили до него. Прилавки ломились, а цены какие были — копейки!

... ..

— Нет! Это Ельцин страну погубил. Советский Союз развалил, все народы перессорил!

— Нет! Горбачёв во всём виноват!

— Нет! Это Ельцин погубил страну!

Остановка, двери открываются. Встаёт третья бабушка и со словами «это евреи сгубили Россию» выходит из автобуса. До самого Каяса стояла полная тишина — все наконец-то узнали ответ на извечный проклятый вопрос.

ИДЕАЛИСТ

— Что такое партия? Partis — часть. Возьмём двух братьев. Один живёт в деревне — крестьянин, другой в городе — рабочий. Один — член крестьянской партии, другой брат — в рабочей партии. Крестьянская партия защищает интересы крестьянина, рабочая — интересы рабочего. Братья живут по-братски, хотя каждый состоит в своей партии. Так и партии не должны враждовать, вести борьбу.

Но деда никто не слушал. Наблюдатель из аграрной партии что-то писал в блокнот, наблюдатель из рабочей партии угрюмо косился на него.

Дело было на городском избирательном участке...

ЭПОХА ВОДОЛЕЯ

Девяностый год. Незнакомые философии... Свобода всем религиям, но разобраться в них нелегко.

Возле ДК собрались люди в ярких одеяниях.

— Ждите Эру Водолея!!!

Случайный прохожий слышал о бесчисленных концах света, новых пророках и единственных выходах из тупиков. Нужно лишь купить брошюрку и...

— Я думал, что эпоха водолея уже прошла...

— Не такого водолея — не политического. И не в нескольких странах она наступит, а во всём мире.

— Этого ещё не хватало! — и прохожий побежал, приговаривая: — то смотрю, всё старые лица. Опять строить заставят!

АРОМАТ БЕРЁЗОВЫХ ДРОВ

Помните, как плохо раньше ходили автобусы? Особенно сто второй...

Я часто опаздывал на работу. Потом приспособился ходить через гору. Тридцать минут — и Тракторная.

Зимой огорчал вид с горы: дымная мгла заполняла город до краёв.

Сейчас транспорта много. Забыл, когда последний раз

шёл через гору пешком...

Изнутри — из города, почти не заметно, что воздух полон выхлопных газов, дыма котельных. Но лёгкие заполняются нездоровым угаром...

С сожалением вспомнишь: раньше летом пахло цветами, зимой — позабытым дровяным дымком. Да пусть бы пешком через гору...

Впечатления

САМЫЙ МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК

Плохо живётся самым маленьким в классе! Лишь дома маленьким быть хорошо...

Но сегодня папа, накормив поросят, сказал маме:

— Пёстрый поросёнок совсем не хочет расти. Придётся его зарезать.

Родители ушли...

Мальчик обнял поросёнка и заплакал:

— Почему мы плохо растём? Из-за этого нас зарежут... Миленький поросёнок, неужели ты вправду не хочешь расти? Я очень хочу, но не знаю, как это сделать. Я и кашу ем, — мальчик поглядел на Тугаю, словно выбирая маршрут для побега. — Нам бы сбегать, да родителей огорчать не хочется.

ИНАЯ ЖИЗНЬ

Возле рентген кабинета ждали приёма десятка полтора страдающих. Тётянька в белом халате собрала направления. Иногда она выглядывала из двери и объявляла:

— Грудная клетка, заходи... Желудок, заходи! Челюсть, Челюсть!!! — заходи!

Нечто сюрреалистическое было в её будничном голосе; не хватало лишь сонного жужжания мух.

— Голень, заходи! — и Голень, заметно прихрамывая, по-

случно заходила.

Уставший от боли мужчина хотел было возмутиться, но махнул рукой — да ну их воспитывать...

— Череп! Заходи!

Череп — это я. Но я не возмущаюсь. Я знаю — здесь другие законы, иная жизнь.

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Николая Чепокова я встретил на автовокзале. На мне белый костюм, на Коле — порванный, но чистенький брезентовый плащ.

Наши философские разговоры прервал хмельной пенсионер, бывший директор известного в городе предприятия:

— Я всё тебе дам, только сними позорный плащ.

— Мне ничего не нужно.

Директор не успокаивался:

— Как это? На тебе рванный плащ! Пойдём ко мне — дам всё, что понравится!

— Ничего мне не нужно.

— Пойдём, хоть пива налью, — не унимался пенсионер!

— У меня всё есть, — и Таракай показал ему альбомные листы, краски, кисти.

ПРИМЕЧАНИЕ: Николай Чепоков (Таракай) — известный в Горном Алтае и за его пределами художник.

НЕМАЯ И НЕМОЙ

Задумавшись, я молча подаю номерок... также молча гардеробщица подаёт мне куртку.

— Спасибо, — машинально произношу я, забыв, что она глухонемая.

— Ой, я думала, что вы глухонемой, — с изумлением произносит женщина.

Я припоминаю, как всегда в сумрачном настроении, ни слова не говоря, брал куртку и молча выходил. Она меня принимала за немого, поэтому всегда обращалась ко мне жестами. Также жестами отвечал я.

Чёрствый человек — что глухой, — подумал я и поправился: — хуже глухого. Потому что глухонемые бывают весьма чуткими людьми. Постараюсь быть другим!

РАСКРЫТАЯ ТАЙНА КИНЕМАТОГРАФА

В выходной учащиеся вспомогательной школы с воспитателем ходили в кинотеатр. К малышам примкнул рослый восьмиклассник.

После фильма он с таинственным видом подходит к воспитателю и заговорщически — шепотом раскрывает секрет:

— Чёрт в кино был не настоящим! Я сам видел: у него рога были привязаны на верёвочке, — и подмигнул, дескать, мы-то знаем, но малышам ничего не скажем!

С видом превосходства восьмиклассник шагает впереди всех. Потом даёт щелбан малышу, азартно комментирующего гигантские прыжки нечистого, и снисходительно треплет его кудряшки.

Тайна кинематографа раскрыта.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

После митинга два ветерана-фронтовика наблюдают за детьми.

— Удивительный парадокс — порой в годы общественных переломов в исканиях старших поколений воплощаются идеи юности, обновления. Бунт молодёжи носит на себе печать упадка, дряхлости, распада и загнивания.

— Это характерно не только для нашей эпохи...

— Да, избитая истина... Но кажется, что теперь пропасть между поколениями особенно глубока.

— Но посмотри на детей! Всё же именно они — будущие победители! — счастливые слёзы засверкали на глазах собеседников.

Что-то заметили эти мудрые люди, глядя на детей? Им всегда виднее!

ЗАМАРАННОЕ ЛИЦО

В книжном магазине иностранцы выбирали книги: алтайскую поэзию. Было ясно, что они знакомы и с русской, и с алтайской литературой.

Зашли два небритых неряшливых парня. Один из них, окинув мутным взглядом прилавки, хриплым голосом спросил:

— Водка есть?

— Нет.

— Сигареты-спички есть?

— Нет.

— Зачем тогда такой магазин нужен? — в глазах парней я увидел совершенно искреннее недоумение и растерянность.

Иностранцы перестали переговариваться и с удивлением смотрели на пьянчуг. Какую память увезут иностранцы об Алтае: сборники стихов, красоту гор... или хриплые пропитые голоса?

ГДЕ СПРЯТАТЬСЯ ОТ ГАИ?

За долгую дорогу от Барнаула несколько раз останавливали из-за одной и той же неисправности автомобиля. Дважды оштрафовали.

Разъезд, нефтебаза... Трактовая... «Вот и родной город... Приеду домой — жена от радости прослезится, дети обрадуются. Попью чайку, гостинцы раздам, отдохну хорошенько, а после можно за автомобиль взяться...»

Но на центральном проспекте вижу на щите огромную надпись — красным по белому: «Мы ждём тебя дома!» и подпись: ГИБДД Горно-Алтайска...

«Никуда от них не деться... Даже дома достанут», — с тоской думаю я.

Где скрыться от ГАИ?

СТРАШНЕЕ МОРЯ

В городском парке на берегу речки-Маймушки пикник — десяток взрослых и детей.

Подкрепившись, отправились купаться. Впереди — цветущий мужчина.

Женщина спросила:

— Вы на море жили, говорят...

— На Охотском.

— Наверное, превосходно плаваете?

— Не пробовал. Но, думаю, получится.

Неуклюже вошел в воду, самоуверенно взмахнул руками. Вдруг, судорожно хватая пальцами воздух, он устремился к берегу.

— Горные реки, оказывается, страшнее моря: камни жуткие, течение бурное.

Зато какие рассказывал анекдоты!

Когда все купались, мужчина плескал на грудь немного воды, смущённо повторяя:

— Да... Горные реки страшнее моря.

АВТОВОКЗАЛ, ТАК ПОХОЖИЙ НА БАЗАР

До моего рейса полчаса. Брожу по автовокзалу, рассеянно блуждаю глазами по витринам, рассуждая, как хорошо стало жить.

Пристаёт женщина, вручая журнальчик со слащавой картинкой:

— Знаете ли вы, что Бог нас любит?

Прячусь от назойливой сектантки за киоском. Здесь никто не помешает.

Рядом оказалась цыганка. Она обучает восьмилетнюю дочку технике гадания. Девочка смеётся:

— Мама, неужели они поверят?

— Поверят! Эти глупцы и не такому верят!

Безграмотные крестьяне девятнадцатого столетия знали истину. А мы — просвещённые жители двадцать первого века? Куда бежим, кого слушаем?

СЕДАЯ ЛЮБОВЬ

Центральный парк... На скамейках студенты с книгами, играют дети у фонтана.

Старый человек с трудом опирается на костыли. Подходит немолодой мужчина. После короткого приветствия старик с костылями вдруг разрыдался.

— Старуха моя померла. Как мы любили друг друга! Вот здесь, на этом месте мы познакомились — готовились к выпускным экзаменам. Сюда и деточек наших водили погулять. Потом внуков. И всегда — вместе! Одно утешение будет — радоваться за этих влюблённых да вместе с младшенькой внучкой смотреть на этот фонтан. И слава Богу! Грех жаловаться.

Лики города

ХРАМЫ ГОРНО-АЛТАЙСКА

Чем отличается Кавказ от Алтая? Байкал от Телецкого озера? Спросите туристов, издалека приезжающих полюбоваться горными пейзажами, уникальными озёрами.

Паломники — не туристы. Они едут на Алтай из Новосибирска, Томска, Омска, Москвы почтить святыне храмы Божии.

Храмы Горно-Алтайска построены недавно — Преображенскому храму меньше двадцати лет. Отличаются ли они от православных храмов России?.. Но паломники видят таинственное единство и неуловимую уникальность каждого храма.

И едут паломники почтить Творца этого прекрасного мира, помолиться в храме преподобного Макария Глухарева, пройти по стопам святителя Макария Невского.

ТУМАННАЯ РЕКА

Романтик! Осуществил детскую мечту — окунуться в тучу. Случай удачный: горы покрыты низкими облаками.

Энергичный подъём, и я — внутри облака. Видимость — метр.

Меня ждало открытие и разочарование: облако — это просто густой туман.

Пора возвращаться. Горы знакомые: потеряться невозможно... Спуск — подъём, снова в гору, спуск — но вновь подъём... Заблудился?

Наконец увидел проблески небесной синевы. Туман опускается обрывками облаков, громадные реки тумана струятся между знакомыми горами к далёкому океану. Реки мелеют, обнажая улицы Горно-Алтайска. Город как на ладони. Светит солнце. Туманная река утекла.

НОВЫЙ ГОРОД

Как быстро забывается старый город...

Пытаюсь представить жилмассив без «Радуги», парк Победы без фонтана — не получается. Силюсь вообразить город без нового корпуса университета или старый драмтеатр — и не могу. Вместо нового «Разноторга» старый рынок представляется нереальным пустым местом. Асфальтированные тротуары и лежащие полицейские словно были всегда.

А вот долгостройной пристройки к гостинице будто не было — воспринимается она именно дырой, досадной помехой перед глазами. Закрыть бы дырку везде проникающим плакатом, да дырка слишком велика.

Но город всё прекрасней с каждым годом!

ДЕТСКИЙ ГОРОД

Сколько минут идти от Детской больницы до Парка Победы? Пятнадцать? Мне, учителю, и майминским десятилетним девчонкам потребовалось несколько часов.

Что за необычный город — стометровку не пройти за полчаса? Взрослые его почти не замечают. Зато дети готовы во дворе каждого дома опробовать все качели, скатиться с

каждой горки, обжить избушки.

Я старался лишний раз не напоминать, что родители беспокоятся. Ведь детская радость хрупка.

Насилу уводил от качелей, теремков. Но за углом — чудеса: выше горки, сказочнее избушки. И фонтан!

Это — детский город.

СОКРОВЕННЫЙ ГОРОД

Гора Черепан, что возвышается над Манжероком, — не самая высокая в округе. Но вид с её вершины превосходный. Катунь с бесчисленными островами... Рыбалка, Дубровка и Майма, Ая, Платово, Подгорное видны, как на раскрытой ладони. Я восторженно рассматриваю Синюху, Бабырган, провожаю глазами убегающий к Бийску Чуйский тракт.

Лишь Горно-Алтайска на этой ладони нет. Город угадывается по телевышкам и знакомым вершинам. Он прячется за грядой гор, желая показать себя лишь тому, кто приблизится, войдёт на его проспекты и улицы.

Сокровенный город, — понимаю я.

ЗВЁЗДНЫЙ ГОРОД

Я летел над полунощным Горно-Алтайском.

Ярче всех извилистая линия фонарей — Коммунистический проспект, главная артерия города. Огни магазинных фасадов потрясаяще походили на застывшие в небе кометы.

Чёткие пунктиры обозначили улицы: Чорос-Гуркина, Кучияка, Ленинская... Так похоже на созвездие, название которого я безуспешно силился вспомнить.

Завораживающий Млечный путь окраинных переулков, чей слабый отблеск знакомых с детства окон я узнал сразу...

Гасли звёздочки, эти разбрызганные капельки детских снов... Зато ярче засияла луна — главная площадь города. Я мягко спланировал на луну, удивлённо огляделся и... проснулся.

Великий город

УТОПИЯ

Где безликие пятиэтажки? Каждый дом — шедевр архитектуры. Ландшафты с горными цветами, искрящиеся в солнечных лучах фонтаны... Национальные мотивы придают городу неповторимость. А современный облик зданий предвосхищает двадцать первый век.

Молодые африканцы, европейцы, американцы учатся в вузах города. Как иначе? — в Горно-Алтайске своя авторитетная научная школа! Поэтому честолюбивым выпускникам незачем ехать в столицы и заграницы.

... Таким я представлял будущее города в годы перестройки. Такой он и есть — в небольшой пока что мере. Но всё впереди: свершения, грандиозное строительство, авторитетные научные школы.

НАША ВЕРА

— Китайские учёные предсказали жуткое землетрясение: в девяносто первом Горно-Алтайск под землю уйдёт, — судачат женщины на автобусных остановках и рынках.

— Да-а... Я — ладно, пожила. Детей жалко!

— Уехать?

— Тогда всем уезжать нужно? — но, несмотря на скепсис, я почти поддался упадническому настроению.

Но, несмотря на хаос в стране, жизнь налаживалась: дома строили, предприятия восстанавливали.

Спустя годы я понял, что пресловутого землетрясения не было потому, что жива вера, которая заставляет, не слушая лжепророков, сеять хлеб, закладывать парки, воспитывать детей и верить в провидение Господне.

Людмила Алтунина

Алтунина Людмила Дмитриевна (урожд. Егуекова), родилась в с. Кош-Агач. Детство и юность прошли в с. Майма. Затем — факультет журналистики Казанского государственного университета. Около сорока лет — в журналистике: в печатных СМИ, на радио. Много лет проработала в Тульском государственном университете; 18 лет была редактором многотиражной газеты этого вуза.

Автор и соавтор более десятка книг, активный участник литературно-творческих проектов. Печаталась в тульских, центральных, зарубежных и др. альманахах и журналах, в изданиях на своей малой родине; в сборниках международных конференций и др. Её творчество представлено и в Интернете, в т. ч. в электронном журнале «Живое слово» известного поборника русского языка В. Ирзабекова.

Замужем. Мать троих детей, бабушка восьмерых внуков. Живёт в Туле.

«ПОСМОТРИМ, МАМОЧКА, НА СИНЮЮ ЗВЕЗДУ...»

*Детям и внукам моим
посвящается.*

*«Восславим женщину — Мать, чья любовь не
знает преград, чьей грудью вскормлен весь мир!
Всё прекрасное в человеке — от лучей солнца
и от молока матери, — вот что насыщает нас
любовью к жизни».*

Максим Горький

Весна 2007 года выдалась крайне ранняя, дружная. Ещё десятого марта я повсюду; у домов, в полях, в лесу, на огороде видела снег, ещё по-зимнему белый-пребелый, искрящийся, слепящий глаза. И лишь глубокая, насыщенная голубизна неба, какая бывает только в марте, яркое, ясное солнышко, тёплыми своими лучами уже пригревающее кирпичные стены домов, да редкие, едва проклюнувшиеся проталинки на кочках, да ещё несмело вытекающие из-под снега ручейки талой воды говорили о приходе весны. Она необъяснимым каким-то чутьем угадывалась в свежести воздуха, в дуновении ветра, в моём внутреннем, неугасающем ликовании от ожидания ещё чего-то неясного, но непременно светлого и хорошего. Наверное, это состояние можно сравнить с пробуждением деревьев, которые весенний ток соков и силы жизни оживляет после крепкой зимней спячки и заиндевевости. Думаю, с приходом весны многие переживают нечто подобное. Меня же наполняют радостью и вот эти, первые, пока ещё несмелые, ручейки и их нежный, тонкий шёпот, и их торопливый, крадущийся под снегом бег неведомо куда.

Любовь к весенним ручьям, к движению талой воды у меня с детства. Часами могу бродить по ним или ходить вдоль их причудливых бережков, пробитых в толще снега, пускать «кораблики» — веточки, листочки, случайные бу-

мажки, фантики от конфет — и представлять себя на берегу родных алтайских рек моего детства — Катунь и Майму. Именно там пролетели-пробежали весёлые, беззаботные, счастливые денёчки. И, кажется, берега те до сих пор хранят и наш звонкий детский смех, и шлёпанье босых ног по прохладным, тенистым, гладким песчано-глинистым дорожкам, петляющим вдоль берега среди высоченных тополей, и азартные заплывы с гиканьем в бурной, ледяной протоке Катунь наперегонки до «того берега», и ныряния с крутизны в обжигающие холодом бирюзовые воды Катунь, берущей начало с ледников алтайского высокогорья, с отрогов самой высоченной в Горном Алтае горы Белухи, почитаемой, овеянной древними легендами и мифами немногочисленного коренного народа — алтайцев, чья кровь течёт и в моих жилах.

Местные сказители — кайчи — мастера уникального гортанного пения посвятили немало сказаний и непреступной, величественной в своём белом безмолвии, сияющей снежными вершинами горе Белухе — Ак-Кем по-алтайски, — и дочери её, стремительной, зеленокудрой красавице Катунь. И я свято храню и несу в душе свою малую родину, её дух, её традиции и поверья. И перед внутренним взором моим день и ночь несёт свои быстрые, талые, ледниковые воды изумительная Катунь; высятся горы со скалистыми отрогами и слышится особенный, сравнимый лишь со свистом горного ветра в расщелинах, шумом падающих со скал хрустальных водопадов звук национальных алтайских музыкальных инструментов — комуся и топшура.

...Для меня пропустить мартовские весенние ручьи, как и майское цветение черёмухи и сирени, в ароматные гроздья которых люблю зарыться лицом, — значит потерять год. В детстве, помнится, тёплыми весенними вечерами сидела с мамой на крылечке нашего деревянного дома, рубленного из кедра моим отцом, подставив лицо лёгким дуновениям ветерка, и всей грудью вдыхала аромат низко наклонившихся над нами, буйно цветущих черёмухи и сирени. Мама не-

громко, мелодично и протяжно пела своим грудным голо-
сом о степи, где замерзал ямщик; об атамане Стеньке Разине,
бросающем за борт челна в Волгу раскрасавицу княжну; о
бродяге, бегущем с Сахалина «густой, неведомой тайгой, зве-
риной, узкою тропой...»

Мама частенько вспоминала, как когда-то, ещё до Второй
мировой войны и во время неё, она со своей мамой, — моей
бабушкой, Марфой Сазоновной Леонтьевой, — да с моло-
дыми своими тётками Клавой и Груней, её ровесницами; с
родными сёстрами Женей и Соней сидели вечерами на кру-
том берегу Катуня, пели на три голоса русские старинные
народные песни, коих знали великое множество. А были они
замечательными певуньями, славящимися пением на всё
их большое высокогорное село Инегень. И каждая из них,
юных, ещё незамужних, мечтала о своём счастье; чтоб муж
был работающий, уважаемый среди односельчан, да чтобы
детки росли здоровыми и сытыми. Мечтали о нём, о счастье-
то, и во время войны, трудясь, не покладая рук, для Победы
и лишь далеко затемно урывая времечко для песен у Катуня:
«Вот кончится война, и мы, и все люди заживём, наконец, ве-
село и счастливо...». Песня помогала выживать и, казалось
им, приближает его, счастье-то...

Слушала я маму, вдыхала весенний аромат, вбирала в
себя всю эту красотушку вокруг: и передо мной, в цветущем
саду, и надо мной, в небесах. Сердце моё одновременно на-
полняли разные чувства: лёгкая грусть и радость, и такая не-
истовая, безмерная, щемящая любовь и к маме, и ко всему
вокруг, что словами её выразить было невозможно; и слад-
кая истома, и неясно откуда нахлынувшее ожидание чего-
то доброго, счастливого, и вера в то, что всё это непременно
случится в моей жизни. Пропустить мартовские ручьи
и весеннее цветение черёмухи и сирени с тех пор для меня
значит — не увидеть что-то главное, крайне важное, не при-
коснуться к какому-то необъяснимому таинству природы,
её пробуждению, наполняющему всё моё существо силой,
жаждой жизни, ощущением своего единения со всем жи-

вым и сущим на земле, счастья от осознания того, что и сама являюсь крохотной и вместе с тем незаменимой вселенской частицей, созданной Творцом на Земле, как все и всё в мироздании.

...Вот с этой-то радостной мыслью о встрече с весной, с надеждой отдохнуть от городской суеты, побродить по запутанным «каньонам» мартовских ручьев я и приехала вновь в тульскую глубинку спустя две недели. И каково же было моё удивление и разочарование, когда, ступив на деревенскую землю, я не увидела привычного март: нет ручьев, не слышно их торопливого, разноголосого лепета. Не почувствовала и неповторимого, ни с чем не сравнимого, едва уловимого запаха грязно-рыхлого, талого снега. Вместо этого – просохшие дороги, по которым ветер гонит клубы пыли. «Ничего, — мысленно утешила я себя, — это в самой деревне так, а уж в полях, а тем более в лесу, я отыщу март». Но и там я его не нашла.

В поле, в лесу, в садах и берёзовых аллеях, разбивающих на огромные прямоугольные квадраты бесконечные, когда-то совхозные, а теперь непонятно кому принадлежащие яблоневые сады, — всюду сушь, какая может быть только в конце апреля – мае. Прошлогодние мягкие травы до того сухие, что шуршат и крошатся под ногами в мелкую пыль. И среди усохших трав рядом с помертвевшим своим сородичем-татарником нет-нет да и попадётся только-только народившийся из-под земли малыш. словно бархатный, насыщенно-зелёный, разметав по земле в разные стороны первые свои ажурные удлинённые листочки, он очень смахивает на морскую звезду. Наклоняюсь погладить его по этой бархатистости, но ой-ой! Какие острые и колючие уже иголочки – не тронь! Вот тебе и малыш-татарник!

Набухли почки на деревьях, вот-вот проклюнутся, а верба уже в пушистых своих жёлтеньких «цыплятках». Я собираю их в небольшой букетик для первой своей трёхлетней внучки Леночки. Поставим дома в воду, и на них скоро появятся нежно – салатные узенькие листики.

Поют и щебечут птички, правда, не так многоголосно-дружно, как это бывает в мае. Истошно кричат грачи, облепив чёрными гроздьями чёрные же большие прошлогодние гнёзда, которые они собираются «узаконить» и обновить для выведения потомства. Всюду – жизнь! Природа поёт величальную весне!

Медленно-медленно бреду по аллее. Разглядываю каждую проклюнувшуюся травинку, копошащихся после весеннего пробуждения всевозможных жучков-паучков, божьих коровок, муравьёв, уже успевших проложить свои, только им ведомые дорожки на прогретой земле и бойко взбирающихся по тёплым от солнечных лучей стволам берёз куда-то высоко вверх, к самому поднебесью. Провожая долгим взглядом беззаботно порхающих то расцвеченную в чёрно-красных тонах бабочку-цыганку, то ярко-жёлтую лимонницу.

С двух сторон меня дружелюбно и плотно обступают берёзы, высокие, стройные, знакомые. Поздней осенью, в конце ноября, я бродила здесь же и прощалась с ними до весны. Удивительно, у порога стоял декабрь и Новый год, а я в аллеях находила какие-то мелкие грибочки и даже ярко-жёлтые сырешки. Наверное, так и ушли они под снег со своими лимонными шляпками. И вот мы снова встретились с берёзками, я разговариваю с ними, как с живыми, да они и есть живые! И у меня есть здесь друзья-приятели — берёзки-«козлики». Их две, побольше и поменьше, причудливо согнутые природой почти под прямым углом. Но, несмотря на своё уродство, или вопреки ему, каждую весну облачаются и они в нежную горьковато-пахучую, липковато-блестящую зелень первой листвы.

Пережили ещё одну, тридцать третью, зиму, как приехала я сюда, в этот край, в центр России – на малую родину моего мужа, как брожу я здесь среди лесов, аллей, полей и лугов и успела полюбить всю эту среднерусскую красоту. Вот здесь, среди этих берёзок, гуляла я со своими маленькими тремя детьми. А летом, уезжая в отпуск в свой родной Горный Ал-

тай, брала их с собой. И они, как и я, когда-то с моим старшим братом Володей, подругами и друзьями, любили купаться в Катуні до изнеможения, бегать по прибрежной гальке, колющей и щекочущей подошвы босых ног, ходить в горы за ягодами. А вечерами очень любили сидеть со мной, как мы, бывало, с моей мамой, на крылечке нашего родительского дома, смотреть в темнеющее небо. Я отыскивала созвездия, звёзды и планеты, показывала их детям и рассказывала о них слышанные мною ещё в детстве и юности легенды или тут же сочинённые мною короткие сказки-импровизации. Притихшие, приобщённые к чему-то сакрально-величественному, вечному, мы с замиранием сердца наблюдали за таинством ночного преображения в мироздании. Вот всё отчётливее на тёмно-синем небосклоне, постепенно чернеющем, обозначается из нечто белёсого, похожего на утренний туман, загадочный Млечный путь, зовущий унести́сь по нему в эти бесконечные звёздные пространства. Вот над острыми вершинами дальних гор, далеко-далеко, за горой Становой, загора́ется голубым, искрящимся огоньком моя Венера – синяя звезда, вернее планета, приветствуя её появление, машем ей руками.

С нашего крылечка видно размытое сумерками, заросшее берёзками, тополями да соснами кладбище на пригорке, за селом Майма, у горы Лазарюхи, где уже давным-давно покоятся мои отец и мать — дедушка и бабушка моих детей, которых они даже и не видели. И мы в полной тишине, замерев, затаив дыхание, следим, как восходит над могилками, выкатываясь из-за горы Лазарюхи, ярко-оранжевый, идеально круглый диск луны, похожей на громадный апельсин, и медленно плывёт по небосклону, поднимаясь всё выше и выше, освещая окрестности ровным, призрачно-таинственным, грустным светом. Тишина. В этой кажущейся абсолютной и замеревшей ночной тишине до оглушающей пронзительности усиливается звон кузнечиков в траве, в саду, на поляне возле дома и у крыльца. Но он не нарушает тишины, а, кажется, наоборот, усиливает её своей монотонной пронзи-

тельностью. И мы – в слиянии, в гармонии со всем этим миром. Становится светло, как днём, – июльское полнолуние. А после, к середине августа, алтайские вечера и ночи станут крошечными-чёрными, прохладными и менее уютными.

...Дети мои выросли. Выросли и берёзы. И теперь моей внучке три годика, как когда-то было её маме – моей старшей дочери Елене, которая очень любила ходить со мной по вечерним аллеям и любоваться «ЗездойИнелой», как она говорила. И маленькая моя внученька, как когда-то её мама, запрокинув голову и от сосредоточенности и всепоглощённости галактической бесконечностью – бездной приоткрыв ротик, стоя на крылечке другого деревенского дома, находящегося за тысячи километров от Горного Алтая, отыскивает в небе мою, а теперь и её, заветную, любимую «синюю звезду», – всю ту же планету Венеру. Леночка так и говорит: «Мамочка, посмотри, а вон показалась моя синяя зезьда»... Она раньше всех появляется на небосклоне вслед за ярким рожком полумесяца в таком необыкновенно глубоком, насыщенно-синем и прозрачном мартовском небе. Лена смотрит на неё, затаив дыхание, долго и пристально, а потом спрашивает: «Мамочка, а это и тья синяя зезьда? И папина? И бабы Людины? И дедушкина? И бабушки сталенькой? – так зовёт она свою прабабушку, мою свекровь, ставшую мамой и мне, – и Никина? И Диминая? – Не забывает она своих тётю и дядю, – и нашего Маинького?» Маленький ещё не появился на свет, и Леночка прикладывает ушко к округлившемуся маминому животу: «Он тозе её видит?» Получив утвердительные мамины ответы на все вопросы, она задумывается. А потом убеждённо и радостно восклицает: «Это Боженькина зезьда! Он доблый, всех любит и подалил синюю зездочку нам, чтобы мы всегда на неё смотрели и тоже были доблыми и всех-всех любили, плавда, мамочка?»

— Правда, доченька...

...Венера ещё долго-долго будет заглядывать к нам в кухонное окно. И мы все трое; дочь, я и внучка, выключив свет, чтобы яснее видеть нашу звезду, будем смотреть на неё и ма-

хоть ей рукой. Да, это — и моя звезда, моя яркая, голубая планета Венера, ещё с моего алтайского детства выбранная мною на небосклоне и любимая мною, сопровождает меня повсюду. В Горном Алтае она глядела — и глядит до сих пор — в окно моей спальни. Лежишь, смотришь-смотришь на неё, да так и заснёшь, тихо, умиротворенно и глубоко, с лёгкой душою и лёгкими снами, в ладу с собою и со всем окружающим миром. Я приветствую её появление по утрам и по вечерам: «Здравствуй, моя дорогая, вот и снова мы увиделись...» А, уходя с улицы в дом, прощаюсь с ней, помахав рукой, с любовью тихим шёпотом произношу: «До свидания, моя хорошая, до завтра! Свети моим детям и внукам, как светишь мне, храни их...». И думается мне, что когда я уйду навсегда с этой прекрасной и так горячо, до самозабвения любимой планеты Земля, она всё так же будет светить: уже не мне — другим. И щемяще-грустно от того, и просветленно-радостно, что среди этих «других» — мои дети и внуки, которых я передаю, дарю мою синюю звезду...

В этом — смысл, великое таинство бытия человека на земле.

В этом и заключено счастье — Жизнь, данная Богом человеку на земле в бесконечном её продолжении — преемственности поколений, преображении, обновлении и совершенствовании.

...Когда-то, ещё в университетские годы, в период моих мучительных размышлений о смысле жизни, о своём предназначении на земле, о счастье я задала в письме эти вопросы моему отцу — землеустроителю-геологу, заядлому охотнику и рыбаку. Он много повидал, испытал и пережил на своём веку, как и всё его поколение. Вспоминал, как в тринадцать лет был ямщиком на Чуйском тракте, потом — избачём. Учась в Томске на землеустроителя, был среди студентов курса единственным алтайцем, приехавшим в большой город из горного села Чепош в телячьем полушубке. Городские ребята подсмеивались над ним, но он сумел завоевать среди них

авторитет и даже стать неформальным их вожаком. Многие студенты жили тогда впроголодь, и под предводительством папы они ходили по ночам разгружать вагоны за пригоршню зерна или крупы. Из крупы варили суп, а зерно слегка поджаривали и ели вместо хлеба. Он долго работал на различных руководящих должностях, но больше всего любил тайгу и горы, поэтому полжизни провёл в геологоразведочных экспедициях. Вдоль и поперёк исходил весь Горный Алтай и Восточный Казахстан. Устанавливал на вершинах алтайских гор тригонометрические вышки. На одной из гор близ села Сугаш такая вышка сохранялась до 90-х годов минувшего века. Может, и до сих пор там стоит. Хотя и обрусевший, крещённый в православную веру, женившийся на русской, отлично владевший русским языком, как и алтайским, глубоко в душе он оставался всё-таки алтайцем-кочевником. Заядлый охотник и рыбак, свято чтит древние законы своих предков-охотников, скотоводов и рыбаков, орешничал. Имел большое домашнее хозяйство: скот, птицу, охотничьих собак-лаек, огород, сад, всё мастерил своими руками. Довольно образованный для своего времени и партийный, любивший играть в шахматы, а также на гармошке, гитаре и балалайке, петь русские народные песни вместе с мамой и в компании, он не мог быть без тайги и гор, без кочевой жизни на лошадях и свободы.

Многие исторические, переломные события в судьбе страны, пришедшиеся на его юность и зрелость (30-70-е годы прошлого столетия), не обошли и его, как и весь наш род. И папа никогда не стоял в стороне, а был активным их участником. Такой активной жизненной позиции он требовал и от нас, его детей. Он был довольно жёстким и очень стойким человеком, крепко стоявшем на ногах. И мне даже не верилось, что такой человек может состариться, ослабеть, заболеть, умереть. Я очень его любила, и он во мне души не чаял. Гордилась им и своим родом. Тогда я считала, что мой папа уж точно знает, что такое счастье и в чём смысл жизни: для чего рождается и приходит на землю человек, поэтому и

спросила его об этом в письме.

И сейчас дословно помню отцовский ответ: «Дорогая моя, донюшка, ты задала мне очень важные и непростые вопросы: «Папа, в чём смысл жизни? Что такое счастье?», — писал он в письме. — Хорошо, что они тебя волнуют — это верный путь, чтобы стать человеком... Вот, представь себе: сижу я сейчас, ночью, один-одинёшенек в глухой тайге, у самого подножия высокогорных белков, возле палатки, у костра. Забрался так далеко и в такие дебри — сгинь, и следа не найдут. Но нигде, никого и ничего не боюсь, потому что я — на своей родной земле. И живу честно.

...Прошёл сильный дождь, кругом сыро, темным-темно, прохладно и пасмурно, и очень тихо, только где-то в глубине тайги тревожно вскрикивает ночная птица и ухает филин. С кедрача капают крупные капли, сильно пахнет тайгой, к костру крадётся туман. Грызу сухарик и на планшете пишу карандашом тебе письмо при свете от костра. Но я счастлив, потому что у меня есть любимая семья: вы — мои дети, Вова и Люда. И тоже любите меня. Когда бывает невмоготу, сяду где-нибудь под кустик или привалюсь к дереву, или на скалу заберусь, смотрю вдаль, на хребты родных гор и думаю о вас, о маме нашей, мысленно разговариваю с вами и представляю, как приеду, и вы будете меня встречать, какие таёжные гостинцы вам привезу, и легче становится.

Вы в больших городах получаете крепкие знания, выбрав по сердцу будущие профессии, стремитесь к свету, выходит, пойдёте дальше вашего папки. И это радует и согревает меня; значит, прожили мы с мамой не зря — оставили свой след на земле. Значит, наши любимые детушки будут лучше нас — в этом огромная доля счастья. Так и должно быть: дети должны быть лучше своих родителей, идти дальше, иначе не будет доброго развития, и народ выродится. Это — одно крыло, как у птицы, но с одним или с перебитым крылом птица не может летать. Есть место, где ты родилась и выросла, никогда не забывай его, как бы ни сложилась твоя жизнь. Это — второе крыло. Есть наша большая страна, где мы все

живём. Это – тело птицы. Есть природа и мир вокруг нас. Это – голова птицы. Но и это не всё: чтобы ожила она, есть дух. Тогда птица взлетит высоко и долго — долго будет парить, как беркут...

Надо стремиться к тому, моя ненаглядная, чтобы становиться лучше во всех отношениях, главное же – внутренне, духовно; чтобы приносить пользу не только себе, но и другим людям, своей стране, и жизнь твоя будет полнее, интереснее, содержательней и счастливей. Ставь цели и достигай их, обогащай себя знаниями и развивайся духовно, не забывая о Боге.

...Вот во всём этом: Семья. Дети. Родина. Родные места. Живая природа. А какая красивая она у нас в Горном Алтае, сама знаешь. Я всю свою жизнь налюбоваться на неё не могу. Духовность и цель, — когда они с тобой все вместе и ты – с ними, в этом, по-моему, — смысл жизни и счастье...»

Оставайся с Богом.

Твой любящий папа.

Юлиана Семеновна Молчанова

Я родилась летом 1976 года в г. Душанбе, в Таджикистане. С 1992 года живу на Алтае. Закончила музыкальное училище в Бийске, музыкальный факультет Бийского педагогического института, а потом Институт культуры и искусств в Барнауле. Работаю в музыкальном колледже г. Бийска. Работу свою люблю до такой степени, что в 2011 году аж стала лауреатом Краевого конкурса «Лучший работник культуры года» в номинации «Лучший педагог».

Но люблю я не только работу, конечно. У меня прекрасная семья, удивительные друзья и довольно разноплановые творческие интересы.

Стихи пишу лет с пятнадцати. А в конце девяностых родился совместный творческий проект с художником Алексеем Дмитриевым (г. Горно-Алтайск), который мы представили в нескольких городах в форме выставок (картины + стихи).

Своей главной творческой деятельностью считаю жизнь во всех ее проявлениях, а основным объектом внимания в настоящее время – счастье в предлагаемых обстоятельствах. Считаю, что оно – дело рук (мозгов, души и т. д.) самого человека. И всем его желаю.

Осень

Очень рационально, без слез
и пустых сожалений
Растворилось в дожде
золотистое летнее марево.
Осень – мудрое время итогов
и новых решений,
А не сонной, туманной печали
тягучее варево.

Городские трамваи,
набитые строгими лицами,
Проплывают вразвалку,
от мокрых дорог отражёнными;
Закружились проблемы вокруг
разноцветными листьями,
Разгрести бы успеть,
чтоб не канули в снег нерешёнными.

Кто с простудой, в носках шерстяных;
кто-то в Болдино – с музами;
Кто-то мастером станет;
а кто-то останется нытиком.
Осень – время итогов,
а не помидоров с арбузами –
Золотая пора для поэтов
и для аналитиков.

2003 г.

Воспоминания

*Память, словно чудо-колесница,
Время поворачивает вспять,
Образов покорных вереницу
Начиная в сердце воскрешать.*

*Стоит только потянуть за нити,
Колесо вращается, и я
Вижу: тени прожитых событий
Возникают из небытия.*

*На мгновенье, озарившись светом,
Цепь воспоминаний оживет
И опять надолго канет в лету.
...Колесо вращается вперед.*

Воспоминание о полнолунии

*Усталости холодная стена
Уткнулась в пустоту оконных стекол,
Сковала ночь огромным желтым оком
Над головой нависшая луна.*

*Багровой тенью замкнутого круга
Бессилье застигает небосвод,
Но ты со мной, и значит всё пройдет –
Тоска и боль, спелёнутые туго,*

*Тревожный сон, душевные метанья,
Висячий мост над зимнею рекой...
Оттаает. Схлынет. Снимет, как рукой;
Останутся одни воспоминанья.*

*И снова открывающийся путь
Наполнит сердце радостью безбрежной,
И обернется кругом бережным
Свободная от полнолуныя суть.*

Над городом

*Дремлет город в дыму и в пыли,
Предрассветной окутан печалью,
Разомкнув притяжение земли,
Я над городом утро встречаю.*

*От касания первых лучей
Обновляются мысли и воздух,
Доверяясь улыбке твоей,
Я купаюсь в бледнеющих звездах.*

*Облаков бело-розовый пух
Гонит ветер привычно и смело,
Наполняя сиянием дух
И упруго звенящее тело.*

*Окунувшись в чарующий свет,
Пробуждаются краски и звуки,
И меня обнимает рассвет,
Как горячие, нежные руки.*

Зазеркалье

*Миллионы отражений
В лабиринтах зазеркалья:
Игры света, шутки тени –
Как в магическом кристалле.*

*Пустота и неизвестность
Бесконечных коридоров,
Повороты и ступени,
Сотни выходов и входов;*

Капель падающих звуки,
Стук шагов и сердца трепет;
Где-то мельком лица, руки,
Чьи-то взгляды, силуэты...

Накрывает, как вуалью,
Иллюзорность наваждений –
В лабиринтах зазеркалья
Миллионы отражений.

Чтоб увидеть мир реальным,
Помни, стоя у порога, –
Только став само зеркальным,
Сердце отражает Бога!

Он себя в тебе увидит,
И узнает, и поверит;
И души живые нити
Распахнут глаза и двери;

И тебя уже не ранит
Звон сверкающих осколков;
Их бесчисленные грани –
Стражи тайн на дальних полках.

В лабиринтах зазеркалья
Миллионы отражений
В масках смеха и печалей...
Лишь одно – без искажений.

Сплетенья судеб, лиц, имен,
Существований ручейки –
Земного времени закон,
Течение одной реки.

Людских страданий кутерьма
Заключена в порочный круг,
И не понять, где свет, где тьма,
Не различить, кто враг, кто друг.

И плач, и смех, терзая грудь,
Сливаются в единый рёв,
Ни повернуться, ни вздохнуть
В тугих объятьях берегов.

Мелькает за струей струя,
Бурлит и пенится поток.
В стеклянной колбе бытия
Струится времени песок...

Он погребает под собой
Минуты, месяцы, века, ...
Но то, что названо судьбой,
Не может обойти река.

Алима Корчагина

Появилась я в этом мире из звёздных миров...

Появилась я в э том мире недалеко от моря Азовского. Это было самое красивое место на свете.

Затем была учеба в институте инженеров транспорта в Харькове, работа инженер — экономистом. Тут родилась моя семья.

После окончания учёбы мужа уехали на Алтай, жили в высокогорном посёлке Акташ. Работала в оформительской мастерской при ДК, затем в школе искусств на художественном отделении.

Приехав на Алтай, я попала в сказочную страну. Можно было по крутой дороге, пройдя пару километров, попасть из лета в весну...

А на высокогорных альпийских лугах — калейдоскоп цветов. Тут и флоксы, и пионы, водосбор и эдельвейсы, а выше — разноцветные и яркие камнеломки. А ещё выше — причудливые вершины, а ещё выше плывут облака. В Курае, если уйти к Чуе, то появляется ощущение, что ты в центре Земли,

а вокруг амфитеатром горы. А Курайская степь! Необъятная, с запахом полыни, с фантастическим снежным хребтом на горизонте. Горный Алтай — это драгоценное украшение нашей планеты, это самое красивое место на Земле!

Теперь живу в предгорье, недалеко от Горно-Алтайска. Это уникальное место с родниковой водой, со своим микроклиматом. С северной стороны — скалистая гора, а на ней дуга с разнотравьем и цветами. К югу в метрах в трёхстах — царица Катунь, а за ней горы, а за ними ещё горы... и ещё... и ещё...

Если ходить с начала весны до осени к Катуни, то можно увидеть, как она меняет свой цвет от коричневого, жёлтого, зелёного и, наконец, осенью становится бирюзовой, и в этой бирюзе купается золотое отражение берёз. Одно из окон моего дома смотрит в сторону Катуни, а я смотрю в это окно, а там живёт целый мир. Окон у меня много, и в каждом свой мир и поэтому невозможно было не взяться за кисти и краски, и теперь моё увлечение — это живопись. Вместе с сыном мы занимаемся изготовлением сувениров.

У нас летом останавливаются Путешественники из России, Белоруссии, Грузии, Украины, Франции, Аргентины, Дании и Казахстана. Мы многому у них учимся и делимся с ними своими навыками в творчестве. Все они, увидев нашу горную страну, влюблялись в неё и мечтали снова побывать здесь.

Я понимаю, что живу на самой красивой планете А ещё тут очень близко звёзды, и мне захотелось поближе с ними познакомиться, узнать их имена, созвездия, легенды о них. И получила я в подарок подзорную трубу, лазерную указку и карты звёздного неба. И когда в безлунную ночь смотришь на размытый диск Туманности Андромеды, на пушистый одуванчик сверхновой звезды в созвездии Персея, на туманности Ориона, на мириады звёзд созвездия Плеяд — захватывает дух ... и понимаешь, что самое красивое место увеличилось до размеров необъятной Вселенной.

Путешествие алтайского кедра

Давно-давно, далеко-далеко, высоко-высоко в горах, где уже кончаются альпийские луга, где снежные вершины гор кажутся совсем рядом, где не растут деревья, а только карликовая берёзка, где разбросаны яркие самоцветы-цветы камнеломок, струился маленький хрустальной чистоты ручеёк.

И так случилось, что на его бережок упал кедровый орешек. Откуда он взялся? Это птичка кедровка собирала орешки, и её спугнул беркут. Она быстро стала улетать выше и выше в горы и там выронила кедровый орешек. Беркут, потеряв её из виду, улетел. Улетела и кедровка.

Орешек раньше жил в своём домике-шишке и ничего не видел, а тут был целый мир звуков и красок. Недалеко рос золотой корень, он кивал ему жёлтой головой, словно приглашал: «Добро пожаловать!».

Цветы ему приветливо улыбались.

Днём ручеёк становился полноводней и поил его водой, а осеннее солнышко согревало.

Вскоре осень ушла. Всю зиму орешек проспал под снегом. Затем наступила весна, и он, напившись талой воды, пустил корешок и росток. А позже крепко ухватился корешком за берег, а росточком тянулся в небо – днём к солнцу, а ночью к звёздам.

Спустя время он стал самым большим среди окружающих его растений. Часто прилетал к нему ветер, который летал везде – мог залететь на самую высокую вершину горы и посмотреть на весь мир с высоты. Мог слететь в долину и там танцевать с цветами, а мог умчаться в тайгу, разбудить её, раскачать вершины могучих деревьев, и когда начинала звучать музыка леса – он становился дирижёром этого оркестра.

Ветер обо всём рассказывал своему маленькому другу. И однажды сказал ему, что он — кедр, вернее кедрёнок, что да-

леко внизу растут его братья, они большие и могучие, что у него есть двоюродные братья и сёстры: ели, сосны, дубы, клёны, берёзы...

По вечерам, когда ветер засыпал в траве, и умолкали птицы, кедрёнок смотрел на звёзды и грустил.

— Почему ты грустишь? — услышал он голос. Это было НЕБО, оно иногда говорило с ним.

— Я очень хочу увидеть другие деревья.

— Всё будет хорошо, ты скоро увидишь...

Кедрёнок не представлял себе, как это может случиться, но верил НЕБУ и спокойно засыпал под колыбельную ручья и шёпот звёзд.

И вот однажды вечером разыгралось ненастье. Налетели грозовые тучи, сверкали молнии, пошёл сильный ливень. Вскоре ручей превратился в бурный поток. Кедрёнок стоял наполовину в воде, цеплялся корнями, стараясь не упасть, но поток подмыл его корни, подхватил и стремительно понёс вниз.

Наступила ночь, стало очень темно. У ночи было много темноты, она заполняла её всё. Кедрёнку было страшно. Он ничего не видел, слышал только шум потока, раскаты грома. Хотя нет! Он слышал слова ветра, летящего следом за ним: «Не бойся, это всего лишь путешествие...».

Вскоре поток встретился с полноводной рекой, течение стало спокойнее, грозовые тучи улетели за горизонты. С неба заструился звёздный свет. Кедр заметил, как звёзды, отражаясь, мерцают в воде. Он подумал, что это небо купается в реке, успокоился и заснул.

А на рассвете увидел деревья, росшие по берегам. Они были все разные: большие и маленькие, высокие, стройные и низкорослые, раскидистые. Некоторые из них росли у самого края берега, и их свисающие ветви чуть касались воды. Кедр, проплывая мимо, спросил:

— Вы кто?

— Мы — ивы, — отвечали они.

А в воде под кедром проплывали серебристые существа.

— Вы кто? — спрашивал он.

— Мы — рыбы, — отвечали они.

Оглядываясь назад, он замечал, что заснеженные вершины гор постепенно удалялись, и вскоре их уже нельзя было разглядеть. А вечером кедрёнок снова загрустил.

— Почему ты грустишь? — спросило НЕБО.

— Я очень хочу стать большим деревом.

И НЕБО ответило:

— Всё будет хорошо, ты вырастешь.

— А как? — хотел спросить кедр, но вспомнил, что НЕБУ нужно просто верить и спокойно уснул.

Проснулся утром от толчка и увидел, что течением его прибило к пологому берегу. Ура! Кедр попытался ухватиться корнями за землю и встать, но это у него не получилось. И в этот момент к нему подошли.

— Это люди, — сказал ветер, который почти всегда был рядом.

Пришедшие были братьями и спустились к реке набрать воды. Они с отцом косили на этом лугу траву, заготавливали сено.

— Посмотри, — деревце, наверное, сосёнка, — сказал один.

— Я — кедр! — сказал кедрёнок, но его никто не услышал.

Пришёл отец и объяснил, что это кедр, так как у него из каждой почки растёт не две хвоинки-иголки, как у сосны, а пять.

— Посадите меня, заройте мои корни в землю, — попросил кедр.

— А давайте, мы его посадим! — сказал отец, словно услышав просьбу.

И посадили они кедр возле одинокой берёзки. Берёза очень обрадовалась, что теперь не одна. Кедр подружился с берёзкой. Прилетал часто ветер, приносил приветы с альпийских лугов, заснеженных вершин, от ручейка, на берегу

которого он когда-то рос.

Шло время, вырос кедр большой и могучий. Весной берёза украшала себя серёжками, осенью надевала золотистое платье, а кедр оставался всегда зелёным.

Однажды весной он зацвёл, и к концу лета в его ветвях выросли ароматные, смолянистые шишки. Кедр всех ими угощал, радовался, но наряду с этим и грустил.

— Ты опять грустишь? — спросило НЕБО.

— Я очень хочу, что бы из моих орешков выросли другие кедры.

— Вырастут! — ответило НЕБО.

И вот прилетела кедровка и принялась за работу. Она целыми днями разносила орешки в подлесок и зарывала их в землю...

Через годы тут выросла кедровая роща. Кедр был счастлив и благодарен всем: и кедровке, и ручейку, и ветру, и трём братьям с отцом, берёзке и большой реке, горам, цветам и травам, солнцу и звёздам... и, конечно же, НЕБУ.

Ирина Евдокимова

Родилась 24 января 1973 г. в г. Горно-Алтайске. Окончила школу, училась в Новосибирском швейном училище. Некоторое время трудилась по специальности на дому. Работала в Республиканском национальном музее имени А. В. Анохина.

Первые стихи начала писать в тринадцать лет.

Печаталась в периодических изданиях: «Звезда Алтая», «Сельчанка», «Листок».

Изданы: детские авторские книжки: «Дружная компания», «Весёлый калейдоскоп»;

Ирина – одна из авторов сборников: «Повозочка», «Майма литературная», «Я сердцем чувствую стихи», «Отражение веков», «Параллельные миры», «Снова память распахнута настежь», «Пусть откроется жизни страница».

Я люблю свои просторы,
Я люблю свой дивный край:
Эту реку, эти горы,
Этот царственный Алтай!

Я люблю свои долины,
Ели, в травах огоньки.
Он возник, как из картины,
Голубой, как васильки!

Мой Алтай, ты так мне дорог!
Что тебе мне подарить?
Я за реку и за горы
Буду век благодарить!

Речка Катунь

*Здесь течёт моя реченька, речка Катунь,
Я люблюсь тобою, родная.
Май проходит, за ним наступает июнь,
А у реки конца нет и края.*

Припев:

*Ой, ты речка, речка Катунь,
Жжёт сердечко тёплый июнь.
Хлебом, солью, встретим друзей,
Приезжайте в гости скорей!*

*Пусть обиды обходят меня стороной,
Мне итак в этой жизни досталось,
но сюда я приду, и склонюсь над рекой,
Здесь когда-то я с детством прощалась.*

Припев:

*Нету края на свете родней и милей,
А какие леса здесь и горы!
Вы бросайте дела, и сюда поскорей!
Посмотрите на наши просторы!*

О любимой Майме

*Майма, позволь тебя нарисовать,
Такую, как во сне рисую часто.
Словами это вряд ли передать,
а мысленно не пожалею краски.*

*В тебе такой простор, такая мощь!
Стою, люблюсь, затаив дыхание.
И чувствую пронзающую дрожь,
И радуюсь искусству рисования.*

*Красавица! Укутана в меха!
Искусница, достойная оваций,
Что даже реки, горы и леса,
Не устают тобою любоваться.*

*Ты — женщина, и — любящая мать,
И мы — тобой воспитанные дети.
Майма, позволь тебя нарисовать,
Ты будешь лучше всех картин на свете!*

Михаил Кыров

Родился 28 июля 1982 года. В 1997 году закончил девять классов Майминской средней школы №3 и поступил в Горно-Алтайский сельскохозяйственный колледж по специальности «Бухгалтерский учёт». Успешно закончив в 2000 году колледж, начал свою трудовую деятельность в налоговых органах. До 2015 года прошёл путь от ученика специалиста Майминской налоговой инспекции до главного налогового инспектора Управления Федеральной налоговой службы по Республике Алтай. Одновременно с работой в налоговых органах заочно получил высшее экономическое образование в Новосибирском государственном техническом университете. С детства увлекаюсь спортом, музыкой. Закончил Майминскую детскую школу искусств по классу «Аккордеон». В настоящее время увлекаюсь фотографией. Успешно прошёл курс обучения в фотошколе «Азбука фото» г. Бийск. Работаю в сфере пассажирских перевозок (такси).

Дубровка

Дубровка — сколько счастья в слове,
Как лучик солнечный с утра.
Дубровка — разыгралась в поле
Мячом футбольным детвора.

Дубровка — раннее мычанье
Коров, спешащих на луга.
Свист плётки, сонное ворчанье,
Бредущего вслед пастуха.

Пьянящий аромат душицы,
И снег черемухи в саду.
Перенимая дань традиций,
Рыбачить на Катунь иду.

Дубровка — сколько добрых взглядов,
Готовых искренне помочь.
Я словно вновь в восьмидесятых,
Брожу по берегу всю ночь.

Дубровка — сколько в сердце страсти,
Любовь волнует стих души.
И девушка навстречу счастью
К свиданью с мальчиком спешит.

Дубровка соснами на скалах
Вжилась корнями на века,
Грибы по лесу разбросала
И сочный запах шашлыка.

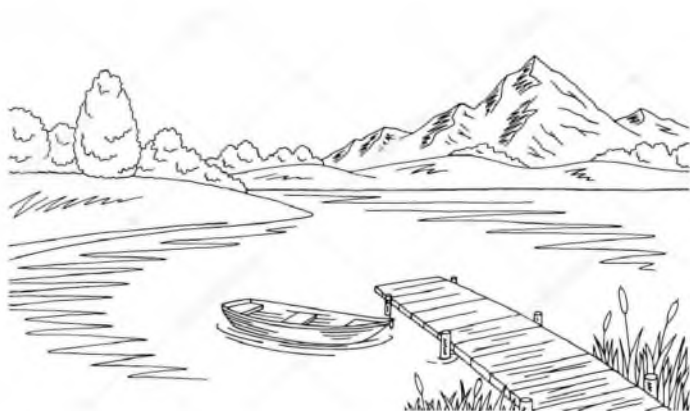
Собрав семью, вскочив в машину,
За свежий воздуха глоток,
Оставил дома всю рутину
Туристов тысячный поток.

Закатный лучик вдоль Катунь
Пролился в золотистый блик,
Пронзая воздух накануне
Донёсся журавлиный крик.

Дубровка — сколько мира в слове,
Когда пришёл с войны солдат.
Здесь не истёрлись время в горе
И память — ветеранов чтят.

В осколках золота тиснёны,
Навеки вписаны слова
Про подвиг, кровью обагрённый.
Мир знает ваши имена!

Виктор Нисаренко

Виктор Михайлович родился недалеко от города Антрацита, в с. Каменное в 1935 г.

Закончил школу, детство ушло.

Получил профессию, о которой мечтал с детства и любимую работу на всю трудовую жизнь. После института профессия увела его с родных мест.

Около полувека жизни, от студенческой скамьи до сдачи последнего отчёта, отдал он геологии, и большей частью – геологии Горного Алтая.

В составе Алтайской геофизической экспедиции в должности от коллектора до начальника партии принимал участие в комплексных геолого-геофизических работах различных направлений. С 1998 по 2002 годы был председателем Горно-Алтайского отделения Росгеолобщества. Общественник, спортсмен, победитель и призёр различных соревнований по спортивному ориентированию, лыжным гонкам.

Первый сезон

17 апреля далёкого 1960 года. Пасха. Тепло. Всё в цвету.

Меня и моего друга с нашей улицы провожают в далёкий неведомый Алтай.

Смотрю на всё то, что окружало меня с детства – громадные терриконы и копры шахтных подъёмов, лесистые балки-овраги, поросшие дубняком, заполненные ставками-запрудами и разлогими столетними дубами, на ветвях которых мы играли в догонялки, едва став на ноги. Всё то, где мы росли, пережили войну и голодные годы после, оставляю в памяти.

Мне — двадцать пять, детство давно ушло. Позади институт. Я – горный инженер-геолог. Два года работаю в шахте и должность уже не малая – начальник службы движения подземного транспорта. Работа ответственная, интересная. Но давняя мечта влечёт. С седьмого класса видел себя только геологом, исследователем неисчислимых богатств земли на необозримых просторах страны, так раздвинутой на полмира нашими предками. Преодолев грусть расставания с такой милой, неповторимой землёй детства и родными людьми, еду в Сибирь.

Все мои земляки к тому времени уже не землешцы, не селяне – они шахтёры, народ после войны собранный с Молдавии, Белоруссии, Украины и ближних российских областей для восстановления Донбасса. Это было той средой, где я рос. Здесь не было каких-то национальных «бзыков». Всех объединяла тяжёлая и опасная работа под землёй. В душе каждый понимал, под чем он ходит, и отношения между людьми были добрыми.

Умели шахтёры работать и гулять умели. И мы погуляли с роднёй и друзьями на тех проводах.

Затянулось, моё вступление — пора в путь.

Едим мы долго и вольно.

Часто с вагона поднимаемся на крышу, а больше сидим на ступеньках тамбура, свесив ножки. Вольно было тогда, проводники поругивались, но карами не грозили.

Второго мая мы в Бийске. Кругом на вокзале объявления. Требуется гуртогоны и гуртоправы для перегона скота из Монголии. И говорю другу, своему земляку: «Вот нам и отдушина, будем гуртогонить!»

Шутка шуткой, но ехали то мы на авось – где-то в какой-то Майме, в каком-то Горном Алтае, есть какая-то экспедиция, где нужны какие-то специалисты. И в детских мечтах, и в школе, и после института я мыслил себя лишь на севере, Чукотке, Магадане, Таймыре. Но случилось так, что именно в Майме оказался мой второй земляк с нашей улицы. Он на два-три года раньше отучился в Харьковском политехе и работал теперь в Майме начальником планового отдела Алтайской геофизической экспедиции. Конечно, по приезду к родителям на родину, т. е. на нашу улицу, он много наплёл и про Алтай, и про Майму. Дикость и красота лучше всякого севера. Меня туда и понесло. И друг мой увязался, осточертела шахтёрская жизнь – работа да пьянка.

В разговорах всё складывалось красиво, складно, интригующе. Приехали в Бийск. Показалось, что мы на краю обжитого мира. А где-то есть ещё какая-то Майма. Но ребята мы были не совсем робкого десятка. Подсели в кабину ЗиСа, и вперёд, в неизвестность.

Уже не холодно, но в придорожных посадках сугробы. Едем-то мы с лета. Вот и Майма – небольшая деревушка, пригорюнилась в широкой долине между окрестных гор. Встречает земляк и сразу к начальнику экспедиции.

Да, здесь такие романтики, готовые и в тайгу, и в крутые горы очень нужны. Тут же определяет меня на поиски редких металлов за Телецким озером на Абаканском хребте. Наверное, он решил проверить на «вшивость» мою романтичность и сунул в самую тяжёлую по условиям работы партию. Не знал я в начале, что это самый сложный участок, а узнав не

расстроился. Стремился со школы, достиг профессии. Что же пугаться?

В 25 лет и чёрт не брат, и нет износа, и не будет погибели. Так тогда и мнилось. Вскоре партия на Телецком. Мельтешащая мелкой рябью теснина меж лесистых гор. Артыбаш — несколько домиков в одну улочку. Напротив, через бревенчатый мост, на рубленых быках посёлок Иогач, ещё меньше домишек, но ниже моста котельная, какие-то ангары, навесы. Там — база лесхоза.

Такого роя моторок и всяких плавсредств, как ныне, тогда не было. По озеру плавал единственный катер «Лесоруб». Он-то и справлял по акватории все транспортные нужды немногочисленного населения. Слов: сплав, турист, турбаза, вертолёт, шлагбаум, VIP-персоны и прочих ходовых сейчас терминов тогда и не знали. На этой посудине мы заплыли в самый угол Камгинского залива в устье речки того же названия.

Но прежде заехали в Яйлю к администрации заповедника, чтобы согласовать разрешение для работ, что труда не составило. В те годы не было понятия что-то поиметь от заповедного пространства, кроме прямой цели — изучения геологии. Это сейчас власть имущие и разной сволочности «VIP» пытаются превратить заповедники, заказники и другие охраняемые территории в личные охотничьи угодья.

Обустроили постоянную базу в кедраче при устье Камги. До участка ещё 40 км. В те годы, учитывая автономность геологических подразделений, при исследованиях на необжитых территориях, партии комплектовались рациями на морзянке с профессиональными радистами, строгим расписанием связи с базой экспедиции, снабжались оружием.

Было только начало июня, Абаканский хребет под снегом. Нам надо его преодолеть и выйти в бассейн реки Абакан, на левый приток ручей Коный, площадь наших работ.

Пока живём на своей базе, радируем о нормальном ходе работ. Дня через три ночью лагерь стало подташнивать. Позже по своим наблюдениям убедился, что уровень озера

может подняться до 3 метров. Надо базу поднять выше на склон. Срочно всё таскаем: кули муки, сахара, сухарей, ящики с тушёной-сгущённой. В те годы был здоров не по росту, но комплекцией и массой не блистал. Но всё же и на меня наваливали мешки по 70 кг. С того времени со спиной маюсь до сих пор. Ту беду отвели и обустроились вновь теперь уже до конца сезона.

Время идёт, снег плохо тает. Начальник партии предлагает выйти на участок разведать, можно ли туда базироваться. Я, понятно, вызвался, ещё геолог Володя Цветов и топограф Купцов.

Если начинать о персоналиях нашей партии, начну с них.

Володя легкач по комплекции, подвижный, выносливый. Он – техник, я – после вуза, чуть-чуть какая-то ревность или вроде того намечалась. Но моя открытость тогда и миру, и людям нас быстро сдружила. Я уважал и любил его, легко перенимал от него опыт в полевой геологии, позже бегали на лыжах вместе. Он того поколения геологов, которые не щадили себя ни в работе, ни по жизни. Позже именно такая категория геологов описана в «Территории» Олега Куваева. И Володя рано ушёл, оставив жену, и пять дочерей.

Вторым был Ваня Купцов. Он — из военных топографов. Именно они развивали триангуляционную сеть по нашей необъятной малообжитой стране, чтобы весь рельеф точно и чётко координировать, нанести на карты, и создать тот геодезический каркас, который определяет единство территории страны. И привычки у него остались военные: планшетка с картами на боку, через плечо карабин, на шее бинокль. Я – новичок и воспринимал всё как надо.

Охарактеризую других персон чуть позже. А пока мы этой тройкой идём на участок работ. От уровня озера около 400 м абсолютной высоты выбираемся на водораздел с р. Абакан отметкой 1100-1200 м. Это превышение в 700-800 м легко преодолеваем, по уже оттаявшему кедрачу и выход-

дим на заснеженное водораздельное болото. Не без труда. Но одолели этот отрезок, и начали спуск в долину Абакана. Прежде пришлось пройти полем крупно-глыбового курумника под глубоким снегом. Ходьба невообразимая. Снег не держит, не видно куда ступать, через шаг проваливаешься по шею между глыбами. Тут повалил мокрый снег с ветром, вмиг промокли. Кедрач вроде рядом, но темп нашего передвижения почти нулевой. Ваня первый оценил опасность: «Ребята, через силу рвём вниз к лесу, иначе гибель!»

И в эту мокрую, холодную, хлёткую стужу мы до изнеможения пробиваемся в кедрач. Уму непостижимо как не переломали руки-ноги на куруме.

Вот первый кедр. Сухая хвоя, сухие сучья и ломкие кедровые веточки – всё в костёр. Нас трое, но не можем зажечь спичку – руки мёрзлые. Не скоро, но костёр запылал. Отошли, отогрелись, обсушились, повеселели и далее вниз, к Абакану.

Посветлела погода, пригрело солнце. Наметили первую стоянку для полевого лагеря, и в обратный путь. Обозрели местность, нашли обход того курума и без приключений вернулись в лагерь.

Почувствовал я тогда впервые, что вот она грань, когда можно и не вернуться. Много с тех пор прошёл маршрутов по горам и в подобных ситуациях бывал часто, но тот первый опыт экстрима меня выручал, не позволял паниковать и теряться.

Всё утряслось, оставили радиста на Камге, вышли на ручей Коный и занялись своим прямым делом – поисками редкометального сырья.

Но хотелось бы закончить с персоналиями. Начальник, Володя Гринцевич, после геологического техникума, мой ровесник. Белорус, крупный, мощный мужик. Один рабочий на его счёт шутил, что если он спрячется за кедром, а с другой стороны медведь захочет схватить его, начальник уцепится за лапы, и будет держать пока медведь не запросит: «Отпусти, больше не буду!»

Была в составе изумительная семейная пара – Макар и Даша. Макар Алексеевич Карачев, алтаец, а Даша — хохлушка из Кубани. Наверное, Макар служил в тех краях. Она к нему так привязалась, что всё бросила и приехала на его родину. Были очень дружны. Даша таскалась за ним неотрывно. В юморе ему не откажешь. Бывало, в 5 м от неё вдруг спрячется за куст и затихнет. Даша совершенно как ребёнок теряется и начинает кричать на всю тайгу: «Макар!» — он выскакивал, смеясь, она радовалась, как будто потеряла его давным-давно, и вот нашёлся.

Позже два или три сезона они еще появлялись в экспедиции, не знаю куда исчезли. Наверное, Даша утянула его на Кубань. Осталось в памяти, что такие разные личности так дружно жили и тепло относились между собой. От Макара мне на всю жизнь осталось уважение к алтайцам.

В составе партии были два парнишки – Саша из Быстрянки и Миша Маткачев из Горно-Алтайска. С ними-то и произошёл у меня несчастный случай. Оба они были в моей бригаде. Мы шли по маршруту и через определенные интервалы брали пробы. К концу дня у каждого в рюкзаке набиралось 15-20 кг. В тот день, по окончании маршрута, уже на виду лагеря пришлось спускаться по крупно-глыбовому курумнику в кар, где на берегу озера стояли наши палатки. Ходьба в горах по курумам на склонах может быть один из самых удобных способов передвижения, ни трава, ни кусты не цепляются за ноги. Но всегда надо помнить, что курум – это живой каменный поток, и в любой момент отдельный камень может сдвинуться. Так и вышло. Саша ступил на подвижную глыбу, потерял равновесие, прокатился по склону и ушибся. Миша по инерции шагнул туда же, нога попадает в щель. Перелом. Благо на виду лагеря, ребята поднялись к нам быстро, и пострадавших спускаем к палаткам. Сломанную ногу закрепили в самодельные лубки, ночуем, и с утра обеих пострадавших несём на базу партии, по три человека на самодельные носилки. А это сорок километров. Нести носилки с человеком в горах по скалам, курумнику, зарослям

берёзки – не описать это, надо там быть. Идём весь световой день. Уже в темноте вышли к перевалке. Это наша палатка на водораздельном болоте. Падаем, и сразу утро, как будто и ночи не было. Одним словом, мы уже на пределе. Вся эта невообразимая тяжесть пути, наверное, прошибла и Сашу. Далее он идёт самостоятельно. Видимо, не столько пострадал, сколько испугался. Теперь меняемся в носилках в шестером, идём вниз по чистому кедрачу. Ближе к вечеру – на базе.

Умаялись все, сеанс связи только утром. Надо доставить пострадавшего в медпункт, а это – 12 км по озеру. Была у нас лодка с вёслами. Все, конечно, на исходе сил, а плыть надо. Начальник кивнул мне. Мишу – в лодку и погребли. К ночи доплыли, в конце уже руки не чувствуешь, голова в тумане. Сдали Мишу в медпункт до утра. Ни до, ни после так я не изматывался. Володя – громадина по сравнению со мной, тоже на грани. Помню, приносит бутылку водки, в смысле выпей, отойдёшь. Пью стакан, ещё стакан – как вода. При таком истощении сил даже водка не может мобилизовать резервы, которых уже почти не осталось в организме.

Мишу Маткачакова увезли в Горно-Алтайск. Лечили, но что-то не так срослось. Я его больше не видел. Но наш геолог Юра Никифоров был местным и с ним встречался. Частенько при случае, шутя, мне потом пенял, вот, дескать, ты ногу Маткачакову сломал, а он с меня требует компенсации от геологии. А ещё Миша запомнился большим пристрастием к сгущёнке. Конечно, для алтайского парнишки, да и любого в те годы это было лакомство необыкновенное. А в партии под запись сгущёнку можно брать без ограничения. И Миша налегал. Возьмёт банку, выпьет, ещё банку – выпьет, и третью, но уже не допьёт. Добру же не пропадать – поставит банку в кармашек палатки и дырочку заткнёт. Таких недопитков – в каждом кармашке. Тут перебазировка, палатку свернули. На новом месте развернули, а её хоть обсасывай, да чаем запивай.

Описал два драматических момента в тот мой первый сезон. Первый – на заснеженном куруме в мокрый буран –

это на уровне «загибнуть». Второй – работа на пределе сил. Но был ещё случай – разбиться на скалах. Тот участок, где я провёл свой первый полевой сезон по геологии, изумительно интересный. Это пегматиты, они и были предметом наших исследований. Интерес для геолога к этим образованиям состоит в том, что сложены они разнообразными прекрасно ограненными минералами. В пегматитах монокристаллы берилла, турмалина, кварца и других достигают по весу несколько тонн. Известно, что монокристалл алмаза в несколько десятков карат – редкость, в несколько сотен – уникам, при том, что монокристаллы минералов в килограммы и тонны для пегматитов вполне обычны.

Именно минералогическое разнообразие, правильность огранки индивидуумов и сыграло со мной чуть ли не роковую роль. Закопался с очень совершенными кристаллами хлорита на плоской гладкой скале с небольшим уклоном градусов в 50-60, не глядя на то, что ниже обрыв на сотню метров, с глыбчатым курумом у подножья. Зацепов на скале не очень, но прилип и выбиваю кристалл. Вдруг, ощущаю, что сползаю по скале вниз и край вот он. Было то, что бывает с каждым, выходящим на грань. Жизнь вся предыдущая прокручивается лентой в секунду, а дальше — небытие. Но взялись где-то силы, перед уходом вниз приклеился к скале, нащупал зацепы, медленно закрепился и выбрался обратным ходом.

Этот эпизод выхода на перевал бытия-небытия в том сезоне самый острый.

Сезон закончился, уже по свежему снежку спустились на озеро. Перебрались в Яйлю и там пару недель приводили в порядок полевые материалы, паковали пробы, отдыхали от трудов, отходили от приключений, плавали по озеру. На попутном катере, всё том же «Лесорубе» добрались, уже не припомню с кем, до Челюша. Там целебный источник. Что мне интересно – это травертины в роднике, современные известковые образования. Обратно тем же транспортом, но на прицепленной барже с сеном вернулись в Яйлю. Хорошо по-

трепал низовой ветер. Здесь встретились с небольшой геологической группой из Красноярска. Они тоже решали свои задачи где-то в заповеднике. Теперь ожидали отъезда. Мы общались с ними, вместе отдыхали. Благо погода стояла тёплая. С одним, (или одной, не помню) геологом я на спор, на вёсельной лодке сплавал на противоположный берег озера. Это мыс Колдор в 6 км, напротив Яйлю. На обратном пути попали под верховку, волна прямо в борт. Напугались, натерпелись, умаялся чуть не до вырубца, но спор выиграл. Затея та для октября месяца на озере не совсем безопасная и даже рискованная, но в том возрасте кто способен отказаться от такой авантюры?

Страниц мало, впечатлений много о первом сезоне, да и времени прошло немало. Потом ещё было 35 полевых сезонов, и уже задним числом вспоминаешь, какая масса интересных наблюдений, как много замечательных, неординарных личностей пересеклись с тобой. Хотелось бы их восстановить в памяти. Лишь дал бы бог памяти и таланта, да бумага бы вынесла. Попробую восстановить что-нибудь, хотя бы лишь для собственного удовлетворения.

Не пересёкся я с М. Веллером. Теперь он признанный писатель, известный философ, политолог и VIP-персона. Как всякий «VIP», чрезмерно самоуверенный, иногда до оракулизма. Но в молодых годах он тоже бродил по свету, копил опыт. Прошли и мы с ним одним путём, но в различном качестве и в разное время. Я в конце 80-х занимался геологической съёмкой на Укоке по границе с Китаем. В 60-е годы, когда я изучал в Бийске объявления о наборе для перегона скота с Монголии через Укок в Семипалатинск, он уже гуртогонил и гуртоправил на этой трассе, о чём вспоминает позже в своих рассказах. Хотелось бы еще описать и те места, и геологию, и гуртогонство, курганы, мумии и еще много интересного об Укоке. А, может быть, еще получится.

15 ноября 2017 г.

В. М. Писаренко

с. Майма

Моя Белуха

Белуха! Красивое слово, чуть-чуть мрачноватое в начале и звонкое в конце. А если гору хоть издали увидел, хоть на картинке, оно звучит и звенит, и манит. Так, наверное, влекла она Томских гляциологов, братьев Троновых, Бориса и Михаила, влюблённых в ледники Горного Алтая, составивших очень тщательно прописанный полный их каталог.

Не могли они удержаться от зова горы и первыми из современных людей взойшли на её вершину. Современных – это не случайная оговорка. Недавно в Альпах найден человек, впаянный в лёд, пять тысяч лет назад.

Что может быть захоронено в ледниках Ак-Кема, Менсу, Катунских, никто не скажет. Мы — племя любознательное. Человека и сейчас, и сто лет, и тысячу лет назад, и всегда влекло неизвестное, недоступное. Не исключено, что какой-нибудь «всадник Укока», из древнего пазырыкского сообщества кочевников, по моренам подъехал к леднику, оставил коня на скудной моренной травке и поднялся выше, посмотреть, что это за блестящая, белая степь, гладкая и совсем без растительности. Таких смельчаков-романтиков, (а они всегда среди людей были, во все века), могло там побывать немало. Но и ныне не все оттуда возвращаются живыми.

К тому времени, когда вершина всё больше ко мне приближалась, вернее, я к ней, и мысленно приблизился достаточно близко, вышла книга географа Ревякина «Белуха». К 1968 году на вершине побывало, как пишет Ревякин, около 250 человек. Но меня-то среди них не было.

Вскоре Неустроев В. И, мастер спорта по лыжам и туризму, организывает альпиниаду с восхождением на Белуху. Группа создана, в основном, из студентов пединститута.

К тому времени я и мой постоянный товарищ по горнолыжным походам Н. В. Смирнов были уже заматеревшими ходоками-лыжниками по самым необжитым местам Алтая

и Саян, постоянно были на сборах спасателей, как общественники.

Владимир Иванович пригласил нас в группу хоть немного «загустить» жидкую альпинистско-студенческую среду.

Восхождение планировалось по Катунскому леднику до седла желательно всем, а дальше штурмовая группа из пяти человек – тройка-связка на вершину, страховая двойка — на седле или балконе. Остальные -вниз, на базу у нижнего края ледника. Там будет обустроенная палатка, костёр, заготовленные дрова, одним словом, базовый лагерь.

Но до базового лагеря еще много потов сошло. От с. Кучерла, по реке Кучерла и до озера с таким же названием не близко, но всё же это только разминка.

Прошли озеро, остановились на ночёвку. Дальше надо пахать по-настоящему. Второй и третий день челночим, забрасываем груз под Капчальский перевал. Это удобный проход из Кучерлинской долины на Верхнюю Катунь.

Выходим с лагеря рано, перед перевалом догружаемся заброской. На перевал выходим без больших усилий. Спуск на Капчальский ледник короткий, крутой, но обошлось без кошек.

Дальше – сама прелесть. Спуск по леднику на Катунь тяжёлой, но пологий. И я, и Николай прекрасно владели лыжами, катились с ветерком. Сорок килограммов за плечами не мешали всяким виражам. Прочая компания нападлась, но обошлось без поломок, все лыжи целые. Сломалась лишь «манюня», так называют запасную лыжу, которая катится на поводке за лыжником. Берут её большие группы, почти всегда, она первая ломается.

В своих походах мы запаску не брали; сломалась лыжа, достаём инструмент, сколачиваем обломки, и группа через 20 минут на маршруте.

Двенадцать километров от устья Капчала до истока Катунь одолели в тот же день, поставили палатку у Камня. Этот отторженец скалы, величиной с дом известен всем альпинистам, произносится с большой буквы и служит всем старто-

вой площадкой при восхождении на вершину по Катунским ледникам.

Палатка сшита из нескольких, вмещает 20-25 человек вместе с печкой. Здесь ещё растёт редкий, корявенький кедрочок, так что с печкой и костром всегда будешь. Второй день уходит на заготовку дров, забрасываем продукты, газ-баллоны с плиткой и кое-какой снаряж вверх под балкон для будущего восхождения. На завтра тоже заброска. Ещё не дошли до вчерашнего временного склада, как подул ветер с Катунки с мокрым снегом. Повернули на базу.

Стихия выдала классический буран. Идём плотной группой, едва не наступая на лыжи переднего. Его спина – неясное пятно, ориентировки – никакой. Но всё же каким-то чутьём воткнулись носом в Камень. И вот мы в уюте палатки!

Запуржило, задуло, замело – и день, и два, и неделю. Лежим в палатке, кто балдеет, кто анекдотами исходит, кто строгаёт игрушки из кедровых палочек, а, в общем, тоска – контрольный срок исходит. Одна радость – завхоз Серёга Наумов открыл банку кильки, и всем по штучке с головкой, с хвостиком и кишочками – такая вкуснота!

В. И. Неустроев решает – все уходят с Лией Станиславовой, его женой, тоже мастером спорта по туризму, вниз, обратным ходом: Капчал-Кучерла-Кокса, продлевают контрольный срок. Штурмовая группа: он, Смирнов, я, Леша Буньков, и Толя Иванов, старшекурсники. Всё же надо попытаться поставить высшую точку в альпиниаде. Наутро погода ясная. Прощальные жесты, они – вниз, мы – вверх, в направлении к вершине.

Уже перед балконом Леша подрезал снежную доску. «Балкон» — небольшая снежная мульда с плоской поверхностью под скальной вертикалью там, где Катунский ледник разделен каменным гребнем на западную и восточную ветви. Доска первые секунды с тихим шелестом, а дальше с шумом, и гремящим снежным облаком – комом уже внизу. Всё произошло с быстротой взрыва.

У нас только: спальники, лыжи, веревки, кошки, ледору-

бы и продукты. На балконе намечаем место для снежной пещеры, всё оставляем кроме кошек, верёвок, ледорубов. И в темпе, обходя открытые трещины и опасные ложбинки, под закрытыми снегом глубокими, расширяющимися ледяными пропастями, идём вверх на седло.

«Седло» — ровное, неширокое, фирновое поле между километровой отвесной стеной с севера на высоте четыре километра и западным склоном Белухи высотой 4506м и восточным склоном западной вершины, высотой чуть меньше 4,5 км.

В два часа дня мы на седле. В. И. назначает тройку на восхождение: я, Николай и Лёша. Он с Толей возвращается на балкон, обустраивают снежную пещеру, ждут нас. Это страховочная двойка. Расходимся по своим направлениям. Мы преодолеваем 4-х метровый ледовый уступ от седла и выходим на склон. Он не крутой, около 50 градусов, но обледелый опасным натечным льдом с редкими скальными грёбешками и пятнышками фирна. Идем на кошках и в связке. Ветер нарастает, дует справа. По деловому склону шуршит дресва. Свистят мелкие камушки, и боязно за глаза, хотя и в очках.

В шесть часов вечера — на вершине. Снег и ветер всё сильнее. Конечно, «Я счастлив и нем...», «Алтай подо мною...», и всё такое, но Алтая не видно. В круговерти снежного марева смутно угадываются более тёмные, нечёткие полосы ущелий, радиально расходящиеся от нас. Немедля записку — в тур и вниз. На седло спустились, уже темнело. До балкона и по светлому два часа ходу, когда видно все трещины и опасные ложбины. Но — темно и буран. Надо спускаться. На нас только свитера и обледеневшие штормовки. Ночевать — замёрзнуть. Лёшу, как легкача, пускаем в связке первым. Мы с Николаем веревку в натяг, ледорубы наизготовку. Чуть что, вдвоём удержим и обойдем трещину. Пронесло. Нам везёт. Немыслимо в буран, по темному спускаться по леднику, избежать трещин, наощупь. Любой альпинист это скажет. К одиннадцати часам ночи мы на балконе. Кричим, нас не слы-

шат. Вокруг нас белые снежные ведьмы пляшут, как будто хотят заманить на голый лёд или гибельные скалы.

Пещеру засыпало, метель и снег глушат звук. Площадка небольшая, вскоре мы наткнулись на лыжные палки. Вот мы и в пещере. Как же уютна снежная нора! Там уже постелены спальники на лыжах и верёвках. Пожевали сухариков, съели по плитке шоколада, запили снежком, и «отрубились» по мёртвому. Воды нет, баллончики с газом и плитку давно похоронила лавина и, вытают они лишь пару тысяч лет спустя.

Утро, а снег идёт. Ещё ночуем, а снег идёт. Наверху лыжные палочки засыпаны до петель. Опять ночуем, а снег идёт, и лыжных палочек уже не видно. И так четыре дня и ночи. Потолок пещеры отслоился, убрали лишнее, чтобы не завалил. Лежишь день, лежишь ночь и сухарей и масла, и шоколада — вволю, а воды нет. Набьёшь кружку снегом и поставишь на живот пониже пупка, а лучше ещё ниже, к вечеру на два глотка натает. Осточертело. Пристаём к Владимиру Ивановичу-вниз, только вниз. Он ни в какую. Затрёт лавиной. Опыта ему не занимать. После четвёртой ночёвки, чуть просветило. И он решился. Выбираем ледок и скальные гребешки, в обход лавиноопасных снежных склонов. Обошлось без лавин. И вот Камень родной. Дрова ещё раньше запасены. Котелок в пять литров на костёр. Чуть растаяло, выпили, еще набили снегом, выпили, и так три раза, уж очень обезводили. К вечеру ушли на Капчал. Вырыли яму в снегу, упали замертво. В три часа ночи уже на лыжах по Капчальскому леднику вверх, к обеду на перевале и немедленно вниз по Кучерле. Дошли до леса. Костёр, обед, чай до упора, мы ещё обезвожены. К концу похода физическая форма изумительна, легишь птичкой и рюкзака не чуешь. К ночи дошли до чабанской летней избушки. Она свободна. Я дежурный, хочу быстрее накормить ребят, да сыпнул манки без меры. Надо в миски каждому положить, но не могу, не берёт кашу алюминиевая ложка. Ясень пень, скулежу хватило до самого Горно-Алтайска, приходилось терпеть, да и самому смешно.

В контрольный срок уложились, взойшли на гору, альпинида прошла успешно. КСС вызывать не пришлось. Владимир Иванович человек сдержанный, но радости не скрывал. И мы оказались на высоте в прямом и косвенном смысле.

Ещё был на горе, но в другой связке. К нам с Николаем привязался Саша Бузырёв, человек простой, выносливый и абсолютно надёжный. Всё проходило удачно, здоровье было, спортивная форма вне похвал. Была и удача и тот самый кураж, что позволял преодолевать все препятствия. Это ещё не всё.

Моя первая Белуха была в 1963 году и не поддалась. Я всего три года на Алтае. Прошел Абаканский хребет и там чуть не погибли. Но не об этом речь. В альпинизме я — совершенный «чайник», и к альпинистскому сообществу ещё не примкнул. В 1962 году в экспедиции появляется Коля Божок, после Киевского университета. Парень изумительный во всех отношениях, как говорится при голове и «физика» на зависть. Скорешились мы с ним сразу, решили покорить Белуху. К нам примкнул ещё «чайник», геолог Костя Траудт. Идём в марте 1963 года, собираем снаряжение: две основные верёвки, моток репа и трикони у каждого. Трикони — это альпинистские ботинки, времён сороковых годов, времён альпинистов Абалаковых. В ботинках стальные шипы, толстая, многослойная кожа. Обувка надёжная, но каждая весом более трёх килограмм. Кошки, ледорубы, одежда, продукты, а ещё палатка, спальник. Для облегчения берём один на всех ватный спальник, о пуховом тогда и не мечтали, расширяем горловину, всем в него можно засунуть только ноги, весь торс на улице. Вместо печки — упаковка таблеток сухого спирта. У каждого рюкзак, при этих ухищрениях, за сорок килограмм. До Коксы — на рейсовом, до Тюнгура — пешком, а это 70 км. Где-то на санях подъезжали. В Тюнгуре ночуем. Утром Виктор Нольфин, местный житель, переплавил нас лодкой через Катунь в село Кучерла. Позже я работал в тех местах по алюминию и с Виктором Родионовичем подружился.

В тот же день от Кучерлы через перевал Кузуяк вышли на Ак-кем и заночевали в чабанской стоянке. На завтра вверх по реке Ак-кем до озера Аккем. Это 45 км и превышение 1200 м. Глубокой ночью падаем на ночлег перед моренной плотиной Ак-кемского озера. Утром без костра и чая поднялись на эту перемычку. Перед нами благостная картина. Озеро подо льдом сверкает, вдали за ним блестит ледник, и сияют ближние вершины Борис и Броня. И между ними за ледником великолепная непреступная Ак-Кемская стена и седло Белухи. На берегу озера, справа, добротный дом, обустроенный по кругу, на четыре ската и дымок из трубы. Это метеостанция. В природе благодать, ясно и ни ветерка. Ради этого стоило так пыhtеть весь этот утомительный переход от Коксы. В те времена место это было глухое. Летом и весной появлялись редкие туристы, в основном из «рерихнущих». И эти парни на метеостанции с октября по апрель живого человека не видели.

Так не встречаются родных после многолетней разлуки, как нас эти парни. Для нас было всё: пышнейший хлеб, борщ, пельмени и всяческие консервы. В те годы, о которых говорят — «совковые», каждому на метеостанции доставляли продукты на 32 руб. в месяц. И правда, на эти деньги там было всё. Как поётся в песне «варенье и печенье, крокодила жареный хребет».

Ночевали, ещё раз ночевали, только, чтобы хозяев не обидеть и блаженствовали в ауре обожания этими славными ребятами. Но гора зовёт. Прошли ледник и встали под перевалом Титова. Между пиком Томских студентов и «Делоне». В ледниковой трещине устроились на ночлег. Один спальник на троих. Мёрзлая тушёнка, шоколад, сухарики и запивка снежком, а таблетки так, для копоты. Ночь перебедровали и утром — на перевал. И эта же ночёвка, и тот изнурительный подход от Коксы истрепали наши силы, но на перевал вышли к вечеру. Стемнело и особо не осмотришься. Идём вниз, я крайний сверху, правлю веревку, ребята нащупывают путь по ледовому склону. Как на грех верёвка запуталась и

никак не могу разобрать. До сих пор, наверное, на тех скалах висят мои проклятия и крепкие слова в адрес всех богов. Одно утешало ребят — это мои словесные упражнения, они развлекали их все полтора часа, пока я не распутал все «гордиевы» узлы. Наконец спустились к трещине и с таким же «комфортом» ночевали! Утром спорим, куда идти. Николай: «Только на вершину!». Но впереди выход на гребень по ледовому крутому склону, пик «Делоне». И далее «жандармы», т. е. трудно обходимые пики по гребню. Я понимал, что силы уже исчерпаны, и путь вперед — это путь без возврата. Бываю я упёртым, и Коля сдался. И снова метеостанция. Чудесно пообщались, отдохнули пару дней, отъелись, главное отпились, отошли душой и осознали, что к восхождению пока не готовы. Это сняло горечь от неудачи. Ребята с метеостанции нас не осудили, наоборот восхитились, что мы поднялись так высоко. Я был начинающим кинолюбителем, снял небольшую ленту, и дома мы смонтировали коротенький фильм. Теперь, это дремучая старина, и он где-то затерялся. Осталась обида на наше начальство, что пожалели дать нам машину, мы бы на глупом затяжном подходе по проезжей дороге не потеряли силы и, наверное, гору одолели бы.

Ещё много раз приходилось бывать в горах и по работе, и в походах, пусть не таких, звенящих в речах как Ак-тру, Альпы Катунские и Чуйские (хотя их я тоже прошёл), но так же трудных, опасных в преодолении и великолепных в своей красоте. И сейчас восхищаюсь своими товарищами-спутниками во всех этих походах, восхождениях, геологических партиях по горам Алтая.

Я благодарен судьбе, что ни разу не ставила нас перед выбором обрезать веревку, остаться на гребне и жить подлецом до старости или уйти молодым в связке с товарищем в обрыв, на скалы, в небытие, но человеком.

21. 03. 2016 г.

Н. В. Смирнов

Н. В. Смирнов родился в 1937 г. в деревне Красная Горка, Нелидовского района, Тверской области РСФСР.

Окончил Киевский ГРТ в 1955 г. по специальности техник-геофизик по радиометрии. Работал в Каменской экспедиции №25 Сибгеофизтреста (г. Змеиногорск).

С 1957 г. по 1959 г. служил в рядах Советской Армии.

В 1966 г. заочно окончил ВЗПИ по специальности – горный инженер-геофизик. Работал в Алтайской геофизической экспедиции.

Первооткрыватель нескольких перспективных проявлений ртути. Общественник, спортсмен, победитель и призёр различных соревнований по спортивному ориентированию, лыжным гонкам, гиревому спорту. Мастер спорта СССР по туризму. Руководил клубом туристов АГЭ. Руководитель и участник походов I-V категорий сложности по Горному Алтаю, Саянам, Туве, плато Путорана в Норильском районе, в других районах СССР.

Хроника событий зимнего восхождения на Восточную Белуху

(в дополнение к рассказу В. Писаренко «Моя Белуха»)

В начале 1972 года Горно-Алтайским областным советом по туризму и туристским клубом Горно-Алтайского пединститута было принято решение о зимнем восхождении на Восточную Белуху (4506м) в честь 50-летия Горно-Алтайской автономной области.

Основными организаторами и возглавляющими тренерский совет стали В. И. Неустроев и Л. С. Неустроева – мастера спорта СССР по туризму, преподаватели кафедры физвоспитания пединститута.

Восхождение было запланировано на март, когда по долгосрочному прогнозу, в горах отмечалась устойчивая погода.

В данном событии приняло участие 20 человек. В основном, это преподаватели и студенты пединститута. Среди участников были и мы – работники Алтайской геофизической экспедиции: В. М. Писаренко, В. И. Кац и я — Н. В. Смирнов.

Хроника событий этого восхождения такова:

4 марта 1972г. – проезд автобусом до с. Тюнгур, где ночуем в местной школе.

5 марта – адаптация к походу: мы — на лыжах, вещи — на санях. Идём по тропе вдоль реки Кучерла до стоянки в урочище Озёк-Оре

6-8 марта – переход: стоянка – долина р. Кони – Айры.

Все три дня челночили (т. е. возвращались за оставшимся скарбом), так как груза слишком много для 20 человек (палатка, печка, альпинистское снаряжение, газовое оборудование, продукты и др.)

9 марта — переход с ночёвки до перевала Капчальский (Пищевиков) на 7, 5 км сделали с полной выкладкой (при-

мерно по 40 кг.) за 5 часов чистого времени. Подъём довольно прост и осуществлён на лыжах. Перевал также не представляет особой сложности.

Погода радует – солнечно, тихо. В 18:30 встали на холодную ночёвку, в 4 км от перевала, на Капчальском леднике.

10 марта – переход в верховье р. Катунь, к знаменитому отдельно стоящему Камню.

В начале до устья реки Капчал — крутой спуск около 2 км, затем около 8 км – пологий. По долине реки Катунь встречаем несколько лавинных выносов.

В долине реки Катунь нет деревьев, растут они лишь на склонах. Лапник, дрова заготавливаем на левом борту, в 100 м (по вертикали) от лагеря.

11 марта – устройство лагеря. После обеда солнечно. Любуемся Белухой, делаем превосходные снимки.

12–13 марта – знакомимся с ледником в верховье реки Катунь – Катунским или Геблера (назван так, по предложению В. В. Сапожникова, в честь исследовавшего его ещё в 1835 г. Ф. В. Геблера — главного инспектора госпиталей и аптек Кольвано –Воскресенских сереброплавильных заводов).

Ледник залегает на южном склоне Белухи. Питание ледника обеспечивается, главным образом, снежно – фирновым полем в седле, между двумя конусами Белухи. Это наклоненное к югу поле скоро разделяется на два потока (левый и правый) коротким южным отрогом, носящим название Раздельного гребня.

Нижнее поле ледника Геблера, имеющее длину до 2, 7 км и ширину 0, 5 км несёт крупный вал срединной морены, образующейся у подножья Раздельного гребня от слияния левого и правого потоков.

Эти два дня погода была очень плохая: ветер, снег, температура около 0 градусов. Так что полномасштабного ознакомления с местностью не получилось. В палатке к вечеру 13 марта пошёл капёж, к ночи она стала оседать.

14 марта в 1:30 начался сильнейший буран, жизненное

пространство палатки стало катастрофически исчезать. До 7:00 в четыре лавинных лопаты отбрасывали снег с наветренной стороны палатки. К тому же сошедшая лавина краем задела наш лагерь. Было принято решение перенести его в устье реки Капчал.

К вечеру — солнечно, ночью — звёздно.

Думаем о штурме Белухи!

15 марта надежды рухнули — с 3-х часов ночи снег, к утру сильный. С 15:00 тихо.

Принято решение (в который раз!) о выходе на штурм двух двоек: Н. Смирнов и В. Писаренко, Л. Буньков — студент пединститута и А. Иванов — работник облсовета по туризму и экскурсиям.

Группой из 12 человек прокладывается лыжня по маршруту: устье реки Капчал — ледопад правого потока ледника Геблера. При этом забрасывается и снаряжение для штурмовых двоек.

16-17 марта — погода плохая. Снег, ветер. Ни о каком штурме Белухи вопрос уже не ставится, необходимо возвращаться домой, так как истекает контрольный срок нашего путешествия. Вышли лишь на розыск альпинистского снаряжения (не нашли — всё погребено под лавиной), да пробили лыжню до середины Капчальского ледника.

18 марта — с 4 часов вызвездило. Утром — сборы домой.

Но опять принимается решение о штурме Белухи. На сей раз пятеркой (к предыдущим штурмовым двойкам добавляется и В. И. Неустроев), остальные 15 человек во главе с Л. С. Неустроевой должны возвращаться домой и продлить контрольный срок для восходителей.

Трогательное прощание (с тревогой и надеждой)!!!

Далее впятером совершаем марш-бросок на лыжах до места, где снаряжение накрыла лавина (примерно 13 км по целику за 4 часа), потом на лыжах и кошках до «Балкона» (3200м) по маршруту, проложенному первовосходителями Б. и М. Троновыми 16 июля 1914г. (категория трудности 2Б). Перед выходом на «Балкон» подрезали лавину «доску», ко-

торая, к счастью, никого не задела.

Здесь в борту мульды отрываем пещеру, где и ночуем. Вечером отказал газ, натопили из снега лишь по 400г воды на каждого для восхождения.

19 марта – штурм!!!

8:00 – 14:00 переход до седла. Сначала придерживаемся скал Раздельного гребня, затем пересекаем ледниковое поле ниже верхнего ледопада восточной ветви ледника и подъём к седлу. Много трещин, которые обходим, прижимаясь к Раздельному гребню. Любуемся панорамой. Впечатляет Западная вершина Белухи (4435 м) – крутые ледовые склоны, с которых часто срываются лавины.

Принимаем решение: тройке (Писаренко, Буньков, Смирнов) подняться на вершину, а двойке – спуститься на «Балкон» и ждать возвращения восходителей.

К обеду погода начала портиться – с запада облака, начался ветер.

В 14:15 вышли на штурм. С большим трудом с помощью ледорубов преодолели подгорную трещину и начали подъем (в 15:00) на кошках по оледенелому фирну ко второму (с севера) выступу камней. Севернее идет ребро, обрывающееся к Аккемскому леднику. В 17:45 достигаем вершины (гнейсовые скалы). Здесь обнаруживаем чей-то красно-белый вымпел. Тур не найден. На месте изъятия вымпела делаем свой тур, куда укладываем два вымпела, записку. Фотографируемся.

Погода сквернейшая, сильнейший ветер, который приходилось иногда пережидать, чтобы не сбросило с гребня.

В 18:00 – спуск к седлу. В 20:00 — 23:00 спуск седло-«Балкон».

Шли в снегопаде, часто проваливаясь в трещины. Уставшие, замерзшие, но счастливые доложили В. И. Неустроеву об успешном восхождении. Поздравления!!!

20-21 марта снегопад сильный. Например, к 13:00 20 марта насыпало 70 см снега. Буран, плохая видимость. Нам ничего не оставалось делать, как находиться в занесённой пещере, усиленно питаться и спать, да слушать «музыку» лавин и

ледопадов. Воды катастрофически не хватало, — добывали, растаивая снег в кружках на животе.

22 марта — погода немного смиростивилась. Решили спускаться вниз. Спуск осуществляли на кошках по снегу, прокладывая траншею.

Шли строго по падению воды, чтобы не «сработала» лавина.

В 13:00 достигли Камня (нашего базового лагеря), здесь дрова. Пьём воду — по 5 кружек, затем жидкий суп — по пять кружек и, наконец, какао — по 4 кружки. Не напились, хотя проглотили по 5 л воды.

Далее до устья реки Капчал, где ночуем под открытым небом. Отличная погода!

23-24 марта. Теперь только домой!

В 4:30 выход на перевал, который достигаем в 12:00. Идти легко — решаем, что надо ночевать на стоянке Озёк-Оре.

Достигаем избушки в час ночи 24 марта. Сильно устали. Прошли ведь через перевал около 50 км, но топим печь, едим, спим.

Через пять часов выходим в с. Тюнгур, где нас ждет ГАЗ-69.

25 марта. Счастливые, загорелые, в меру обезвоженные и обмороженные в 6:00 мы дома!

Всемогушественная Фортуна была благосклонна к нам!

Зимнее восхождение на Белуху успешно завершено!

*Н. Смирнов, участник восхождения,
мастер спорта СССР по туризму*

Оглавление

Предисловие	3
Сергей Адлыков	6
Мария Образцова	19
Алексей Тадинов	40
Ольга Ельдекова (Истомина)	49
Владимир Уделяев	74
Галина Свириденко	77
Серикжан Толегенов	92
Надежда Гайсина	99
Алексей Гаев	114
Татьяна Чанчибаева	129
Георгий Черных	153
Оксана Хлопотова	159
Мерген Челтанов	165
Оксана Холманская	185
Николай Воробьев	190
Мария Пахорукова	204
Светлана Костина	213
Валерия Тюттенева	217
Семеновы: Любовь и Борис	222
Надежда Кетрарь	230
Сергей Дыков	258
Вера Ленская	262
Людмила Гришка	269
Александр Кобзев	279
Людмила Алтунина	294
Юлиана Семенова-Молчанова	306
Лилита Корчагина	312
Ирина Евдокимова	318
Михаил Кыров	322
Виктор Писаренко	325
Н. В. Смирнов	343

Майминское литературное объединение «Ли́ра».

Адрес: Майма, ул.Советская, 57.

Тел. 8-(38844)-22-9-76

Составители: О.М. Ельдекова (Истомина),

Г. Н. Свириденко (Иванова)

Фото на обложке: О.М. Ельдекова (Истомина)

Вёрстка и дизайн: А.А. Кобзев

Тираж 200. Формат 60х84/16

Отпечатано в типографии «Матрица»

г. Бийск, ул. Мерлина, 27

эл. адрес: matrix2002@mail.ru

